

Андрей Санковский

КРОВЬ, ПЛОТЬ, ЧАС ПРЕЗРЕНИЯ

Annotation

«Кровь эльфов» — конечно же, роман о ведьмаке Геральте. Равно как и роман о княжне из Цинтры, воспитанной ведьмаками и ставшей ведьмачкой. Это книга о Каэр Морхене — цитадели ведьмаков. Их доме. Это произведение о жизни и смерти, любви и разлуке. О верности долгу и о Предназначении... О великой войне и ее последствиях. О мире, в котором все меньше места остается для магии и все больше — для материализма... И связующим звеном не только всего романа, но цикла в целом была и есть Цири — Дитя Старшей Крови...

Маленькая принцесса Цири из Цинтры — девочка, чья судьба неразрывно связана с простым ведьмаком — представителем исчезающей профессии, является, как гласят пророчества, носительницей «старшей» — эльфийской — крови. Ставшая Предназначением Геральта, юная Цири под покровительством ведьмаков проходит подготовку в их замке. Одновременно в ней начинают пробуждаться магические способности...

-
- [Анджей Сапковский](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
-

Анджей Сапковский
Кровь эльфов

Глава 1

*Elaine blath, Feainnewedd
Dearme aen a'caelme tedd
Eigean evelienn deireadh
Que'n esse, va en esseath
Feainnewedd, elaine blath!*

«Цветочек». Колыбельная песня и популярная детская считалка эльфов

Истинно, истинно говорю вам: придет век Меча и Топора, век Волчьей Пурги. Придет Час Белого Хлада и Белого Света. Час Безумия и Час Презрения, Tedd Deireadh. Час Конца. Мир умрет, погруженный во мрак, и возродится вместе с новым солнцем. Воспрянет он из Старшей Крови, из Hen Ichaer, из зерна засеянного. Зерна, кое не прорастет, не проклюнется, но возгорится пламенем.

Ess'tuath esse! Да будет так! Внимайте знамениям! А каковы будут оные, глаголю вам: вначале изойдет земля кровью Aen Seidhe. Кровью Эльфов...

*Aen Ithlinnespeath, пророчество Ithlinne Aegli
aep Aevenien*

Город горел.

Забитые дымом узкие улочки, ведущие ко рву, к первой террасе, полыхали жаром, языки пламени пожирали притулившиеся друг к другу соломенные крыши домов, лизали стены замка. С запада, от портовых ворот, накатывался крик, звуки яростного боя, глухие, сотрясающие стены удары тарана.

Нападающие неожиданно окружили их, проломив баррикаду, которую защищали немногочисленные солдаты, горожане с алебардами и арбалетчики. Покрытые черными попонами кони призраками перелетали через заграждения, блестящие мечи разили отступающих защитников.

Цири почувствовала, как везущий ее на луке седла рыцарь резко осадил коня. Услышала его крик. «Держись, — кричал он. — Держись!»

Другие рыцари в цветах Цинтры опередили их, с ходу сцепились с нильфгаардцами. Цири видела это всего лишь одно мгновение, краешком глаза — бешеный водоворот сине-зеленых и черных плащей, лязг стали, удары клинков по щитам, ржание лошадей...

Крик. Нет, не крик — вой.

«Держись!»

Страх. Каждый рывок, каждый удар, каждый скачок коня до боли рвет стискивающие ремень руки. Ноги, сведенные болезненной судорогой, не находят опоры, глаза слезятся от дыма. Обхватившая ее рука душит, давит, чуть ли не ломает ребра. Вокруг нарастает крик, какого она никогда раньше не слышала. Что надо сделать с человеком, чтобы он так кричал?

Страх. Сковывающий волю, парализующий, удушающий страх.

Опять лязг железа, храп коней. Дома вокруг пляшут, исходящие огнем окна неожиданно оказываются там, где только что была забитая грязью улочка, усеянная трупами, заваленная пожитками беглецов. Рыцарь у нее за спиной вдруг заходится странным, хриплым кашлем. На вцепившиеся в ремень руки хлещет кровь. Крик. Свист стрел.

Падение, болезненные удары о доспехи. Рядом бьют копыта, над головой проносится конское брюхо и разорванная сбруя, снова конское брюхо, развевающийся черный плащ, звуки ударов наподобие тех, что издает лесоруб, валящий дерево. Но это не дерево, это железо о железо. Крик, сдавленный и глухой, совсем рядом валится в грязь что-то черное и огромное, разбрызгивая кровь. Закованная в железо нога дергается, раздирает землю огромной шпорой.

Рывок. Какая-то сила подхватывает ее, затягивает на седло. «Держись!» Опять галоп. Руки и ноги отчаянно ищут опоры. Конь становится на дыбы. «Держись!» Нет опоры. Нет... Нет... Кровь. Конь падает. Нельзя отскочить, нельзя выбраться, вырваться из тисков покрытых кольчугой рук. Нельзя укрыться от крови, хлещущей на голову, на шею.

Рывок, чавканье грязи, резкий удар о землю, удивительно неподвижную после дикой скачки. Хрип и пронзительный визг коня, пытающегося поднять круп. Удары подков, мелькающие бабки и копыта. Черные плащи и попоны. Крик.

На улице огонь, ревушая красная стена огня. На ее фоне наездник, огромный, уходящий, кажется выше пылающих крыш. Покрытый черной попной конь пляшет, мотает головой, ржет.

Наездник глядит на нее. Цири видит, как блестят его глаза в прорези

огромного шлема, украшенного крыльями хищной птицы. Видит отблеск пожара на широком клинке меча, который тот держит в низко опущенной руке.

Наездник глядит. Цири не может пошевелиться. Ей мешают одеревеневшие руки убитого, охватывающие ее талию. Удерживает что-то тяжелое и мокрое от крови, что лежит у нее на бедре и притискивает к земле.

И еще ей не дает двигаться страх. Чудовищный, выворачивающий все внутри страх, из-за которого Цири уже не слышит стон раненого коня, рев пожара, крики убиваемых людей и грохот барабанов. Единственное, что существует, с чем приходится считаться, что имеет значение, это страх. Страх в обличье черного рыцаря с украшенным перьями шлемом, рыцаря, застывшего на фоне кроваво-красной стены бушующего пламени.

Наездник сдерживает коня, крылья хищной птицы на его шлеме расправляются, птица устремляется в полет. Кидается на беззащитную, парализованную страхом жертву. Птица — а может, рыцарь — кричит, вопит страшно, жутко, торжествующе. Черный конь, черные доспехи, черный развевающийся плащ, а за всем этим огонь, море огня.

Страх.

Птица верещит. Крылья трепещут, перья бьют по лицу. Страх!

«На помощь! Почему мне никто не помогает? Я одинокая, я маленькая, беззащитная, я не могу пошевелиться, даже звука не могу издать перехваченным судорогой горлом. Почему никто не приходит мне на помощь? Я боюсь!»

Горящие в прорези огромного крылатого шлема глаза. Черный плащ заслоняет все вокруг...

— Цири!

Она просыпается вся в поту, застывшая, а ее собственный крик, крик, разбудивший ее, все еще дрожит, вибрирует где-то внутри, в груди, разрывает высохшее горло. Болят вцепившиеся в попону руки, болит спина...

— Цири, успокойся.

Кругом — ночь, темная и ветреная, монотонно и мелодично шумящая кронами сосен, поскрипывающая стволами. Уже нет ни пожара, ни крика, осталась только эта шумящая колыбельная. Рядом играет огнем и пышет теплом костер бивака, пламя вспыхивает на пряжках упряжи, горит пурпуром на рукояти меча и оковке ножен, прислоненных к лежащему на земле седлу. Нет другого огня, другого железа. Касающаяся ее щеки рука пахнет кожей и пеплом. Не кровью.

— Геральт...

— Это был всего лишь сон. Скверный сон.

Цири дрожит, сжимает руки, подбирает ноги.

Сон. Всего лишь сон.

Костер уже успел пригаснуть, березовые чурки стали красными и прозрачными, потрескивают, то и дело стреляя голубоватым пламенем. Пламя освещает белые волосы и резкий профиль мужчины, который укутывает ее попоной и накрывает кожушкой.

— Геральт, я...

— Я рядом. Спи, Цири. Тебе надо отдохнуть. Нас еще ждет долгая дорога.

«Я слышу музыку, — вдруг подумала она. — В этом шуме... таится музыка. Звуки лютни. И голоса. Княжна из Цинтры... Дитя Предназначения... Дитя Старшей Крови, крови эльфов. Геральт из Ривии, Белый Волк и его Предназначение. Нет, нет, это легенда. Вымысел поэта. Ее нет. Она мертва. Ее убили на улицах города, когда она убегала...»

«Держись... Держись...»

— Геральт?

— Что, Цири?

— Что он со мной сделал? Что тогда произошло? Что он... со мной сделал?

— Кто?

— Рыцарь... Черный рыцарь с перьями на шлеме... Ничего не помню. Он кричал... и смотрел на меня. Я не помню, что случилось. Помню только, что боялась. Ужасненько боялась...

Мужчина наклонился, пламя костра заплясало в его глазах. Станных глазах. Очень странных. Когда-то Цири боялась этих глаз, не любила в них глядеть. Но это было давно. Очень давно.

— Ничего не помню, — шепнула она, ища его руку, жесткую и шершавую, как необработанное дерево. — Черный рыцарь...

— Это был сон. Спи спокойно. Это больше не повторится.

Цири уже слышала подобные заверения. Давно. Ей множество раз повторяли их, множество, множество раз успокаивали, когда она просыпалась среди ночи от собственного крика. Но теперь было иначе. Теперь она верила. Ведь теперь это говорил Геральт из Ривии, Белый Волк. Ведьмак. Тот, который был ее Предназначением. Которому она была предназначена. Ведьмак Геральт, отыскавший ее в хаосе войны, смерти и отчаяния. Геральт, который взял ее с собой и обещал никогда не расставаться.

Она уснула, не отпуская его руки.

Бард кончил песнь. Слегка наклонил голову, проиграл на лютне основную мелодическую линию баллады, тонко, тихо, чуть-чуть громче, чем аккомпанирующий ему ученик.

Никто не проронил ни слова. Кроме затихающей музыки, был слышен только шум листвы и поскрипывание ветвей огромного дуба. А потом вдруг протяжно заблеяла коза, привязанная к стоящему у древнего дерева возу. Тогда, будто по сигналу, один из слушателей встал. Отбросил за спину темно-синий, изукрашенный золотом плащ, чопорно и изысканно поклонился.

— Благодарим тебя, маэстро Лютик, — проговорил он звонко, но негромко. — Да будет позволено мне, Радклиффу из Оксенфурта, магистру Магических Тайн, от всех здесь собравшихся выразить признание твоему возвышенному искусству и благодарность твоему таланту.

Чародей обвел взглядом более сотни собравшихся у основания дуба тесным полукругом, стоявших в стороне, сидевших на возах. Слушатели кивали головами, шептали. Некоторые начали хлопать, другие благодарили певца поднятием рук. Растроганные женщины шмыгали носами и вытирали глаза чем могли, в зависимости от профессии, общественного и имущественного положения: кметки — предплечьем или тыльной стороной ладони, купеческие жены — льняными тряпочками, эльфки и дворянки — батистовыми платочками, а три дочери комеса Вилиберта, который ради выступления известного всем трубадура прервал со своей свитой соколиную охоту, громко и смачно сморкались в изящные шелковые шарфики цвета пожухшей зелени.

— Не будет преувеличением, — продолжал чародей, — сказать, что ты, маэстро Лютик, растрогал нас до глубины души, заставил задуматься и воспарить, тронув наши сердца. Да будет мне дозволено, повторяю, выразить тебе наше уважение.

Трубадур встал и поклонился, обметая колени пером цапли, приколотым к фантазийной шапочке. Ученик прервал игру, заулыбался и тоже поклонился, но маэстро Лютик грозно глянул на него и что-то буркнул вполголоса. Паренек опустил голову и снова принялся тихо бречать на струнах лютни.

Собравшиеся оживились. Купцы из каравана, пошептавшись,

выкатили к дубу солидный бочонок пива. Чародей Радклифф погрузился в тихую беседу с комесом Вилибертом. Дочери комеса перестали сморкаться и влюбленно таращились на Лютика. Бард не замечал их взглядов, поскольку полностью был поглощен тем, что раздаривал улыбки, подмигивал и демонстрировал блеск зубов гордо молчавшей группе странствующих эльфов, в особенности же одной из эльфов, темноволосой и глазастой красавице в маленьком горностаевом токе. Не обошлось и без конкурентов — обладательницу огромных глаз и прелестного тока заприметили и тоже ласкали взглядами его слушатели — рыцари, жаки и ваганты. Эльфа, явно польщенная вниманием, пощипывала кружевные манжетики блузки и трепетала ресницами, но эльфы из ее группы плотно окружали ее, не скрывая неприязни к потенциальным волокитам.

Поляна у дуба Блеобхериса, место частых встреч, вече, стоянок путешественников и странствующих, славилась терпимостью и открытостью. Опекающие гигантское дерево друиды именовали поляну «Местом Дружбы» и охотно приветчали здесь любого желающего. Но даже при таких исключительных событиях, как только что закончившееся выступление всесветно известного трубадура, путники держались обособленными группками. Эльфы кучковались с эльфами. Ремесленники-краснолюды тяготели к вооруженным до зубов побратимам, нанятым в качестве охраны купеческого каравана, и терпели рядом с собой разве что горняков-гномов да фермеров-низушков. Все нелюди вели себя сдержанно по отношению к людям. Люди платили нелюдям той же монетой, но и среди них тоже не заметно было особого единения. Знать с презрением поглядывала на купцов и лоточников, а солдаты и кнехты сторонились пастухов в духовитых кожах. Немногочисленные чародеи и их ученики полностью обособлялись, всех вокруг справедливо считая грубиянами. Фон же образовывала плотная, темная, угрюмо молчавшая толпа кметов. Эти, лесом вздымающихся над головами граблей, вил и цепов напоминая армию, игнорировали все и вся.

Исключением, как обычно, были дети. Покончив с необходимостью соблюдать тишину во время выступления барда, ребятня с дикими визгами и криками помчалась в лес, чтобы там целиком отдаться играм, правила которых были совершенно непонятны тем, кто уже успел распрощаться с розовыми годами детства. Маленькие человечки, эльфики, краснолюдики, низушки, гномы, полуэльфы, четвертьэльфы и малышня загадочного происхождения не знали и не признавали ни расовых, ни социальных различий. Пока что.

— Действительно! — выкрикнул один из находящихся на поляне

рыцарей, худой как жердь дылда в красно-черном суконном кафтане, украшенном тремя шагающими на задних лапах львами. — Господин чародей прекрасно сказал! Это были прелестные баллады, милсдарь Лютик, клянусь честью. Ежели когда-нибудь вам доведется побывать вблизи Лысорога, владений моего сеньора, загляните, не задумываясь ни на миг. Угостим по-княжески, да что там, прям-таки по-королевски, не хуже короля Визимира! Клянусь мечом, слыхивал я множество менестрелей, только куда им до вас, маэстро. Примите от нас, высокородных и посвященных в рыцари, уважение и почтение вашему искусству!

Безошибочно учуяв соответствующий момент, трубадур подмигнул ученику, тот отложил лютню и поднял с земли шкатулочку, служившую для сбора более существенных выражений признательности. Поколебавшись, он повел глазами по толпе, потом отложил шкатулку и поднял стоявшее рядом средних размеров ведерко. Маэстро Лютик ласковой ухмылкой одобрил сообразительность паренька.

— Маэстро! — воскликнула дородная женщина, сидевшая на загруженном изделиями из ивовых прутьев возу с надписью «ВЭРА ЛЁВЕНХАУПТ И СЫНОВЬЯ». Впрочем, сыновей не было видно, похоже, они занимались тем, что активно транжирили нажитое мамашей состояние. — Маэстро Лютик, ну как же ж так? Вы оставляете нас в неведении! Ведь же ж не конец баллады? Пропойте-ка, что было дале-то?

— Песни и баллады, — поклонился артист, — никогда не оканчиваются, милсдарыня, ибо поэзия вечна и бессмертна, ей неизвестны ни начала, ни концы...

— Но что было дале-то? — не сдавалась торговка, щедро и звонко сыпанув монеты в ведерко, подставленное учеником. — Скажите хотя б, ежели нет охоты петь. В ваших песнях вовсе не было имен, но мы же ж знаем, что воспеваемый вами ведьмак — не кто иной, как известный всем Геральт из Ривии, а чародейка, которая распалила в его грудях любовный, как вы поете, жар, это не менее известная Йеннифэр. Что же до Неожиданного Дитяти, обещанного и предназначенного ведьмаку, так это же ж Цирилла, несчастная княжна из разрушенной напастниками Цинтры. Разве ж нет?

Лютик гордо и таинственно улыбнулся.

— Я пою о проблемах универсальных, благородная благодетельница. Об эмоциях, кои могут быть уделом любого и каждого. Не о конкретных лицах.

— Как же! — крикнул кто-то из толпы. — Всем ведомо, что в песенках говорилось о ведьмаке Геральте!

— Да, да! — хором пискнули доченьки комеса Вилиберта, отжимая мокрые от слез шарфики. — Спойте еще, маэстро Лютик! Как там было дальше? Встретились ли наконец ведьмак и чародейка Йеннифэр? И любили ли друг друга? А были ли счастливы? Мы желаем знать! Маэстро, ну маэстро же!

— Эй, вы там! — гортанно крикнул вожак группы краснолюдов, трясая могучей, до пояса, рыжей бородой. — Дерьмо это, все ваши княженки, чародейки, предназначения, любовь и прочие бабские бредни! Потому как все это, с вашего, господин поэт, позволения, враки, то бишь поэтический вымысел для того, чтобы поскладней было слезу выжимать. А вот военные дела, навроде резни и грабежа в Цинтре аль битвы под Марнадалем и Содденом, энти вы нам знаменито пропели, Лютик! Да, не жаль серебришком тряхнуть за такую песню, сердце воина порадовавшую! И видать было, что не привираете ничуть, это говорю я, Шелдон Скаггс, а я лжу от правды отличить умею, потому как я под Содденом был и супротив напастников нильфгаардских стоял там с топором в руке...

— Я, Донимир из Тройи, — крикнул тощий рыцарь с тремя львами на кафтане, — был в обеих битвах за Содден, да что-то вас там не видел, господин краснолюд!

— Потому как не иначе обозы стерегли! — ответил Шелдон Скаггс. — А я стоял на первой линии, там, где горячше всего было!

— Думай, о чем говоришь, бородач! — пошел пурпурными пятнами Донимир из Тройи, подтягивая отягощенный мечом рыцарский пояс. — И с кем!

— Сам-то думай! — Краснолюд хватил рукой по заткнутому за пояс топору, повернулся к своим дружкам и ощерился. — Видали его? Рыцарь поиметый! А еще герб нацепил! Три льва на щите! Два пердят, а третий вонь пускает!

— Мир! Мир! — Седовласый друид в белом одеянии властным голосом упредил готовую было вспыхнуть ссору. — Не дело, милсдари. Не дело. Только не здесь, не под кроной Блеобхериса, дуба, пережившего все споры и свары этого мира! И не в присутствии поэта Лютика, баллады коего должны учить нас любви, а не пререканиям!

— Верно! — поддержал друида невысокий полный монах с блесевшим от пота лицом. — Смотрите, а глаза не видят, слушаете, а уши ваши глухи. Любови божеской нету в вас, ибо вы — аки бочки порожние...

— Коли уж о бочках речь, — запищал длинноносый гном с воза, украшенного надписью «СКОБЯНЫЕ ИЗДЕЛИЯ. ИЗГОТОВЛЕНИЕ И СБЫТ», — то выкатите еще одну, господа цеховые! У поэта Лютика, надо

думать, в горле першит, да и нам супротив возбуждения не худо б!

— Воистину аки бочки порожные, говорю вам! — заглушил гнома монах, не давая сбить себя с панталыку и прервать проповедь. — Ничего-то вы из Лютиковых баллад не уразумели, ничему не научились. Не поняли, что баллады сии о судьбах человеческих вещали, о том, что мы всего лишь игрушки в руках богов, а края наши — поля игрищ богов. Баллады о Предназначении говорили, о предназначении всех нас, а легенда о ведьмаке Геральте и княжне Цирилле, хоть и нарисованная на фоне недавней войны, всего лишь метафора, творение вымысла поэтического, коий тому должен был служить, дабы мы...

— Болтаешь, святой муж! — крикнула с высоты своего воза Вэра Лёвенхаупт. — Какая такая легенда? Какое еще творение вымысла? Уж кто-кто, а я Геральта из Ривии знаю, видела что ни на есть своими собственными глазами в Вызиме, где он дочку короля Фольтеста расколдовал. А потом и еще встречала на Купецком Тракте, где он по просьбе Гильдии забил свирепого грифа, что на караваны нападал, и тем своим деянием многим жизнь охранил. Нет, не легенда это и не сказки. Правду, истинную правду пропел нам здесь маэстро Лютик.

— Подтверждаю, — проговорила стройная воительница с гладко зачесанными назад и заплетенными в толстую косу волосами. — Я, Райла из Лирии, также знаю Геральта Белого Волка, известного истребителя чудовищ. Видала я также не раз и не два чародейку Йеннифэр, бываючи в Аэдирне, в городе Венгерберге, где у нее жилье. Однако, что эти двое любят друг друга, не знала.

— Но это обязано быть правдой, — заметила вдруг мелодичным голосом прекрасная эльфка в горностаевом токе. — Столь прелестная баллада о любви не могла быть неправдой.

— Не могла! — поддержали эльфку дочери комеса Вилиберта и как по команде промокнули глаза шарфиками. — Ни в коем случае не могла!

— Милсдарь волшебник! — обратилась к Радклиффу Вэра Лёвенхаупт. — Любили они или нет? Вы-то уж наверняка знаете, как было в натуре у ведьмака с этой Йеннифэр. Приоткройте нам тайну!

— Если песнь утверждает, что любили, — улыбнулся чародей, — значит, так оно и было, и любовь эта проживет столетия. Такова сила поэзии.

— Говорят, — неожиданно вступил комес Вилиберт, — Йеннифэр из Венгерберга погибла на Содденском Холме. Там сложили головы несколько чародеек...

— Неправда ваша, — сказал Донимир из Тройи. — Нету на стеле ее

имени. Это мои края, я не раз бывал на Холме и читал выбитые на памятнике имена. Три чародейки там погибли: Трисс Меригольд, Литта Нейд по прозвищу Коралл... Хм... Имя третьей запомнил...

Рыцарь глянул на чародея Радклиффа, но тот только улыбнулся, не произнеся ни слова.

— Ведьмак, — неожиданно крикнул Шелдон Скаггс, — тот Геральт, Йеннифэров полубовник, так уж он навряд бы в земле гниет. Слышал я, прибили его где-то в Заречье. Убивал он чудовищ, убивал, да наконец нашла коса на камень. Так уж оно повелось, людишки, кто мечом воюет, от меча и гибнет. Каждому когда-нибудь да встретится кто получше, и — железа в бок!

— Не верю. — Стройная воительница скривила бледные губы, зло сплюнула на землю, с хрустом скрестила на груди покрытые кольчужной сеткой руки. — Не верю, чтобы Геральт из Ривии мог встретить кого-то совершеннее себя. Мне довелось видеть, как ведьмак владеет мечом. Он прямо-таки нечеловечески быстр...

— Хорошо сказано, — заметил чародей Радклифф. — Нечеловечески. Ведьмаки — мутанты, поэтому скорость их реакций...

— Не понимаю, о чем вы, милсдарь магик. — Воительница еще презрительнее скривила рот. — Чересчур уж учены ваши слова. Я знаю одно: ни один фехтовальщик из тех, кто мне знаком, не сравнится с Геральтом из Ривии, Белым Волком. Поэтому и не верю, чтобы его победили в бою, как пытается нас убедить господин краснолюд.

— Фехтовальщик сразу срать, как врагов увидит рать, — громыхнул Шелдон Скаггс. — Так говорят эльфы.

— Эльфы, — холодно заметил высокий светловолосый представитель Старшего Народа, стоящий рядом с прелестным горностаевым током, — не привыкли так грубо выражаться.

— Нет, нет! — запищали из-за зеленых шарфиков дочка комеса Вилиберта. — Ведьмак Геральт не мог погибнуть! Ведьмак нашел предназначенную ему Цири, а потом чародейку Йеннифэр, и все трое жили долго и счастливо. Правда, маэстро Лютик?

— Так то ж баллада была, мазели, — зевнул жаждущий пива гном, изготовитель скобяных изделий. — Кто ж в балладе правды ищет? Правда — одно, а поэзия — другое. Возьмем хотя бы эту... как ее там, Цирю. Знаменитую Неожиданность. Ее-то господин поэт уж и вовсе из пальца высосал. Как же, бывал я в Цинтре не раз и знаю, что тамошний король и королева в бездетстве жили, ни дочки, ни сына у них не было...

— Ложь! — крикнул рыжий мужчина в курточке из тюленьей шкуры,

лоб которого был перехвачен клетчатым платком. — У королевы Калантэ, Львицы из Цинтры, была дочь Паветта. Они с мужем сгинули во время морской бури, пучина морская их поглотила. Обоих.

— Ну вот, сами видите, что не вру! — призвали всех в свидетели скобяные изделия. — Паветтой, а не Цирей звали принцессу Цинтры-то.

— Цирилла, кою звали Цири, была как раз дочкой утонувшей Паветты, — пояснил рыжий. — Внучкой Калантэ. И не принцесса она была, а княжна Цинтры. Она-то и была предназначенным ведьмаку Ребенком-Неожиданностью, ее-то, еще до того, как она родилась, королева пообещала отдать ведьмаку, как пел маэстро Лютик. Но ведьмак не мог ее отыскать и забрать, вот тут уж господин поэт разминулся с истиной.

— Разминулся, а как же, — вклинился в разговор жилистый юноша, который, судя по одежде, мог быть подмастерьем, готовящимся к сдаче экзамена на мастера. — Ведьмак разминулся со своим Предназначением. Цирилла погибла при осаде Цинтры. Королева Калантэ сначала собственноручно убила княжну, чтобы та живой не досталась нильфгаардцам, а уж потом бросилась с башни.

— Не так все было, и вовсе не так, — запротестовал рыжий. — Княжну убили во время резни, когда она пыталась убежать из города.

— Так или иначе, — крикнули скобяные изделия, — ведьмак не нашел своей Цириллы! Поэт солгал!

— Но солгал красиво, — сказала эльфка в токе, ластясь к высокому эльфу.

— Дело не в поэзии, а в фактах! — воскликнул подмастерье. — Я говорю, что княжна погибла от руки своей бабки. Каждый, кто был в Цинтре, может это подтвердить!

— А я повторяю: ее убили на улицах, когда она бежала, — упорствовал рыжий. — Я знаю, хоть сам и не из Цинтры. Я был в дружине скеллигского ярла, который поддерживал Цинтру во время войны. Король Цинтры, Эйст Турсеах, родом, как известно, с островов Скеллиге, а ярлу доводился дядькой. А я в ярловой дружине дрался в Марнадале и в Цинтре, а потом, после поражения, под Содденом...

— Еще один ветеран, — буркнул Шелдон Скаггс собравшимся вокруг него краснолюдам. — Сплошь герои да воины. Эй, людишки! Среди вас есть хоть один, кто б не воевал в Марнадале или под Содденом?

— Напрасно ерничаешь, Скаггс, — осуждающе проговорил высокий эльф, обнимая красотку в токе так, что у других соискателей не оставалось никаких сомнений относительно дальнейшего развития событий. — Я, к примеру, тоже участвовал в той битве.

— Интересно знать, на чьей стороне, — довольно громко шепнул Вилиберт Радклиффу.

— Известно, — продолжал эльф, даже не взглянув на комеса и чародея, — больше ста тысяч бойцов стояло в поле во второй битве за Содден, из них не меньше тридцати тысяч погибли или были покалечены. Следует поблагодарить маэстро Лютика за то, что в одной из баллад он увековечил этот великий, но страшный бой. И в словах, и в мелодии его песни я слышал не похвальбу, но предупреждение. Повторяю, хвала и вечная слава вашему поэту за балладу. Она, быть может, позволит в будущем избежать повторения трагедии, которой была эта жестокая и ненужная война.

— Воистину, — сказал комес Вилиберт, с вызовом глядя на эльфа. — Любопытные штучки вы отыскиали в балладе, любезнейший. Ненужная война, говорите? Хотели бы избежать трагедии в будущем? Следует понимать, что ежели бы нильфгаардцы ударили по нам заново, вы посоветовали бы капитулировать? Покорно принять нильфгаардский хомут на шею?

— Жизнь — бесценный дар, и ее надлежит хранить, — холодно сказал эльф. — Ничто не оправдывает резни и гекатомб, каковыми были обе битвы за Содден, и проигранная, и выигранная. Обе стоили вам, людям, тысяч жизней. Вы утратили свой гигантский потенциал...

— Эльфова болтовня, — взорвался Шелдон Скаггс. — Глупый треп. Эту цену надо было заплатить, чтобы другие могли жить достойно, в мире. И не позволили Нильфгаарду заковать себя в колодки, ослепить, загнать в северные рудники и соляные копи. Те, что погибли смертью героев, и теперь благодаря Лютику будут вечно жить в нашей памяти, научили нас, как защищать собственный дом. Пой свои баллады, Лютик, пой их всем. Не впустую урок, а пойдет он нам на пользу, вот увидите! Потому как не сегодня-завтра нильфгаардцы ринутся на нас снова. Вот очухаются, залижут раны, и мы снова увидим их черные плащи и перья на шлемах! Попомните мои слова!

— Чего они от нас хотят? — вздохнула Вэра Лёвенхаупт. — Что они на нас лезут? Почему не оставят нас в покое, не дадут жить и работать? Чего они хотят, эти нильфгаардцы?

— Нашей крови! — рявкнул комес Вилиберт.

— Нашей земли! — взвыл кто-то из толпы кметов.

— наших баб! — подхватил Шелдон Скаггс, грозно вылупив глаза.

Некоторые из слушателей засмеялись, но тихо и украдкой. Потому что хоть и очень уж забавным было предположение, будто кто-нибудь еще,

кроме краснолюдов, мог польститься на исключительно непривлекательных краснолюдов, тема была далеко не безопасной для ехидства и шуток, особенно в присутствии невысоких, кряжистых и бородатых типов, топоры и палаши которых отличались малоприятным свойством мгновенно выскакивать из-за поясов. А краснолюды по неведомым причинам свято верили в то, что весь мир только того и ждет, как бы прихватить их жен и дочерей, и в этом смысле были невероятно возбудимы и обидчивы.

— Когда-то это должно было случиться, — заговорил вдруг седой друид. — Произойти. Мы забыли, что не одни живем на свете, что мы — не пуп этого мира. Словно глупые, обожравшиеся, ленивые караси в затаянном тинной пруду, мы не верили в существование щук. Мы допустили, чтобы наш мир, как этот пруд, заилился, заболотился и провонял. Посмотрите вокруг — повсюду преступность и грех, алчность, погоня за прибылью, скандалы, несогласие, падение нравов, потеря уважения ко всем ценностям. Вместо того чтобы жить, как того требует Природа, мы принялись эту Природу уничтожать. И что имеем? Воздух заражен смрадом железоплавильных печей, курных изб, реки и ручьи отравлены отходами скотобоен и кожевенных мастерских, леса бездумно вырубаются... Даже на живой коре священного Блеобхериса, только взгляните, там, над головой поэта, вырезано бранное слово. Да еще и с ошибкой. Мало того что безобразничал вандал, так вдобавок и неуч, не умеющий писать. Чему же удивляться? Это не могло кончиться добром...

— Да, да! — подхватил толстый монах. — Опамятуйтесь, грешники, пока есть время, ибо гнев и кара божия висят над вами! Не забывайте ворожбы Итлины, ее пророческих слов о каре богов, коя падет на племя, отравленное преступлениями! Помните: «Придет Час Презрения, древо сбросит листву, почки завянут, сгниют плоды и прогоркнет зерно, а долины рек вместо воды покроются льдом! И грядет Белый Хлад, а за ним Белый Свет, и мир умрет в пурге». Так говорит вещая Итлина! И прежде чем сие случится, явятся знамения и падут несчастья, ибо знайте, Нильфгаард — это кара божия! Это бич, коим Бессмертные исхлещут вас, грешники, дабы...

— И-эх, заткнитесь, святейший! — рыкнул Шелдон Скаггс, топнув тяжеленным башмаком. — Тошнит от ваших забобонов и вздора! Кишки выворачивает...

— Осторожнее, Шелдон, — усмехнулся высокий эльф. — Не измывайтесь над чужой религией. Это и нехорошо, и неприлично, и... небезопасно.

— Ни над чем я не измываюсь, — возразил краснолюд. — Я не сомневаюсь в существовании божеств, но меня возмущает, когда кто-нибудь вмешивает их в земные дела и душит всех предсказаниями какой-то эльфьей идиотки. Нильфгаардцы — орудия богов? Чушь собачья! Обратитесь, люди, памятью ко временам Дезмода, Радовида, Самбука, ко временам Абрада Старого Дуба! Вы их не помните, потому как живете кратенько, навроде майской однодневки, но я-то помню и скажу вам, как было здесь, на этих землях, сразу после того как вы вылезли из ваших лодок на пляжи в устье Яруги и в дельте Понтара. Из четырех причаливших кораблей получилось три королевства, а потом те, кто посильнее, заглотали слабых и таким путем росли, укрепляли свою власть. Подчиняли себе других, поглощали их, и королевства раздувались, становились все больше и сильнее. А теперь то же самое делает Нильфгаард, потому что это сильная и сплоченная, дисциплинированная и крепкая страна. И если вы не сплотитесь так же, то Нильфгаард заглотит вас, будто щука карася, как выразился вон тот мудрый друид!

— Пусть только попробуют! — Донимир из Тройи выпятил украшенную тремя львами грудь и скрипнул мечом в ножнах. — Мы выдали им на орехи под Содденном, можем повторить.

— Уж больно вы заносчивы! — буркнул Шелдон Скаггс. — Видать, забыли, уважаемый, что, прежде чем дело дошло до второй битвы под Содденном, Нильфгаард прошелся по вашим землям словно железный каток, а трупами таких, как вы, любителей похвалиться устлал поля от Марнадаля до Заречья. И остановили нильфгаардцев вовсе не вам подобные крикливые бахвалы, а соединенные силы Темерии, Редании, Аэдирна и Каэдвена. Согласие и единение — вот что их остановило!

— Не только! — бросил звучно, но очень холодно Радклифф. — Не только это, господин Скаггс.

Краснолюд громко откашлялся, высморкался, шаркнул башмаками, затем слегка поклонился чародею.

— Никто не отымает заслуг у вашей братии. Позор тому, кто не признает геройства чародеев с Содденского Холма, потому как они здорово сопротивлялись, пролили за общее дело кровь, сыграли решающую роль в победе. Не забыл о них Лютик в своей балладе, и мы тоже не забудем. Но учтите, что те чародеи, которые объединились и плечом к плечу стояли на Холме, признали верховенство Вильгефорца из Роггевеена, как и мы, бойцы Четырех Королевств, признали командование Визимира Реданского. Жаль токмо, что лишь на время войны достало у нас согласия. Потому как ныне, в мире, снова мы разделились, Визимир с Фольтестом душат друг

друга пошлинами и правом торга, Демавенд из Аэдирна грызется с Хенсельтом из-за Северной Мархии, а Лиге из Хенгфорса и Тиссенидам из Ковира все это, как говорится, до свечки. Да и меж чародеев, я слышал, нет давнего согласия. Нету меж вами сплоченности, нету дисциплинированности, нету единения. А у Нильфгаарда есть!

— Нильфгаардом правит император Эмгыр вар Эмрейс, тиран и самодержец, принуждающий к послушанию кнутом, шибеницей и топором! — загрохотал комес Вилиберт. — И что же вы нам предлагаете, господин краснолюд? Во что же это нам надобно объединиться? В такую же тиранию? И который же король, которое королевство должно бы, по вашему разумению, подчинить себе остальных? В чьей руке вам хотелось бы видеть скипетр и кнут?

— А мне-то что? — пожал плечами Скаггс. — Ваше, людское дело. Впрочем, краснолюда вы королем не изберете. Это уж точно.

— И ни эльфа, ни даже полуэльфа, — добавил высокий представитель Старшего Народа, продолжая обнимать красотку в токе. — Даже четвертьэльф идет у вас самым низшим сортом...

— Эва как вас заело, — рассмеялся Вилиберт. — В ту же дуду дуете, что и Нильфгаард, потому что Нильфгаард тоже кричит о равенстве, обещает вам возвращение к давним порядкам, как только нас подомнет под себя и с этих земель выкинет. Этакое единение, этакое равенство вам мнится, о таком вы болтаете, такое проповедуете? Потому как Нильфгаард вам за это золотом платит! И неудивительно, что вы так с ними лобызаетесь, ведь они же эльфья раса, эти ваши нильфгаардцы...

— Чепуха, — холодно сказал эльф. — Глупости, милсдарь рыцарь. Расизм вам явно глаза затуманил. Нильфгаардцы такие же люди, как и вы.

— Наглая ложь! Все знают: это потомки Черных Сеидхе! В их жилах течет эльфья кровь. Кровь эльфов.

— А в ваших жилах что течет? — насмешливо улыбнулся эльф. — Мы из поколения в поколение смешиваем нашу кровь, из столетия в столетие, мы и вы, и получается это прекрасно, не знаю только, к счастью или наоборот. Смешанные браки вы начали осуждать четверть века назад, кстати сказать, с жалкими результатами. Ну покажите-ка мне сейчас человека без примеси Seidhe Ichaer, крови Старшего Народа.

Вилиберт заметно покраснел. Покраснела также Вэра Лёвенхаупт. Наклонил голову и закашлялся чародей Радклифф. Что интересно, зарумянилась даже прекрасная эльфка в горностаевом токе.

— Все мы — дети Матери Земли, — раздался в тишине голос седовласого друида. — Дети Матери Природы. И хоть не чтим мы ее, хоть

порой доставляем ей огорчения и боль, хоть разрываем ей сердце, она любит нас, любит нас всех. Не забывайте об этом вы, собравшиеся здесь, в Месте Дружбы. И к чему выяснять, кто из нас был здесь первым, ибо первым был выброшенный волной на берег Желудь, а из Желудя возрос Великий Блеобхерис, самый древний из дубов. Стоя под ветвями Блеобхериса, меж его извечных корней, не следует забывать о наших собственных, братских корнях, о земле, из коей корни эти вырастают. Будем помнить о словах песни поэта Лютика...

— Кстати! — крикнула Вэра Лёвенхаупт. — А где же он?

— Смылся, — констатировал Шелдон Скагтс, взирая на пустое место под дубом. — Заграбастал денежки и смылся, не попрощавшись. Воистину по-эльфьему!

— По-краснолюдски! — пропищали скобяные изделия.

— По-человечьи, — поправил высокий эльф, а красотка в токе прислонилась головкой к его плечу.

— Эй, музыкант, — бросила бордель-маман Лянтиери, без стука вступая в комнату и распространяя вокруг аромат гиацинта, запах пота, пива и копченой грудинки. — К тебе посетитель. А ну, кыш отсюда, благородные дамы.

Лютик поправил волосы, раскинулся в огромном резном кресле. Две сидевшие у него на коленях «благородные дамы» быстренько спрыгнули, прикрыли прелести, натянули просторные рубашки. «Девичья застенчивость», — подумал поэт, — вот шикарное название для баллады». Он встал, застегнул пояс и, увидев стоящего на пороге дворянина, надел суконную куртку, бросив при этом:

— Воистину, никуда от вас не денешься, всюду вы меня отыщете, хотя редко выбираете для этого подходящее время. На ваше счастье, я еще не решил, которую из двух красоток предпочту. А оставить себе обеих при твоих-то ценах, Лянтиери, не могу.

Маман Лянтиери с пониманием усмехнулась, хлопнула в ладоши. Обе девицы — белокожая, веснушчатая островитянка и темноволосая полуэльфка — спешно покинули комнату. Стоящий на пороге мужчина скинул плащ и вручил его маман вместе с небольшим, но пузатеньким мешочком.

— Простите, маэстро, — сказал он, подходя и присаживаясь к

столу. — Знаю, что побеспокоил вас не вовремя. Но вы так скоропалительно исчезли из-под дуба... Я не догнал вас на большаке, как думал, и не сразу напал на ваш след в городке. Поверьте, я не отниму у вас много времени...

— Все так говорят, а оборачивается иначе, — прервал бард. — Оставь нас одних, Лянтиери, да посмотри, чтоб нам не мешали. Слушаю вас, уважаемый.

Мужчина изучающе взглянул на Лютика. У него были темные, влажные, как бы слезящиеся глаза, острый нос и некрасивые тонкие губы.

— Без проволочек приступаю к делу, — бросил он, переждав, пока за хозяйкой борделя прикроется дверь. — Меня интересуют ваши баллады, маэстро. Точнее говоря, определенные личности, о которых вы поете. Меня занимают истинные судьбы героев ваших баллад. Ведь, если не ошибаюсь, именно истинные-то судьбы реальных героев подвинули вас на создание прелестных произведений, которые мне довелось выслушать под дубом. Я говорю... о малютке Цирилле из Цинтры. Внучке королевы Калантэ.

Лютик глянул в потолок, забарабанил пальцами по столу.

— Милостивый государь, — сказал он сухо. — Странные, однако, у вас интересы. И вопросы тоже. Что-то мне сдается, вы не тот, за кого я вас принял.

— И за кого же вы меня приняли, можно узнать?

— Не знаю, можно ли. Все зависит от того, передадите ли вы мне приветы от наших общих знакомых. Следовало бы сделать это в самом начале, да вы, видно, позабыли.

— Отнюдь. — Мужчина сунул руку за полу бархатного кафтана цвета сепии, извлек второй мешочек, побольше того, который вручил бордель-маман, не менее пузатый и столь же призывно звякнувший при соприкосновении со столешницей. — Просто у нас нет общих знакомых, маэстро Лютик. Но неужто этот мешочек не в состоянии заполнить пробел?

— И что ж вы намерены купить за такой тощенький кошелек? — надул губы трубадур. — Весь бордель маман Лянтиери и окружающую его территорию?

— Допустим, хотел бы материально поддержать искусство. И артиста. Для того чтобы поболтать с артистом об его творчестве.

— Вы так сильно почитаете искусство, друг мой? Горите таким желанием побеседовать с артистом, что пытаетесь всучить ему деньги, еще не успев представиться, нарушив тем самым элементарные нормы приличия? И вежливости?

— В начале разговора, — незнакомец слегка прищурился, — вам не

мешало мое инкогнито.

— Теперь начало мешать.

— Я не стыжусь своего имени, — с едва заметной усмешкой на тонких губах проговорил мужчина. — Меня зовут Риенс. Вы меня не знаете, маэстро, и неудивительно. Вы слишком известны и знамениты, чтобы знать всех своих почитателей. А вот любому почитателю вашего таланта мнится, будто он знает вас так близко, что определенная доверительность как бы вполне допустима. Ко мне это относится в полной мере. Я понимаю, сколь ошибочно такое мнение, и прошу простить великодушно.

— Великодушно прощаю.

— Стало быть, можно надеяться услышать от вас ответы на два-три вопроса...

— Нет, не можно, — насупившись, прервал поэт. — Теперь уж извольте вы простить великодушно, но я не люблю обсуждать свои произведения, вдохновение, а также особ как фиктивных, так и иных. Ибо такие обсуждения лишают произведения их поэтического флера и ведут к тривиальности...

— Неужто?

— Определенно. Ну подумайте, что будет, если я, спев, к примеру, балладу о веселой мельничихе, сообщу, что вообще-то в песне говорится о Звирке, жене мельника Пескаря, и все это дополню указанием на то, что Звирку можно, простите, свободно трахать по четвергам, поскольку именно в эти дни мельник ездит на ярмарку. Но ведь тогда это будет уже никакая не поэзия, а типичное сводничество либо злостная клевета.

— Понимаю, понимаю, — быстро бросил Риенс. — Но, мне кажется, пример неудачен. Меня ведь не интересуют чьи-то шалости или грешки. Вы никого не оклеветаете, ответив на мои вопросы. Мне просто любопытно было бы узнать, что в действительности случилось с Цириллой, княжной Цинтры. Некоторые утверждают, будто Цирилла погибла при захвате города нильфгаардцами и что даже есть очевидцы. Из вашей баллады, однако же, можно сделать вывод, что ребенок выжил. Меня искренне интересует, что это — ваше воображение или же реальный факт? Правда или ложь?

— Меня не менее интересует ваше любопытство, — широко улыбнулся Лютик. — Вы обсмеетесь, милсдарь, забыл ваше имечко, но именно это-то мне и было надо, когда я придумывал свою балладу. Я хотел взволновать слушателей и пробудить их любопытство.

— Правда или ложь? — холодно повторил Риенс.

— Раскрыв это, я свел бы на нет эффект своего труда. Прощайте, друг

мой. Вы использовали все время, какое только я мог вам посвятить. А там две мои вдохновительницы томятся в неведении, гадая, которую из них я выберу.

Риенс долго молчал, вовсе не собираясь уходить. Глядел на поэта неприязненным влажным взглядом, а поэт ощущал вздымающееся беспокойство. Снизу, из общей залы борделя, доносился веселый гул, сквозь который время от времени пробивался высокий женский хохоток. Лютик отвернулся, как бы демонстрируя презрительное превосходство, в действительности же просто оценивал расстояние до угла комнаты и гобелена, изображающего нимфу, орошающую себе соски водой из кувшина.

— Лютик, — наконец проговорил Риенс, сунув руку в карман кафтана цвета сепии. — Ответь на мой вопрос, убедительно прошу. Мне необходимо знать ответ. Это невероятно важно для меня. И поверь, для тебя тоже, потому что если ответишь мне по-доброму, то...

— Что «то»?

На тонкие губы Риенса заползла паршивенькая ухмылочка.

— То мне не придется принуждать тебя говорить.

— Слушай, ты, шалопут... — Лютик встал и притворился, что злится. — Я не терплю грубости и насилия. Но сейчас я кликну маман Лянтиери, а уж она вызовет некоего Грузилу, который выполняет в этом заведении почетную и ответственную функцию вышибалы. Это настоящий артист, мастер своего дела. Он даст тебе под зад, и ты тут же пролетишь над крышами здешнего городишки, да так прытко и красиво, что немногочисленные в эту пору прохожие примут тебя за Пегаса.

Риенс сделал короткое движение, в его руке что-то сверкнуло.

— Ты уверен, что успеешь кликнуть? — спросил он.

Лютик не намеревался проверять, успеет ли. Ждать он тоже не собирался. Еще прежде чем изящный пружинный кинжал оказался в руке Риенса, он мгновенно прыгнул в угол комнаты, нырнул под гобелен с нимфой, пинком отворил потайную дверцу и стремительно ринулся вниз по винтовой лестнице, ловко скользя по отполированным поручням. Риенс кинулся следом, но поэт знал свое дело — он изучил потайной ход до мелочей, не раз пользовался им, сбегая от кредиторов, ревнивых мужей и быстрых на мордобой конкурентов, у которых, было дело, слямзивал рифмы и мелодии. Он знал, что на третьем повороте будет вращающаяся дверца, за ней лесенка, ведущая в подвал, и был убежден, что преследователь, как и многие до него, не успеет притормозить, промчится дальше, ступит на прикрытый качающейся крышкой провал и тут же

свалится в хлев. И конечно, был уверен, что покрытый синяками, измазюканный навозом и побитый свиньями преследователь откажется от погони.

Лютик ошибался, как всегда, когда был в чем-либо уверен. У него за спиной что-то вдруг полыхнуло голубым, и поэт почувствовал, что конечности сводит судорога, они немеют и перестают сгибаться. Он не сумел притормозить перед вращающейся дверцей, ноги отказались слушаться. Он вскрикнул и покатился по ступеням, ударяясь о стены коридорчика. Крышка опустилась под ним с сухим скрипом, трубадур рухнул вниз, во тьму и смрад. Еще прежде чем ударился о твердый пол и потерял сознание, вспомнил, что маман Лянтиери упоминала о ремонте хлева.

Пришел он в себя от боли в связанных веревкой кистях рук и предплечьях, жестоко выкручиваемых в суставах. Хотел крикнуть, но не мог, казалось, рот забит глиной. Он стоял на коленях на глиняном полу, а веревка со скрипом тянула его за руки вверх. Чтобы хоть немного облегчить боль, он попробовал подняться, но ноги тоже были связаны. Давясь и задыхаясь, он все же ухитрился привстать, в чем ему успешно помогла веревка, немилосердно тащившая вверх.

Перед ним стоял Риенс, злые влажные глаза блестели в свете фонаря, который держал чуть ли не двухсаженный небритый детина. Другой дылда, пожалуй, не менее высокий, стоял позади. Именно он-то, смердящий, тянул перекинутую через балку веревку, привязанную к запястьям поэта.

— Довольно, — сказал Риенс почти тут же, но Лютику показалось, будто миновали столетия. Он коснулся земли, но опуститься на колени, несмотря на неодолимое желание, не мог — натянутая веревка по-прежнему держала его напряженным, как струна.

Риенс приблизился. На его лице не было даже следов эмоций, выражение слезящихся глаз не изменилось. Да и голос, когда он заговорил, был спокоен, тих, даже немного как бы утомлен.

— Ты, паршивый рифмоплет. Ты, жалкий поскребыш. Ты, дерьмо поганое. Ты, зазнавшееся ничто. От меня собрался бежать? От меня еще никто не убегал. Мы не кончили беседы, ты, комедиант, баранья башка. Я спросил тебя кое о чем при вполне приемлемых условиях. Теперь ты ответишь на мои вопросы, но уже в условиях гораздо менее комфортных.

Ведь верно, ответишь?

Лютик усердно закивал. Только теперь Риенс улыбнулся. И дал знак. Бард отчаянно взвизгнул, чувствуя, как натягивается веревка, а вывернутые за спину руки начинают хрустеть в суставах.

— Ах да, ты же не можешь говорить, — отметил Риенс, все еще паскудно усмехаясь. — А больно, верно? Понимаешь, пока что я подтягиваю тебя исключительно ради собственного удовольствия. Ужасно люблю смотреть, как кому-то делают больно. Ну еще малость выше.

Лютик чуть не захлебнулся визгом.

— Довольно, — скомандовал наконец Риенс, подошел к Лютику вплотную и схватил за жабо. — Послушай, петушок. Сейчас я сниму заклинание, чтобы ты смог заговорить. Но ежели попытаешься поднять свой голосок выше необходимого, пожалеешь.

Он сделал движение рукой, коснулся кольцом щеки поэта, и Лютик почувствовал, как нижняя челюсть, язык и нёбо начинают оживать.

— А теперь, — тихо продолжал Риенс, — я задам тебе несколько вопросов, а ты будешь на них отвечать. Связно, быстро и исчерпывающе. Но если хоть на мгновение замнешься или начнешь заикаться, если подашь мне малейший повод усомниться в твоей искренности, то... Посмотри вниз.

Лютик послушался и с ужасом увидел, что к веревке на его щиколотках привязан короткий шнур, другим концом укрепленный на дужке набитого известью ведра.

— Если прикажу подтянуть тебя повыше, — свирепо усмехнулся Риенс, — а с тобой вместе и ведрышко, то вряд ли ты удержишь руки. К тому же сомневаюсь, что после такой процедуры ты сможешь тренькать на лютне. Искренне сомневаюсь. Поэтому, думаю, ты заговоришь. Я прав?

Лютик не подтвердил, потому что от страха не мог ни головой пошевелить, ни звука издать. По лицу Риенса было видно, что он и не ожидал подтверждения.

— Я, разумеется, — пояснил он, — тут же узнаю, говоришь ли ты правду, мгновенно разберусь в любом твоём фортеле, не дам обмануть себя поэтическими вывертами или невнятным бормотанием. Для меня это пустяк, так же как пустяком было парализовать тебя на лестнице. Ну, не будем напрасно терять времени, начнем. Как тебе известно, меня интересует героиня одной из твоих прелестных балладок, внучка королевы Калантэ из Цинтры. Княжна Цириллы, нежненько именуемая Цири. По сообщениям очевидцев, внучка эта погибла при завоевании города два года назад. Меж тем в балладе ты красочно и волнующе описываешь ее встречу

с удивительным, чуть ли не легендарным типом... э... ведьмаком Геральтом, или Геральдом. Отбросив поэтические бредни о Предназначениях и Предначертаниях судьбы, из баллады следует, что девчонка уцелела во время битвы за Цинтру. Это правда?

— Не знаю... — простонал Лютик. — Я всего лишь поэт! Кое-что слышал, остальное...

— Ну?

— Остальное придумал. Скомбинировал, скомпоновал, разукрасил! Я ничего не знаю! — завыл бард, видя, что Риенс дает знак вонючему дылде, и чувствуя, как сильнее натягивается веревка. — Не вру!

— Факт! — кивнул Риенс. — Не врешь напрямую, я бы почувствовал. Но крутишь, голубок. Ты не придумываешь баллады просто так, без повода, за здорово живешь. А ведьмака-то ты знаешь. Тебя частенько видывали в его обществе. Ну давай, Лютик, выкладывай, если тебе твои суставы дороги. Все, что знаешь.

— Цири, — выдохнул поэт, — была ведьмаку предназначена. Так называемая Дитя-Неожиданность... Вы, наверно, слышали, известная история. Родители поклялись отдать ее ведьмаку...

— Родители собирались отдать ребенка сумасшедшему мутанту? Платному убийце? Врешь, виршеплет! Такие байки можешь бабам петь.

— Так было, клянусь душой моей матери, — прошептал Лютик. — Я знаю из верного источника. Ведьмак...

— Давай о девчонке. Ведьмак меня пока что не интересуется.

— О девчонке я знаю только, что ведьмак ехал за ней в Цинтру, когда началась война. Я его тогда встретил. От меня он услышал о резне, о смерти Калантэ... Выспрашивал о ребенке, о внучке королевы... Но ведь я знал, что в Цинтре погибли все, в последнем бастионе не осталось ни одной живой души...

— Говори. Поменьше метафор. Побольше фактов!

— Когда ведьмак узнал о падении Цинтры и о резне, он отказался от поездки туда. Мы вместе сбежали на Север. Я расстался с ним в Хенгфорсе и с тех пор больше не встречал... А так как в дороге он немного говорил об этой... Цири, или как ее... и о Предназначении... то я взял и сочинил балладу. Больше ничего не знаю. Клянусь!

Риенс поглядел на него исподлобья.

— А сейчас где этот ведьмак? Наемный убийца чудовищ, романтический резник, обожающий рассуждать о Предназначении?

— Я же говорю, последний раз видел его...

— Знаю, что ты говорил, — прервал Риенс. — Я внимательно слушал

тебя. А ты внимательно слушай меня. И точно отвечай на вопросы. А вопрос стоял так: если никто не видел ведьмака Геральта, или Геральда, больше года, то где он скрывается? Где скрывается обычно?

— Не знаю, где это место, — быстро ответил трубадур. — Не вру, действительно не знаю...

— Не торопись, Лютик, не торопись, — зло усмехнулся Риенс. — Не спеши. Ты хитер, но неосторожен. Так, говоришь, не знаешь, где это? Но бьюсь об заклад, знаешь, что это.

Лютик стиснул зубы. От злости и отчаяния.

— Ну! — Риенс подал знак вонючему. — Где скрывается твой ведьмак? Как называется это место?

Поэт молчал. Веревка напряглась, болезненно выкручивая руки, ноги оторвались от земли. Лютик взвыл, отрывисто и коротко, потому что волшебное кольцо Риенса тут же заставило его онеметь.

— Выше, выше! — Риенс уперся руками в бока. — Знаешь, Лютик, я мог бы с помощью магии прозондировать твой мозг, но это истощает. Кроме того, я люблю смотреть, как от боли глаза вылезают из орбит. Но ты и без того скажешь.

Лютик знал, что скажет. Шнур, привязанный к щиколоткам, натянулся, наполненное известью ведро со скрежетом передвинулось по глиняному полу.

— Господин, — вдруг сказал второй верзила, прикрыв фонарь попоной и выглянув сквозь щель в дверях свинарника. — Сюда кто-то идет. Какая-то девка, пожалуй.

— Знаете, что делать, — прошипел Риенс. — Погаси фонарь.

Вонючий отпустил веревку. Лютик бессильно повалился на землю, но упал так, что видел, как парень с фонарем встал у дверцы, а вонючий, выхватив длинный нож, притаился с другой стороны. Сквозь щели в досках просвечивали огоньки борделя, поэт слышал доносящиеся оттуда гул и пение.

Дверца скрипнула и раскрылась, там стояла невысокая фигура, обернутая плащом, в круглой, плотно прилегающей к голове шапочке. После недолгого колебания женщина переступила порог. Вонючий подскочил к ней, с размаху пырнул ножом. И тут же упал на колени, потому что нож, не встретив сопротивления, прошил горло фигуры словно клуб дыма. А фигура действительно была клубом дыма, который уже начал рассеиваться. Но прежде чем успел развеяться, в свинарник вступила другая фигура, нечеткая, темная и гибкая, как ласочка. Лютик увидел, как, кинув плащ в фонарщика, она перескочила через вонючего, увидел что-то

блестящее у нее в руке, услышал, как вонючий заперхал и завизжал. Второй верзила выпутался из плаща, вскочил, замахнулся ножом. Из руки темной фигуры с шипением вырвалась огненная молния, с жутким хрустом разлилась, словно горящее масло, по лицу и груди верзилы. Парень дико заорал, свинарник заполнился отвратной вонью горящего мяса.

И тогда напал Риенс. Брошенное им заклинание осветило тьму голубым блеском, в котором Лютик увидел стройную женщину в мужской одежде, странно жестикулирующую обеими руками. Увидел лишь на секунду, потому что голубой свет резко оборвался в грохоте ослепительной вспышки, а Риенс, бешено взревев, отлетел назад, рухнул на деревянную перегородку, с треском разломав ее. Женщина в мужской одежде прыгнула следом, в ее руке мелькнул кинжал. Помещение снова наполнилось светом, на этот раз желтым, бьющим из горящего овала, неожиданно возникшего в воздухе. Лютик увидел, как Риенс вскочил с глинобитного пола и, прыгнув в овал, мгновенно исчез. Овал потускнел, но прежде чем погас совсем, женщина успела подбежать и крикнуть что-то непонятное, протянув руку. Затрещало и загудело, угасающий овал на мгновение вскипел бурлящим огнем. Издалека до Лютика долетел нечеткий звук, очень напоминающий крик боли. Овал полностью погас, свинарник опять погрузился во тьму. Поэт почувствовал, что сила, зажимающая ему рот, исчезает.

— На помощь! — завывал он. — Спасите!

— Не трясись, Лютик, — сказала женщина, опускаясь рядом с ним на колени и разрезая пути пружинным кинжалом Риенса.

— Йеннифэр? Ты?

— Надеюсь, ты не станешь утверждать, будто забыл, как я выгляжу? Да и мой голос, я думаю, ты тоже не успел забыть. Встать можешь? Не поломали тебе костей?

Лютик с трудом поднялся, застонал, растер затекшие плечи.

— Что с ними? — указал он на лежащие на полу тела.

— Проверим. — Чародейка щелкнула кинжалом. — Один должен жить. У меня к нему есть несколько вопросов.

— Вон тот, — трубадур остановился около вонючего, — кажется, жив.

— Не думаю, — равнодушно заметила Йеннифэр. — Я перерезала ему дыхательное горло и сонную артерию. Может, в нем что-то еще и теплится, но это уже ненадолго.

Лютик вздрогнул.

— Ты перерезала ему горло?

— Если б по врожденной осторожности я не выслала впереди себя фантома, то здесь лежала бы я. Осмотрим второго... Надо же! Глянь, такая

дылда, а не выдержал. Жаль, жаль...

— Тоже мертв?

— Не вынес шока. Хм... Немного пережарила... Смотри, даже зубы обуглились... Что с тобой, Лютик? Рвать будет?

— Будет, — невнятно ответил поэт, согнувшись и припав лбом к стене.

— Это все? — Волшебница отставила кубок, потянулась к вертелу с цыпятами. — Нисколько не приврал? Ничего не упустил?

— Ничего. Кроме благодарности. Благодарю тебя, Йеннифэр.

Она взглянула ему в глаза, чуть кивнула, ее черные блестящие локоны заволновались, водопадом сплыли с плеча. Она сдвинула зажаренного цыпленка на деревянное блюдо и принялась его ловко разделявать, пользуясь ножом и вилок. Теперь он понял, где и когда Геральт этому научился. «Хм, — подумал он, — неудивительно, ведь он целый год жил в ее доме в Венгерберге и, прежде чем сбежал, научился множеству фокусов». Лютик стянул с вертела второго цыпленка, не раздумывая, оторвал окорочок и принялся обгрызать, демонстративно ухватив обеими руками.

— Как ты узнала? — спросил он. — Как тебе удалось вовремя прийти на помощь?

— Я была под Блеобхерисом, когда ты там давал концерт.

— Я не видел.

— Я не хотела, чтобы меня видели. Потом поехала за тобой в городок. Ждала здесь, на постоялом дворе, мне было не к лицу идти туда, куда отправился ты, в это пристанище сомнительных наслаждений и несомненного триппера. Однако в конце концов мне надоело. Я кружила по двору, и тут мне почудились голоса, долетающие из свинарника. Я обострила слух, и оказалось, что это вовсе не какой-то скотоложец, как я вначале подумала, а ты. Эй, хозяин! Еще вина, будь любезен!

— Сей минут, благородная госпожа. Уже лечу!

— Дай того же, что вначале, только, убедительно прошу, на этот раз без воды. Воду я люблю в бане, а не в вине.

— Лечу, лечу!

Йеннифэр отставила блюдо. На косточках, как заметил Лютик, еще оставалось мяса на обед корчмарю и его родне. Нож и вилка, несомненно, выглядели элегантно и модно, но малопродуктивно.

— Благодарю тебя, — повторил он, — за спасение. Этот треклятый Риенс не оставил бы меня в живых. Выжал бы из меня все и зарезал как барана.

— Согласна. — Она налила вина себе и ему, подняла кубок. — Так выпьем за твое спасенное здоровье, Лютик.

— За твое, Йеннифэр, — ответил он. — Здоровье, за которое отныне я буду молиться при всякой оказии. Я твой должник, прекрасная дама, расплачусь своими песнями, опровергну в них миф, будто волшебники нечувствительны к чужим страданиям, будто не спешат на помощь посторонним, незнакомым, бедным, несчастным смертным.

— Понимаешь, — улыбнулась она, слегка прищулив прелестные фиалковые глаза, — у мифа в общем-то есть основания, он возник не без причин. Но ты не незнакомый, Лютик. И не посторонний. Я ведь знаю тебя и люблю.

— Правда? — тоже улыбнулся поэт. — До сих пор ты удачно это скрывала. Мне даже доводилось слышать, якобы ты не терпишь меня, цитирую, «будто моровую язву». Конец цитаты.

— Было дело. — Чародейка вдруг посерьезнела. — Потом я изменила мнение. Потом была тебе благодарна.

— За что, позволь узнать?

— Давай не будем об этом, — сказала она, играя пустым кубком. — Вернемся к более серьезным вопросам. Тем, которые тебе задавали в свинарнике, выламывая при этом руки в суставах. А как было в действительности, Лютик? Ты и верно не видел Геральта после вашего бегства с Яруги? Действительно не знал, что после войны он вернулся на Юг? Был тяжело ранен, так тяжело, что разошлись даже слухи о его смерти? Ни о чем таком не знал?

— Не знал. Я много времени провел в Понт Ванисе, при дворе короля Эстерада Тиссена. А потом у Недамира в Хенгфорсе...

— Не знал... — Чародейка покачала головой, расстегнула кафтанчик. На шее на черной бархотке загорелась усеянная бриллиантами обсидиановая звезда. — Ты не знал о том, что, оправившись от ран, Геральт поехал в Заречье? И не догадываешься, кого он там искал?

— Догадываюсь. Но вот нашел ли, не знаю.

— Не знаешь, — повторила она. — Ты, который, как правило, знаешь обо всем и обо всем поешь. Даже о таких интимных материях, как чьи-то чувства. Под Блеобхерисом я наслушалась твоих баллад, Лютик. Несколько вполне приличных строчек ты посвятил моей особе.

— У поэзии, — проворчал Лютик, рассматривая цыпленка, — свои

законы. Никто не должен чувствовать себя обойденным и обиженным...

— «Волосы как вороново крыло, как ночная буря... — процитировала Йеннифэр с преувеличенной напыщенностью, — а в глазах затаились фиолетовые молнии...» Так и было?

— Такой я тебя запомнил, — чуть улыбнулся поэт. — Кто вздумает утверждать, что это не соответствует истине, пусть первым кинет в меня камень.

— Не знаю только, — сжала губы чародейка, — кто поручил тебе описывать мои внутренние органы. Как там было-то? «Сердце ее словно украшающий ее шею драгоценный камень, твердое как алмаз и как алмаз бесчувственное. Сердце — острее, чем обсидиан, режущее, калечащее...» Ты сам придумал? Или, может... — Ее губы дрогнули, скривились. — ...А может, наслушался чьих-то жалоб и исповедей?

— Хм... — Лютик кашлянул, уклоняясь от опасной темы. — Скажи мне, Йеннифэр, когда ты последний раз видела Геральта?

— Давно.

— После войны?

— После войны... — Голос Йеннифэр едва заметно изменился. — Нет, после войны я его не видела. Долгое время... вообще не видела никого. Ну, ближе к делу, поэт. Меня немного удивляет тот факт, что ты ничего не знаешь и ни о чем не слышал, и все-таки именно тебя подтягивают на балке, чтобы раздобыть информацию. Тебя это не беспокоило?

— Обеспокоило.

— Послушай меня, — резко сказала она, ударив кубком по столу. — Послушай внимательно. Выброси эту балладу из репертуара. Не пой ее.

— Ты о...

— Ты прекрасно знаешь, о чем я. Пой о войне с Нильфгаардом. Пой о Геральте и обо мне, нам ты этим не навредишь, но и не поможешь. Ничего не исправишь, ничего не ухудшишь. Но о Львенке из Цинтры не пой.

Она оглянулась, проверяя, не прислушивается ли кто из редких в этот час посетителей корчмы, подождала, пока убирающая со столов девка не ушла на кухню.

— Старайся избегать встреч один на один с людьми, которых не знаешь, — сказала она тихо. — С такими, которые для начала забывают передать тебе привет от общих знакомых. Усек?

Он удивленно поднял брови. Йеннифэр усмехнулась:

— Привет от Дийкстры, Лютик.

Теперь уже оглянулся бард. Испуганно. Его изумление было, вероятно, столь явным, а мина столь забавной, что чародейка позволила себе ехидно

усмехнуться.

— Кстати, — шепнула она, перегнувшись через стол. — Дийкстра ждет доклада. Ты возвращаешься из Вердэна, и Дийкстра любопытствует, о чем болтают при дворе короля Эрвилла. Он просил передать, что на этот раз доклад должен быть деловым, детальным и ни в коем случае не рифмованным. Прозой, Лютик. Прозой.

Поэт, сглотнув, кивнул. Он молчал, раздумывая над вопросом. Но чародейка упредила его.

— Наступают трудные времена, — сказала она тихо. — Трудные и опасные. Грядет время перемен. Печально будет стареть, сознавая, что не сделал ничего такого, чтобы грядущие перемены были бы переменами к лучшему. Верно?

Он кивнул, откашлялся.

— Йеннифэр!

— Слушаю, поэт.

— А те, в свинарнике... Хотелось бы знать, кто они такие, чего хотели, кто их настрополил. Ты убила двоих, но в народе болтают, будто вы ухитряетесь вытянуть информацию даже из покойников.

— А о том, что некромантия запрещена эдиктом Капитула, в народе не болтают? Успокойся, Лютик. Бандиты наверняка мало чего знали. Тот, что сбежал... Хм... Вот с ним другое дело.

— Риенс. Он чародей, правда?

— Да. Но не очень умелый.

— Однако же сбежал. Я видел, каким макарон. Телепортировался, разве нет? Разве это ни о чем не говорит?

— Именно. Говорит. О том, что кто-то ему помог. У Риенса не было ни времени, ни сил, чтобы отворить висящий в воздухе овальный портал. Такой телепорт — не фунт изюму. Совершенно ясно, что его открыл кто-то другой. Кто-то несравненно более сильный. Поэтому я поостереглась за ним гнаться, не зная, где окажусь. Но послала ему вослед заряд достаточно высокой температуры. Ему потребуется масса заклинаний и эликсиров, эффективно залечивающих ожоги, но в любом случае он на некоторое время останется меченым.

— Может, тебе интересно будет узнать, что он нильфгаардец?

— Думаешь? — Йеннифэр выпрямилась, быстрым движением вынула из кармана пружинный нож, повертела в руке. — Нильфгаардские ножи теперь носят многие. Они удобны и сподручны, их можно спрятать даже за декольте...

— Не в ноже дело. Выспрашивая меня, он воспользовался словами

«битва за Цинтру», «завоевание города» или как-то похоже. Я никогда не слышал, чтобы кто-нибудь из наших так называл эти события. Для нас это всегда была резня, не битва. Бойня. Резня в Цинтре. Никто не говорит иначе.

Чародейка подняла руку, внимательно присмотрелась к ногтям.

— Ловко, Лютик. У тебя чуткое ухо.

— Профессиональный перекося.

— Интересно, которую из двух профессий ты имеешь в виду? — кокетливо улыбнулась она. — Но за информацию благодарю. Ценная вещь.

— Пусть это будет мой вклад, — ответил он улыбкой, — мой вклад в перемены к лучшему. Скажи, Йеннифэр, чего ради Нильфгаард так интересуется Геральтом и девочкой из Цинтры?

— Не лезь не в свои дела, — неожиданно посерьезнела она. — Я же сказала, забудь, что когда-нибудь слышал о внучке Калантэ.

— Верно, сказала. Но сейчас я ищу не темы для баллады.

— Так чего же ты ищешь, черт побери? Шишек на свою голову?

— Допустим, — сказал он тихо, положив подбородок на сплетенные пальцы и посмотрев чародейке в глаза. — Допустим, Геральт действительно нашел и спас ребенка. Допустим, наконец уверовал в силу Предназначения и забрал найденного ребенка с собой. Куда? Риенс пытался вытянуть это из меня пытками. А ты знаешь, Йеннифэр? Знаешь, где залег ведьмак?

— Знаю.

— И знаешь, как туда добраться?

— И это знаю.

— Тебе не кажется, что его надо бы предостеречь? Предупредить, что его и девочку разыскивают какие-то люди типа Риенса? Я поехал бы, но я действительно не знаю, где это... То место, названия которого предпочитаю не произносить...

— Сделай выводы, Лютик.

— Если ты знаешь, где находится Геральт, то должна поехать и предостеречь его. Ты ему кое-чем обязана, Йеннифэр. Ведь что-то тебя с ним связывало.

— Верно, — холодно подтвердила она. — Кое-что меня с ним связывало. Поэтому я немного знаю его. Он не любит, чтобы ему навязывали помощь. А если и требует помощи, то ищет ее у людей, которым доверяет. С тех событий прошло больше года, а я... а у меня не было от него никаких известий. Что же касается долга, то я обязана ему ровно столько, сколько и он мне. Ни больше ни меньше.

— Значит, поеду я. — Он поднял голову. — Скажи...

— Не скажу, — прервала она. — Ты погорел, Лютик. Тебя могут поймать снова. Чем меньше ты знаешь, тем лучше. Исчезни. Поезжай в Реданию, к Дийкстре и Филиппе Эйльхарт, примкни ко двору Визимира. И еще раз предупреждаю: забудь о Львенке из Цинтры. О Цири. Прикидывайся, будто никогда не слышал этого имени. Сделай так, как я прошу. Я не хочу, чтобы с тобой случилось что-нибудь скверное. Я слишком тебя люблю, слишком многим тебе обязана...

— Ты второй раз говоришь это. Чем ты мне обязана, Йеннифэр?

Чародейка отвернулась, долго молчала, наконец сказала:

— Ты ездил с ним. Благодаря тебе он не был одинок. Ты был его другом. Ты был с ним.

Бард опустил глаза.

— Невелика же была ему с того польза. Немного он выиграл на такой дружбе. Из-за меня у него были одни лишь неприятности, постоянно приходилось вытаскивать меня из беды... Помогать мне.

Йеннифэр снова перегнулась через стол, положила ему руку на пальцы, сильно сжала, не проронив ни слова. В ее глазах была грусть.

— Поезжай в Реданию, — спустя некоторое время повторила она. — В Третогор. Там ты будешь под присмотром Дийкстры и Филиппы. Не пытайся изображать героя. Ты впутался в опасную аферу, Лютик.

— Я заметил. — Он поморщился, помассировал все еще болевшее предплечье. — Именно поэтому я считаю, что надо предупредить Геральта. Ты одна знаешь, где его искать. Знаешь дорогу. Догадываюсь, что ты там бывала... гостем.

Йеннифэр отвернулась. Лютик видел, как она сжала губы, как дрогнул мускул у нее на щеке.

— Правда, как-то случалось, — сказала она, и в ее голосе было что-то неуловимо странное. — Доводилось мне бывать там гостем. Но никогда — непрошеным.

Ветер яростно взвыл, закачал покрывающие руины метелки трав, зашумел в кустах боярышника и в высокой крапиве. Тучи пронеслись по диску луны, на минуту осветив замок, залив бледным, колеблющимся светом ров и остатки стены, вырвав холмики черепов, щерящих поломанные зубы, черными провалами глазниц глядящих в небытие. Цири

тонко пискнула и спрятала голову под плащ ведьмака.

Подгоняемая пятками лошадь осторожно переступила кучу кирпичей, вошла под разрушенную арку. Подковы, ударяя по сломанным плитам, будили меж стен призрачное эхо, которое тут же заглушал ветер. Цири дрожала, вцепившись руками в гриву коня.

— Я боюсь...

— Нечего бояться, — ответил ведьмак, положив ей руку на плечо. — На всем свете нет места безопаснее. Это Каэр Морхен. Пристанище ведьмаков. Когда-то здесь был прекрасный замок-крепость. Очень давно.

Она не ответила, только ниже опустила голову. Лошадь ведьмака по прозвищу Плотва тихо фыркнула, словно и она хотела успокоить девочку.

Они погрузились в темноту, в бесконечно длинный черный туннель меж колонн и арок. Плотва шла уверенно и охоче, не обращая внимания на непроницаемую тьму, весело позвякивая подковами по полу.

Перед ними в конце туннеля неожиданно загорелась красным вертикальная линия. Вырастая и расширяясь, она превратилась в двери, из-за которых вырывался свет, мерцающее пламя лучин, укрепленных в железных держателях на стенах. В дверях возникла черная, нечеткая в неверном свете фигура.

— Кто? — услышала Цири злой металлический голос, прозвучавший как лай. — Геральт?

— Да, Эскель. Я.

— Входи.

Ведьмак слез с лошади, снял Цири с седла, опустил на землю, сунул ей узелок, в который она тут же вцепилась обеими руками, жалея, что он слишком мал, чтобы спрятаться за ним.

— Подожди здесь, с Эскелем, — сказал Геральт. — Я отведу Плотву в конюшню.

— Пошли на свет, малыш, — проворчал мужчина, которого ведьмак назвал Эскелем. — Не стой во тьме.

Цири подняла глаза, взглянула на его лицо и с трудом сдержала крик ужаса. Это был не человек. «Ни у одного человека, — подумала она, — не может быть такого лица».

— Ну чего ты ждешь? — повторил Эскель.

Она не шевельнулась. Слышала, как в темноте удаляется стук копыт Плотвы. По ноге шмыгнуло что-то мягкое и пищащее. Она подпрыгнула.

— Не стой во мраке, малыш, крысы башмачки прогрызут.

Цири, прижимая узелок, быстро шагнула к свету. Крысы с писком прыснули из-под ног. Эскель наклонился, отобрал у нее узелок, снял

шапочку.

— А, зараза! — буркнул он. — Девчонка. Этого только не хватало.

Цири испуганно глянула на него. Эскель улыбался. Она увидела, что это все-таки человек, что у него вполне нормальное человеческое лицо, только от уголка губ через всю щеку до самого уха его уродовал полукруглый длинный шрам.

— Ну коли уж ты тут, приветствую тебя в Каэр Морхене, — сказал он. — Как тебя кличут?

— Цири, — ответил за нее Геральт, беззвучно появляясь из мрака. Эскель обернулся. Резко, быстро, не произнеся ни слова. Ведьмаки обхватили друг друга, крепко, сильно сплелись руками. На мгновение, не больше.

— Жив, Волк.

— Жив.

— Ну славно. — Эскель вынул лучину из держателя. — Пошли. Я закрою внутренние ворота, тепло уходит.

Они пошли по коридору. Крысы были и тут, бегали вдоль стен, попискивали в темных провалах боковых проходов, прыскали из неверного круга света, отбрасываемого факелом-лучиной. Цири семенила, стараясь не отставать от мужчин.

— Кто зимует, Эскель? Кроме Весемира.

— Ламберт и Койон.

Они спустились по скользким крутым ступеням. Внизу был виден отсвет. Цири услышала голоса, почувствовала запах дыма.

Огромный холл освещало бушующее в гигантском камине пламя, с гулом рвущееся в пасть уходящей вверх трубы. В центре холла стоял большой тяжелый стол. За таким столом могло разместиться никак не меньше десяти человек. Но сидело только трое. Три человека. «Три ведьмака», — мысленно поправилась Цири. Она видела только их силуэты на фоне огня, полыхавшего в камине.

— Привет, Волк, мы ждали тебя.

— Привет, Весемир. Привет, парни. Приятно снова оказаться дома.

— Кого это ты привел?

Геральт минуту помолчал, потом положил руку на плечо Цири, легонько подтолкнул ее вперед. Она шла неловко, робко, спотыкаясь и сутулясь, наклонив голову. «Я боюсь, — подумала она. — Я ужасненько боюсь. Когда Геральт меня нашел и взял с собой, я думала, что страх уже не вернется, что уже все позади... И вот, вместо того чтобы быть дома, я оказалась в этом страшном, темном, разваливающемся замке, забитом

крысами и полном кошмарными эхо... Я снова стою перед пурпурной стеной огня. Вижу грозные черные фигуры, вижу уставившиеся на меня злые, неестественно блестящие глаза...»

— Кто этот ребенок, Волк? Кто эта девочка?

— Она мое... — Геральт осекся. Она почувствовала на плечах его сильные, твердые руки. И неожиданно страх исчез. Пропал без следа. Пурпурный, рвущийся вверх огонь излучал тепло. Только тепло. Черные силуэты были силуэтами друзей. Покровителей. Блестящие глаза выражали любопытство. Заботу. И беспокойство...

Руки Геральта стиснули ей плечи.

— Она — наше Предназначение.

Глава 2

Воистину, нет ничего более отвратного, нежели монстры оные, натуре противные, ведьмаками именуемые, ибо суть они плоды мерзопакостного волшебства и дьявольства. Это есть мерзавцы без достоинства, совести и чести, истинные исчадия адавы, токмо к убиениям приспособленные. Нет таким, како оне, места меж людьми почтенными.

А их Каэр Морхен, где оные бесчестники гнездятся, где мерзкие свои дела обдeldывают, стерт должен быть с лона земли, и след по нему солью и селитрой посыпан.

Аноним. «Монструм, или Ведьмака описание»

Нетерпимость и зазнайство всегда были присущи глупцам и никогда, думается, до конца искоренены не будут, ибо они столь же вечны, сколь и сама глупость. Там, где ныне возвышаются горы, когда-нибудь разольются моря, там, где ныне пенятся волны морские, когда-нибудь раскинутся пустыни. А глупость останется глупостью.

Никодемус де Боот. «Рассуждения о жизни, счастье и благополучии»

Трисс Меригольддохнула на озябшие руки, пошевелила пальцами и пробормотала магическую формулу. Ее конь, буланый мерин, тут же отреагировал на заклинание, фыркнул и повернул морду, косясь на чародейку слезящимися от холода и ветра глазами.

— У тебя два выхода, старик, — сказала Трисс, натягивая перчатки. — Либо ты приспособишься к магии, либо я продам тебя кметам под плуг.

Мерин застриг ушами, пустил струи пара из ноздрей и послушно двинулся вниз по лесистому склону. Чародейка наклонилась в седле, уворачиваясь от ударов заиндевелых веток.

Заклинание подействовало быстро, она перестала ощущать уколы озноба в локтях и на затылке, исчезло неприятное ощущение холода,

заставлявшее сутулиться и втягивать голову в плечи. Волшебство, разогрев ее, приглушило и голод, вот уже несколько часов сосущий под ложечкой. Трисс повеселела, уселась поудобнее в седле и принялась внимательнее, чем раньше, рассматривать окрестности.

После того как она свернула с дороги, направление ей указывала белесо-серая стена гор. Покрытые снегом вершины поблескивали золотом в те редкие минуты, когда солнце пробивалось сквозь тучи: чаще всего утром и перед самым закатом. Сейчас, когда горная цепь была почти рядом, приходилось быть внимательнее. Окрестности Каэр Морхена славились своей дикостью и недоступностью, а выщербину в гранитной стене, которой следовало руководствоваться, непривычный глаз мог обнаружить с большим трудом. Стоило свернуть в одно из многочисленных ущелий, чтобы потерять ее из виду. Даже она, зная дорогу и помня, где искать перевал, не могла позволить себе отвлечься.

Лес кончился. Перед чародейкой раскинулась широкая, усеянная галькой долина, упирающаяся в обрывистые склоны. По середине долины бежала Гвенллек, Река Белых Камней, бурля пеной меж камней и принесенных потоком стволов. Здесь, в верхнем течении, Гвенллек была всего лишь мелким, хоть и широким ручьем, и ее легко можно было пройти вброд. Ниже, в Каэдвене, в среднем течении, река образовывала непреодолимое препятствие — она с ревом мчалась в глубоких провалах.

Мерин, ступив в воду, ускорил шаг, явно стремясь поскорее добрести до противоположного берега. Трисс слегка придержала его — ручей был мелкий: едва доходил коню до бабок, но камни на дне были скользкие, а течение быстрое и бурунное. Вода бурлила и пенилась вокруг ног лошади.

Чародейка глянула на небо. Усиливающийся холод и ветер здесь, в горах, предвещали пургу, а перспектива провести очередную ночь в гроте либо в каменной расщелине не очень-то привлекала. Конечно, она могла бы, в случае крайней нужды, продолжать путь даже в пургу, могла распознавать дорогу телепатически, могла с помощью магии укрепить себя против холода. Могла, если б это было необходимо. Но такой необходимости она не видела.

К счастью, Каэр Морхен был уже близко. Трисс заставила мерина забраться на пологую осыпь — огромную каменную призму, омытую ледниками и потоками воды, — въехала в плоский проход меж скальными блоками. Стены ущелья вздымались отвесно и, казалось, встречались высоко наверху, разделенные лишь узким штришком неба. Стало теплее, потому что ветер, воющий над скалами, уже не доставал, не хлестал и не кусал ее.

Проход расширился, вывел в балку, а потом в долину, на огромную, округлую, покрытую лесом мульду, раскинувшуюся меж зубастых камней. Чародейка поехала не по пологим, легкодоступным склонам мульды, а поднялась прямо в дебри, в густую чащу. Сухие ветки захрустели под копытами. Мерин, вынужденный переступать через поваленные стволы, захрапел, заплясал, затопал. Трисс натянула поводья, дернула коня за косматое ухо и выругала, ехидно намекнув на его трусость. Конь, казалось, действительно смутился, пошел ровнее и бодрее, сам выбирая дорогу в чаще.

Вскоре они оказались на открытом пространстве, въехали в русло ручейка, едва сочившегося по дну балки. Чародейка внимательно осмотрелась и нашла то, что искала. Над балкой, опираясь на огромные камни, горизонтально лежал могучий ствол, темный, голый, позеленевший от мха. Трисс подъехала ближе, чтобы удостовериться, действительно ли это Путь, а не случайное дерево, поваленное вихрем. Обнаружила почти незаметную узкую тропинку, скрывавшуюся в лесу. Нет, она не ошиблась, это наверняка Путь — бегущая вокруг Каэр Морхена дорожка, забитая препятствиями, на которой ведьмаки совершенствовались в скорости бега и контроле дыхания. Дорожку именовали Путем, но Трисс знала, что юные ведьмаки называли ее иначе: Мучильня.

Прильнув к шее коня, она медленно проехала под стволом. И тут услышала звон камней и быстрые легкие шаги бегущего человека.

Она повернулась в седле, натянула поводья, ожидая, пока ведьмак взбежит на ствол.

Ведмак взбежал на ствол, стрелой промчался по нему, не замедляя бега, даже не балансируя руками, легко, ловко, мягко, с невероятной грацией. Только мелькнул и тут же скрылся меж деревьев, не задев ни единой ветки. Трисс громко вздохнула, недоверчиво покачала головой. Потому что ведьмаку, судя по росту и фигуре, было около двенадцати лет.

Чародейка ударила буланого пятками, отпустила поводья и рысью направилась вверх по течению ручья. Она знала, что Путь пересекает балку снова в том месте, которое окрестили Горловиной. Ей хотелось еще раз глянуть на маленького ведьмака. Ведь она знала, что в Каэр Морхене детей не тренируют уже почти четверть века.

Особо она не спешила. Тропинка Мучильни извивалась и петляла по бору, на то, чтобы преодолеть ее, ведьмачонку понадобилось бы значительно больше времени, чем ей, едущей наперерез. Однако и медлить тоже не следовало. За Горловиной Путь сворачивал в лес, вел прямо к замку. Если не поймать паренька у пропасти, его можно вообще не увидеть.

Трисс уже несколько раз бывала в Каэр Морхене и прекрасно понимала, что видела там только то, что ведьмаки хотели показать, а показать они хотели лишь самую малость из того, что в Каэр Морхене вообще можно было увидеть. Нет, наивной Трисс не была.

Проехав по каменистому руслу ручья, она увидела Горловину — уступ, образованный над яром двумя омшелыми скалами, заросшими искореженными карликовыми деревцами. Она отпустила поводья. Буланный фыркнул и наклонил голову к воде, струящейся меж гольшей.

Долго ждать не пришлось. Фигурка ведьмака мелькнула на скале, мальчонка прыгнул, не сбавляя темпа. Чародейка услышала мягкий шлепок, а чуть позже грохот камней, глухой звук падения и тихий крик. Вернее, писк.

Трисс, не раздумывая, соскочила с седла, скинула меховую накидку и помчалась по склону, подтягиваясь за корни и ветви деревьев. Взлетела на скалу с разгона, но поскользнулась на игольнике и упала на колени рядом со скорчившимся на камнях телом. Увидев ее, подросток вскочил как подброшенный пружиной, молниеносно отступил и ловко схватился за меч, перекинутый за спину, но споткнулся и упал между можжевельным кустом и сосенками. Чародейка не поднималась с колен, а смотрела на мальчика, раскрыв рот от изумления.

Потому что это был вовсе не мальчик.

Из-под пепельной, неровно и неаккуратно подстриженной челки на нее глядели огромные изумрудно-зеленые глаза, самое заметное пятно на маленьком личике с узким подбородком и вздернутым носиком. В глазах стоял испуг.

— Не бойся, — неуверенно сказала Трисс.

Девочка раскрыла глаза еще шире. Она почти не дышала и, похоже, вовсе не вспотела. Не иначе как бегала по Мучильне уже не один день.

— Как ты?

Вместо ответа девочка быстро встала, ойкнула от боли, перенесла вес тела на левую ногу, наклонилась, помассировала коленку. Одета она была во что-то вроде кожаного костюма, сшитого, вернее, сляпанного таким образом, что любой уважающий себя портной, увидев его, взвыл бы от отчаяния и ужаса. Единственным, что в экипировке казалось в меру новым и подогнанным, были высокие до колен сапожки, ремни и меч. Точнее, мечик.

— Не бойся, — повторила Трисс, все еще не поднимаясь с колен. — Я слышала, как ты упала, испугалась, потому так бежала...

— Я поскользнулась, — буркнула девочка.

— Ничего не повредила?

— Нет. А что?

Чародейка рассмеялась, попробовала встать, поморщилась от боли, отозвавшейся в щиколотке, чертыхнулась. Села, осторожно выпрямила ногу, выругалась снова.

— Иди сюда, малышка, помоги мне встать.

— Я не малышка.

— Допустим. В таком случае кто ты?

— Ведьмачка!

— Ха! Ну, так подойди, ведьмачка, и помоги мне встать.

Девочка не двинулась с места. Она переступила с ноги на ногу и рукой в шерстяной митенке перебирала ремень меча, подозрительно поглядывая на Трисс.

— Не бойся, — улыбнулась чародейка. — Я не разбойница и не чужак какой-нибудь. Меня зовут Трисс Меригольд, я еду в Каэр Морхен. Ведьмаки меня знают. Не таращись. Я одобряю твою бдительность, но будь рассудительной. Как думаешь, добралась бы я сюда, не зная дороги? Ты когда-нибудь встречала на Пути человеческое существо?

Девочка отбросила сомнения и подошла ближе, протянув руку. Трисс поднялась, почти не воспользовавшись помощью. Не в помощи было дело. Ей хотелось рассмотреть девочку вблизи. И прикоснуться к ней.

В зеленых глазках маленькой ведьмачки не было и признаков мутации, прикосновение маленькой ручки тоже не вызывало легкой приятной щекотки, характерной для ведьмаков. Пепельноволосого ребенка, хоть он и бегал тропинкой Мучильни с мечом за спиной, не подвергали Испытанию Травами и Трансмутациями. В этом Трисс была уверена.

— Покажи коленку, малышка.

— Не малышка я!

— Прости, забыла. Но какое-то имя у тебя, надо думать, есть?

— Есть. Я... Цири.

— Очень приятно. Подойди-ка поближе, Цири.

— Со мной ничего не стало.

— Хочу взглянуть, как выглядит твое «ничего». Ну вот, так я и думала. «Ничего» поразительно напоминает разорванные штаны и содранную до живого мяса кожу. Стой спокойно и не бойся.

— Я и не боюсь... Аaaa!

Чародейка захохотала и потерла о бедро зудевшую от заклинания руку. Девчушка наклонилась, осмотрела колено.

— О! — сказала она. — Уже не больно! И дырки нет... Это чары?

— Угадала.

— Так ты чаровница?

— Опять угадала. Хотя, признаться, предпочитаю чародейку, а не чаровницу. Чтоб не ошибаться, можешь называть меня по имени. Трисс. Попросту Трисс. Пошли, Цири. Внизу ждет мой конь, в Каэр Морхен поедem вместе.

— Мне надо бежать, — покрутила головой Цири. — Нельзя прерывать бег, а то в мышцах образуется молоко. Геральт говорит...

— Геральт в замке?

Цири надулась, стиснула губы, глянула на чародейку из-под пепельной челки. Трисс снова рассмеялась.

— Хорошо. Не буду выпрашивать. Секрет — это секрет, ты правильно делаешь, что не выбалтываешь его незнакомому человеку. Пошли. Посмотрим на месте, кто есть в замке, а кого нет. А о мышцах не беспокойся, я знаю, как управиться с молочной кислотой. О, вот и мой коняга. Я тебе помогу...

Она протянула руку, но Цири помощь не понадобилась. Она заскочила в седло ловко, легко, почти не отталкиваясь от земли. Мерин дернулся, удивленный, затоптался на месте, но девочка, быстро ухватив поводья, успокоила его.

— Вижу, с конями ты управляешься.

— Я со всем управляюсь.

— Подвинься ближе к луке. — Трисс сунула ноги в стремяна, схватилась за гриву. — Дай мне немного места. И не выбей мне глаза своим мечом.

Она тронула мерина пяткой, и они двинулись шагом по руслу ручья, пересекли очередной яр и взобрались на округлый холм. Оттуда уже виднелись прилепившиеся к каменным обрывам руины Каэр Морхена — частично разрушенная трапеция защитного вала, остатки башни и ворот, бочкообразный столб донжона.

Мерин фыркнул и дернул головой, переходя ров по остаткам моста. Трисс натянула поводья. На нее самое не действовали покрывающие дно рва истлевшие черепа и кости. Ей уже доводилось их видеть.

— Не люблю этого, — вдруг проговорила девочка. — Так быть не должно. Умерших надо предавать земле. Под курганом. Ведь верно?

— Верно, — спокойно подтвердила чародейка. — Я тоже так считаю. Но ведьмаки рассматривают это кладбище как... напоминание.

— Напоминание о чем?

— На Каэр Морхен, — Трисс направила коня к растрескавшимся

аркам, — напали. Здесь разразилась кровавая битва, в которой погибли почти все ведьмаки. Уцелели только те, которых в тот момент не было в замке.

— Кто напал? И почему?

— Не знаю, Цири, — солгала она. — Это было страшно давно. Спроси ведьмаков.

— Спрашивала, — проворчала девочка. — Они не хотят говорить.

«Я их понимаю, — подумала чародейка. — Ребенку, которого муштруют, чтобы он стал ведьмаком, к тому же девочке, не говорят о таких вещах. Такому ребенку не рассказывают о бойнях и резне. Не ожесточают перспективой того, что и он может когда-либо услышать о себе слова, которые выкрикивали тогда валившие на Каэр Морхен фанатики. Мутант! Чудовище! Монстр! Богами проклятое, природе противное существо! Нет, — подумала она, — я не удивляюсь тому, что ведьмаки не рассказали тебе об этом, малышка Цири. И я тоже не расскажу. У меня, малышка Цири, еще больше причин молчать. Ведь я чародейка, а анонимный пасквиль, широко разошедшийся в списках „Монструм“, который взбудоражил фанатиков и подтолкнул их на преступление, тоже, кажется, был делом рук какого-то чародея. Но я, малышка Цири, не признаю коллективной ответственности, не чувствую потребности в покаянии по случаю события, имевшего место за полстолетия до моего рождения. А скелеты, которым суждено быть вечным напоминанием, в конце концов истлеют, обратятся во прах, который развеет ветер, неустанно овевающий склоны, и будут забыты...»

— Они не хотят так лежать, — неожиданно сказала Цири. — Не хотят быть символом, укором совести или предостережением. Они не хотят и того, чтобы их прах развеял ветер.

Трисс быстро подняла голову, услышав изменения в голосе девочки. Моментально уловила магическую ауру, пульсирование и шум крови в висках. Напряглась, но не отозвалась ни словом, боясь прервать и нарушить происходящее.

— Обычный курган. — Голос Цири становился все более неестественным, каким-то металлическим, холодным и злым. — Горстка земли, которая зарастет крапивой. У смерти голубые и холодные глаза, а высота обелиска не имеет значения, не имеют значения и надписи, выбитые на нем. Кто может знать об этом лучше тебя, Трисс Меригольд, четырнадцатая с Холма?

Чародейка обомлела. Она видела, как руки девочки стискивают гриву коня.

— Ты умерла на Холме, Трисс Меригольд, — снова проговорил злой, чужой голос. — Зачем ты сюда приехала? Возвращайся, возвращайся немедленно, а этого ребенка, Дитя Старшей Крови, заberi с собой, чтобы отдать его тем, кому он принадлежит. Сделай так, Четырнадцатая. Ибо, не сделав этого, ты умрешь еще раз. Придет день, и Холм вспомнит о тебе. Вспомнят о тебе братская могила и обелиск, на котором выбито твое имя.

Мерин громко заржал, затряс головой. Цири вдруг дернулась, задрожала.

— Что случилось? — спросила Трисс, пытаясь совладать с голосом.

Цири откашлялась, двумя руками поправила волосы, потеряла лицо.

— Нн... ничего... — неуверенно произнесла она. — Устала, поэтому... Поэтому уснула. Надо бежать...

Магическая аура развеялась. Трисс почувствовала, как накатилa неожиданно волна холода. Попыталась убедить себя, что это эффект угасания защитного заклинания, хоть и знала, что все не так. Посмотрела вверх, на каменную громаду замка, таращившуюся на нее черными провалами развалившихся бойниц. По телу пробежала дрожь.

Конь зацокал копытами по плитам двора. Чародейка быстро соскочила с седла, подала руку Цири. Воспользовавшись соприкосновением ладоней, осторожно послала магический импульс. И поразилась. Потому что не почувствовала ничего. Никакой реакции, никакого ответа. И никакого сопротивления. В девочке, которая только что создала невероятно сильную ауру, не было даже намекa на магию. Теперь это был обыкновенный, неряшливо подстриженный и скверно одетый ребенок.

Но минуту назад ребенок этот не был обыкновенным ребенком.

Трисс не успела обдумать странное явление. Она услышала скрежет окованных железом дверей, донесшийся из темного жерла коридора, зияющего за полуразрушенным порталом. Сбросила накидку, сняла лисью шапочку, быстрым движением головы рассыпала волосы, свою гордость и распознавательный знак — длинные, горящие золотом, пушистые локоны цвета свежего каштана.

Цири изумленно вздохнула. Трисс улыбнулась, радуясь эффекту. Прекрасные длинные пушистые волосы были редкостью, признаком положения, статуса, знаком свободной женщины, самой себе хозяйки. Знаком женщины необычной, ибо обычные девушки носили косы, обычные замужние женщины покрывали волосы чепчиками либо платками. Дамы знатные, включая и королев, завивали и укладывали волосы. Воительницы стриглись коротко. Только друидки и чародейки, да еще распутницы похвалялись естественными гривами, чтобы подчеркнуть независимость и

свободу.

Ведьмаки появились, как всегда, неожиданно, как всегда, беззвучно, как всегда, неведомо откуда. Остановились перед ней, высокие, стройные, со скрещенными на груди руками, сместив вес тела на левую ногу, в той позиции, из которой — она знала — можно атаковать мгновенно. Цири встала рядом с ними в такой же позе. В своей карикатурной одежке она выглядела презабавно.

— Приветствуем тебя в Каэр Морхене, Трисс.

— Приветствую тебя, Геральт.

Он изменился. Казалось, постарел. Трисс знала, что биологически это невозможно. Да, ведьмаки стареют, но слишком медленно, чтобы простой смертный или такая молодая чародейка, как она, могли обнаружить перемены. Но достаточно было одного взгляда, чтобы понять: мутация способна задерживать процесс физического старения, но не психического. Иссеченное морщинами лицо Геральта было лучшим тому доказательством. Трисс с глубочайшей досадой оторвала взгляд от глаз ведьмака. Глаз, которые явно видели слишком многое. К тому же она не заметила в этих глазах того, на что рассчитывала.

— Приветствую, — повторил он. — Рады видеть тебя.

Рядом с Геральтом стоял Эскель, похожий на Волка, как брат-близнец, если не считать цвета волос и длинного шрама, уродующего щеку. И самый младший из ведьмаков в Каэр Морхене — Ламберт, как всегда, с неприятной ухмылкой на лице. Весемира не было.

— Приветствуем и приглашаем войти, — сказал Эскель. — Холодно и дует так, словно где-то висельник завелся. А ты куда, Цири? Тебя приглашение не касается. Солнце пока высоко, хоть его и не видно. Еще можно тренироваться.

— Ай-яй, — тряхнула волосами чародейка. — Похоже, подешевела вежливость в Пристанище ведьмаков. Цири встретила меня первой, проводила в замок. Ей положено быть со мной...

— Она здесь обучается, Меригольд, — поморщился Ламберт, изобразив пародию на улыбку. Он всегда называл ее «Меригольд», без «госпожи», без имени. Трисс не любила этого. — Она ученица, — продолжал Ламберт, — а не мажордом. Встреча гостей, даже столь приятных, как ты, не входит в ее обязанности. Пошли, Цири.

Трисс слегка пожала плечами, прикидываясь, будто не замечает смущенных взглядов Геральта и Эскеля. Смолчала. Не хотела смущать их еще больше. А главное, не хотела, чтобы они поняли, как сильно ее интересует и завораживает эта девочка.

— Я отведу коня, — предложил Геральт, потянувшись к поводьям. Трисс украдкой подвинула руку, и их пальцы встретились. Взгляды тоже.

— Я пойду с тобой, — свободно сказала она. — Во выюках кое-какие нужные мне мелочи.

— Ты доставила мне несколько неприятных минут, — буркнул он, как только они вошли в конюшню. — Я собственными глазами видел твое пышное надгробие. Обелиск, увековечивающий твою героическую смерть в битве за Содден. Лишь недавно до меня дошли слухи, что это ошибка. Не понимаю, как тебя можно было с кем-то перепутать, Трисс.

— Долгая история, — ответила она. — При случае расскажу. А неприятные минуты — ну что ж, постарайся простить меня.

— Нечего тут прощать. Последнее время мне редко доводилось радоваться, а радость, которую я ощутил, узнав, что ты жива, трудно сравнить с какой-либо иной. Разве только с той, какую я испытываю сейчас, глядя на тебя.

Трисс показалось, что в ней что-то разрывается. Страх перед встречей с беловолосым ведьмаком всю дорогу боролся в ней с надеждой на встречу. А потом — это измученное, истощенное лицо, эти всевидящие больные глаза, слова, холодные и взвешенные, неестественно спокойные, но насыщенные таким чувством...

Она бросилась ему на шею, сразу, не раздумывая. Схватила руку, резко завела себе за шею, под волосы. Мурашки побежали у нее по спине, пронзили таким блаженством, что она чуть было не закричала. Чтобы сдержать и приглушить крик, она нашла губами его губы. Прильнула к ним. Она дрожала, крепко прижимаясь к нему, возбуждая и усиливая в себе страсть, забываясь все больше.

Геральт не забылся.

— Трисс... Прошу тебя...

— Ох, Геральт... Я так...

— Трисс. — Он мягко отстранил ее. — Мы не одни... Сюда идут.

Она взглянула на дверной проем. Тени приближающихся ведьмаков она заметила не сразу, их шаги услышала еще позже. Ну что ж, ее слух, который в принципе она считала обостренным, с ведьмачьим соперничать не мог.

— Трисс, деточка!

— Весемир!

Да, Весемир был действительно стар. Кто знает, не старше ли, чем Каэр Морхен. Но он шел к ней быстрым, энергичным и пружинистым шагом, его рукопожатие было крепким, а руки сильными.

— Рада снова видеть тебя, дедушка.

— Поцелуй меня. Нет, не руку, маленькая чародейка. Руку будешь целовать, когда я окажусь на смертном одре. А это, похоже, вот-вот случится. Ох, Трисс, хорошо, что ты приехала... Кто меня вылечит, если не ты?

— Вылечить? Тебя? От чего? Разве что от мальчишеских штучек! Убери руку с моего зада, старец, не то подпалю твою седую бороду!

— Прости. Все время забываю, что ты выросла, и я уже не могу сажать тебя на колени и похлопывать. Что же до моего здоровья... Ох, Трисс, старость не радость. Кости ломит так, что выть хочется. Поможешь старику, девочка?

— Помогу. — Чародейка высвободилась из медвежьих объятий и взглянула на сопровождавшего Весемира ведьмака. Он был молод, казался ровесником Ламберта. Носил короткую черную бороду, которая, однако, не скрывала сильных рябушек после оспы. Это было довольно необычно, потому что ведьмаки, как правило, обладали высоким иммунитетом против заразных болезней.

— Трисс Меригольд. Койон, — представил их Геральт. — Койон проводит с нами первую зиму. Он с Юга, из Повисса.

Молодой ведьмак поклонился. У него были необычно светлые, желто-зеленые радужки, а перерезанные красными ниточками хрусталики говорили о тяжелом, хлопотном протекании мутации глаз.

— Идем, деточка, — сказал Весемир, взяв ее за руку. — Конюшня — не место для встречи гостей. Но я не мог дождаться.

Во дворе, меж заслоняющих от ветра стен, Цири занималась под присмотром Ламберта. Ловко балансируя на подвешенной на цепях балке, она с мечом в руке нападала на кожаный мешок, перевязанный ремнями так, чтобы он изображал человеческое тело. Трисс задержалась.

— Плохо! — шипел Ламберт. — Слишком близко подходишь! И не руби вслепую. Я же сказал, самым концом меча по шейной артерии! Где у гуманоида шейная артерия? На макушке? Что с тобой творится? Сосредоточься, княжна!

«Ха! — подумала Трисс. — Стало быть, и впрямь не легенда. Это она. Я верно догадывалась».

Она решила пойти в атаку, не откладывая, не позволив ведьмаку выкрутиться.

— Знаменитое Дитя-Неожиданность? — указала она на Цири. — Похоже, вы всерьез взялись выполнять требования судьбы и Предназначения? Только вроде бы сказки у вас перепутались, ребята. В

сказках, которые мне рассказывали, пастушечки и сиротки становились княжнами. А тут, вижу, наоборот — княжну переделывают в ведьмачку. Вам не кажется, что это несколько рискованно?

Весемир взглянул на Геральта. Беловолосый ведьмак молчал, его лицо ничего не выражало, даже дрожанием век он не отреагировал на немую просьбу о поддержке.

— Все не так, как ты думаешь, — откашлялся старик. — Геральт привез ее сюда прошлой осенью. У нее нет никого, кроме... Послушай, Трисс, ну как тут не поверить в Предназначение, если...

— Что общего у Предназначения с размахиванием мечом?

— Мы учим ее пользоваться мечом, — тихо проговорил Геральт, повернувшись к чародейке и глядя ей прямо в глаза, — потому что ничему другому научить не можем. Не умеем ничего больше. Предназначение ли, нет ли, но Каэр Морхен теперь ее дом. Во всяком случае, на какое-то время. Тренировки и фехтование забавляют ее, помогают сохранить здоровье. Позволяют забыть о перенесенной трагедии. Теперь это ее дом, Трисс. Другого у нее нет.

— Множество цинтрийцев, — чародейка выдержала взгляд, — убежало после поражения в Вердэн, в Бругге, в Темерию, на Острова Скеллиге. Среди них есть вельможи, бароны, рыцари. Друзья, родственники... как и... подданные этой девчушки. Формально.

— Друзья и родственники после войны не стали ее искать. Не нашли.

— Потому что не им она была предназначена, — не очень искренне, но очень мило улыбнулась Трисс Геральту. Так мило, как только умела. Ей не хотелось, чтобы он говорил таким тоном.

Ведмак пожал плечами. Трисс, которая немного знала его, сразу же сменила тактику, отказавшись от аргументации.

Снова взглянула на Цири. Девочка, ловко ступая по бревну, проделала быстрый поворот, рубанула легко, тут же отскочила. Манекен закачался на веревке.

— Ну наконец-то! — крикнул Ламберт. — Наконец-то поняла! Отступи и давай еще раз. Хочу удостовериться, что это не случайность!

— Меч, — обернулась Трисс к ведьмакам, — похоже, острый. Бревно, похоже, скользкое и неустойчивое. А учитель похож на идиота, сбивающего девочку с толку своим криком. Не боитесь? Или рассчитываете на то, что Предназначение оградит ребенка?

— Цири почти полгода тренировалась без меча, — сказал Койон. — Умеет двигаться. А мы внимательно следим, потому что...

— Потому что это ее дом, — закончил Геральт тихо, но жестко. Очень

жестко. Тонем, пресекающим дискуссию.

— В том-то и дело, — глубоко вздохнул Весемир. — Ты устала, Трисс? Голодна?

— Не отрицаю, — вздохнула она, не пытаясь больше поймать взгляд Геральта. — Честно говоря, валюсь с ног. Последнюю ночь я провела в полуразрушенном пастушьем шалаше, зарывшись в солому и мешки. Уплотнила развалюху с помощью магии, если б не это, окочурилась бы, пожалуй. Мечтаю о чистой постели.

— Поужинаешь с нами. Сейчас. Потом как следует выпишься и отдохнешь. Мы приготовили тебе самую лучшую комнату, ту, что в башне. И поставили там самую лучшую кровать, какая только нашлась в Каэр Морхене.

— Благодарю, — кисло улыбнулась Трисс. «В башне, — подумала она. — Хорошо, Весемир. Сегодня можно и в башне, если тебе так уж важно соблюсти видимость приличия. Могу переночевать в башне. В лучшей кровати, какая только сыскалась в Каэр Морхене. Хоть и предпочитала бы в самой скверной, но с Геральтом».

— Пошли, Трисс.

— Пошли.

Ветер постукивал ставнями, шевелил прикрывающие окно остатки траченного молью гобелена. Трисс в абсолютной тьме лежала на лучшей в Каэр Морхене кровати. И не могла уснуть. И дело было вовсе не в том, что лучшая в Каэр Морхене кровать оказалась древней развалюхой. Нет. Трисс усиленно размышляла. И все отгоняющие сон мысли крутились вокруг одного основного вопроса: почему и зачем ее вызвали в замок? С какой целью?

Болезнь Весемира — не более чем предлог. Весемир ведьмак. То, что при этом он еще и столетний дед, не мешает многим молодцам завидовать его здоровью. Если б оказалось, что старца, допустим, пырнул жалом мантихор или покусал вурдалак, тогда Трисс еще могла бы поверить, что ее вызвали именно к нему. Но «ломота в костях»? Смех, да и только. «Ломота в костях» — не шибко оригинальное недомогание в чертовски холодных стенах Каэр Морхена. Весемир вылечился бы ведьмачьим эликсиром или — еще проще — крепким ржаным самогоном внутрь и наружно в равных пропорциях. Ему не понадобилась бы чародейка с заклинаниями,

фильтрами и амулетами.

Так кто же ее вызвал? Геральт?

Трисс ворочалась в постели, чувствуя волны накатывающего тепла. И возбуждения, усиленного злостью. Тихо выругалась, ударила кулаком по перине, перевернулась на бок. Древнее ложе заскрипело. «Я не владею собой, — подумала она. — Веду себя словно глупая девчонка. Или того хуже — как недоласканная старая дева. Не могу даже логично мыслить».

Она снова выругалась.

«Конечно же, не Геральт. Без эмоций, девица, без эмоций. Вспомни его мину там, в конюшне. Ты уже видывала такие мины, девочка, видела, не обманывай себя. Глупые, покаянные, растерянные мины мужчин, которые хотят забыть, которые сожалеют, которые не желают помнить случившегося, не хотят возвращаться к тому, что было. О боги, иначе не бывает. И ты это знаешь. Ведь у тебя солидный опыт, малышка».

Что касается эротической стороны жизни, то тут Трисс имела право считать себя типичной чародейкой. Началось все с кислого вкуса запретного плода, особо привлекательного из-за суровых правил академии и строжайших наказов преподавательницы, у которой она проходила практику. Потом наступила самостоятельность, свобода и неупорядоченные связи, закончившиеся, как обычно бывает, горечью, разочарованием и воздержанием. Начался долгий период одиночества и, наконец, открытие, что для снятия стрессов и напряжений вовсе не так уж и необходим человек, желающий считать себя твоим господином сразу после того, как перевернется на спину и смахнет пот со лба. Что для успокоения нервов имеются менее хлопотные методы, которые, ко всему прочему, не пачкают полотенца кровью, не пускают под одеялом ветров и не требуют завтрака. Затем пришел краткий и забавный период удовлетворенности собственным полом, закончившийся выводом, что пачканье, ветры и обжорство свойственны отнюдь не только мужчинам. Наконец, как все без малого магички, Трисс перешла на приключения с другими чародеями, спорадические и нервирующие своим холодным, техничным и, как правило, ритуальным протеканием.

И тогда появился Геральт из Ривии. Ведущий беспокойную жизнь ведьмак, связанный странными, беспокойными и бурными отношениями с Йеннифэр, ее сердечной подружкой.

Трисс наблюдала за обоими и завидовала, хоть, казалось, завидовать-то было нечему. Связь явственно приносила несчастье обоим, ведя напрямую к истощению, была болезненной и... вопреки всякой логике продолжалась. Трисс этого не понимала. И ее это интриговало. Интриговало до такой

степени, что...

Она соблазнила ведьмака, почти не пользуясь магией. Просто подоспело удачное время, момент, когда они с Йеннифэр в очередной раз осточертели друг другу и бурно расстались. Геральту требовалось тепло, и он хотел забыть обо всем.

Нет, Трисс не стремилась отнять его у Йеннифэр. По сути, подруга была ей нужнее, чем он. Но краткая связь с ведьмаком не разочаровала ее. Она нашла то, что искала, — чувство вины, страха и боли. Его боли. Трисс видела проявление этих эмоций, они ее будоражили, и она не смогла о них забыть, когда пришло время расстаться. А что такое своя боль, поняла недавно. В тот момент, когда неодолимо возжелала снова быть с ним. Ненадолго, на мгновение, но быть.

А теперь он так близко...

Трисс сжала пальцы в кулак и принялась колотить по подушке. «Нет, — подумала она, — не будь дурочкой, малышка. Не думай об этом. Думай о...»

О Цири? Неужели...

Да, вот истинная причина ее визита в Каэр Морхен. Пепельноволосая девочка, из которой в замке хотят сделать ведьмака. Настоящую ведьмачку. Мутантку. Машину для убийства, такую, как они сами.

«Это ясно, — подумала она вдруг, снова чувствуя возбуждение, но теперь, однако, совершенно иного рода. — Это ясно. Они собираются мутировать ребенка, подвергнуть его Испытанию Травами и Трансмутации, но не знают, с какого бока подступить. Из стариков жив один Весемир, а Весемир всего лишь учитель фехтования. Скрытая в подземельях Каэр Морхена Лаборатория, покрытые пылью бутылки с легендарными эликсирами, печи, перегонные кубы и реторты... Никто не знает, как этим пользоваться. Потому что, совершенно ясно, мутагенные эликсиры разработал в незапамятные времена какой-то чародей-ренегат, а его наследники годами совершенствовали их, годами с помощью магии контролировали процесс трансмутации, которым подвергали детей. И однажды цепь прервалась. Не хватило магических знаний и способностей. У ведьмаков есть Травы, Лаборатория. Они знают рецептуру. Но у них нет чародея...

Как знать, — думала она, — может, и пытались? Давали детям декокты, приготовленные без участия магии?»

Она вздрогнула при мысли о том, что могло твориться с теми детьми.

«А теперь, — подумала она, — собираются мутировать девочку, но не знают как. А это может означать... Это может означать, что от меня ждут

помощи. И я увижу то, чего не видел ни один ныне живущий чародей, познакомлюсь с тем, с чем ни один ныне живущий чародей не познакомился. Знаменитые травы, хранящиеся в величайшем секрете культуры вирусов, прославленные таинственные рецептуры...

И именно я поднесу пепельноволосому ребенку набор эликсиров, мне доведется наблюдать мутационные Изменения, собственными глазами видеть, как...

Как умирает пепельноволосое дитя.

О нет. — Трисс вздрогнула. — Никогда. Ни за что.

Впрочем, пожалуй, я раньше времени начинаю волноваться. Пожалуй, не в этом дело. За ужином мы беседовали, сплетничали о том о сем. Несколько раз я пыталась навести разговор на Дитя-Неожиданность. Впустую. Они тут же меняли тему.

Я наблюдала за ними. Весемир был сдержан и озабочен. Геральт неспокоен, Ламберт и Эскель неестественно веселы и болтливы, Койон естественен до неестественности. Искренна и открыта была только Цири, зарумянившаяся от мороза, растрепанная, счастливая и чертовски голодная. Они поедали похлебку с пряностями, густую от гренков и сыра, а Цири удивилась, что не подали грибков. Они пили сидр, но девочка получила воду, чем была явно удивлена и разочарована. „Где салат?“ — взвизгнула она вдруг, а Ламберт резко и укоризненно глянул на нее и велел снять локти со стола.

Грибочки и салат. В декабре?

Ясно, — подумала Трисс. — Ее кормят легендарными пещерными грибками, неизвестной науке горной растительностью, поят знаменитыми напитками из таинственных трав. Девочка развивается быстро, набирается сатанинской, ведьмачьей кондиции. Естественным путем, без мутации, без риска, без гормональной революции. Но чародейке этого знать не положено. Для чародейки это секрет. Ничего они мне не скажут, ничего не покажут.

Я видела, как эта девчушка бежит. Видела, как она с мечом пляшет на бревне, ловкая и быстрая, полная прямо-таки кошачьей грации, двигается словно акробатка. Я должна, — подумала она, — обязательно должна ее увидеть раздетой, посмотреть, как она развивается под влиянием того, чем ее здесь пичкают. А вдруг да удастся выкрасть и вывезти пробы грибочков и салата? Ну-ну...

А доверие? Чихала я на ваше доверие, ведьмаки. В мире процветают рак, черная оспа, столбняк и белокровие, есть аллергия, есть синдром неожиданной смерти новорожденных. А вы укрываете от мира ваши

грибочки, из которых, возможно, удалось бы дистиллировать спасающие жизнь лекарства. Держите в секрете даже от меня, перед которой похваляетесь дружбой, уважением и доверием. Даже я не могу увидеть не только Лабораторию, но и задрипанные грибки!

Зачем же вы меня сюда притащили? Меня, чародейку?

Магия!»

Трисс захохотала.

«Ну, — подумала она, — вот я вас и поймала, ведьмаки! Цири нагнала на вас такого же страха, как и на меня. Погрузилась в сон наяву, начала вещать, прорицать, выдавать ауру, которую вы ощущаете почти так же хорошо, как и я. Безотчетно психокинетически схватила что-то или силой воли согнула оловянную ложку, уставившись на нее за обедом. Отвечала на вопросы, которые вы задавали мысленно, а может, и на те, что вы даже в мыслях боитесь себе задавать. И вас обуял страх. Вы сообразили, что ваша Неожиданность гораздо более неожиданна, чем вы могли подумать.

Вы сообразили, что приютили в Каэр Морхене Исток.

Что без чародейки вам не управиться.

А нет ни одной дружески к вам расположенной чародейки и ни одной, которой вы могли бы довериться. Кроме меня и...

И кроме Йеннифэр».

Ветер взвыл, захлопал ставнями, вздул гобелен. Трисс Меригольд перевернулась на спину, принялась задумчиво грызть ноготь большого пальца.

«Геральт не пригласил Йеннифэр. Пригласил меня. Так, может быть... Как знать. Возможно. Но если все так, как я думаю, то почему...

Почему?..»

— Почему ты не пришел сюда, ко мне? — тихо крикнула она в темень. Возбужденно и зло.

Ей ответил ветер, завывающий в руинах.

Утро было солнечное, но чертовски холодное. Трисс проснулась замерзшая, невыспавшаяся, но успокоенная и решившаяся.

В холл она спустилась последней. С удовлетворением встретила взгляды, награждавшие ее усилия, — дорожную одежду она сменила на простое, но эффектное платье, умело воспользовалась магическими ароматизаторами и немагической, но дьявольски дорогой косметикой.

Трисс ела овсянку, перебрасываясь с ведьмаками малозначительными и банальными фразами.

— Опять вода? — вдруг заворчала Цири, заглянув в кубок. — У меня от воды зубы болят! Я хочу соку! Того, голубого!

— Не сутулься, — сказал Ламберт, краешком глаза глянув на Трисс. — И не утирайся рукавом! Кончай есть, пора на занятия. Дни все короче.

— Геральт. — Трисс покончила с овсянкой. — Вчера Цири упала на Пути. Ничего страшного, виной ее шутовская одежда. Все это подогнано отвратительно, вернее, не подогнано вовсе и мешает ей двигаться.

Весемир кашлянул, отвел глаза. «Так, — подумала чародейка, — значит, это твоя работа, Мастер меча. Факт, похоже, кафтанчик скроен мечом, а сшит наконечником стрелы».

— Дни, и верно, все короче, — начала она, не дождавшись комментариев. — Но сегодняшний мы сократим еще больше. Ты кончила, Цири? Пошли со мной. Сделаем необходимые поправки в твоём обмундировании.

— Она бежит в нём уже год, Меригольд, — зло бросил Ламберт. — И всё было в порядке, пока...

— ...пока не явилась баба, которая не может видеть немодную и плохо сидящую одежду? Ты прав, Ламберт. Но баба явилась — и порядок рухнул, пришло время великих перемен. Идем, Цири.

Девочка замялась, взглянула на Геральта. Геральт кивнул, улыбнулся. Хорошо. Так, как умел улыбаться раньше, когда...

Трисс отвела глаза. Улыбка предназначалась не ей.

Комната Цири была точной копией жилищ ведьмаков. Как и у них, здесь не было практически ничего, кроме сколоченной из досок лежанки, табурета и сундучка. Стены и двери своих жилищ ведьмаки украшали шкурами забитых на охоте зверей — оленей, рысей, даже росомех. На дверях же комнатки Цири висела шкура гигантской крысы с отвратительным чешуйчатым хвостом. Трисс поборолась в себе желание сорвать вонючую гадость и выкинуть в окно.

Девочка, стоя около лежанки, выжидающе смотрела на неё.

— Попытаемся, — сказала чародейка, — слегка подправить твой... балахон. Мне всегда удавались кройка и шитьё, думаю, управлюсь и с этой козловой шкурой. А ты, ведьмачка, когда-нибудь держала в руке иглу? Тебя

научили хоть чему-то сверх того, чтобы дырявить мечом мешки с сеном?

— Когда я была в Заречье, в Кагене, приходилось прясть, — неохотно буркнула Цири. — Шить мне не позволяли, потому что я только портила лен и напрасно тратила нитки. После меня все надо было распарывать. Ужасненько скучная эта штука — прядение, ой-ёй!

— Факт, — захохотала Трисс. — Скучнее не придумаешь. Я тоже не люблю прясть.

— А приходилось? Мне да, потому как... Но ты же чаров... Чародейка. Ты же можешь все выколдовать! А свое красивое платье... ты его... выколдовала?

— Нет, — улыбнулась Трисс. — Но и не сама сшила. Не настолько уж я способная.

— А как ты сделаешь мне одежду? Волшебством?

— Зачем? Достаточно магической иглы, которой мы с помощью заклинаний добавим немного прыти, а если понадобится...

Трисс медленно провела рукой по обведенной бахромой дырке на рукаве курточки, пробормотала заклинание, одновременно активируя амулет. От дырки не осталось и следа. Цири запищала от восторга:

— Это волшебство! Теперь у меня будет волшебная курточка! Хо!

— Пока не сошью нормальной, но приличной. Ну а теперь снимай все, девочка моя, переоденешься в другое. Надеюсь, это не единственная твоя одежда?

Цири покачала головой, приподняла крышку сундучка, показала вылинявшее просторное платье, серо-голубой кафтанчик, льняную рубашку и шерстяную блузку, напоминающую хламиду.

— Это мое, — сказала она. — В этом я сюда приехала. Но теперь не ношу. Бабы шмотки.

— Понятно, — насмешливо поморщилась Трисс. — Бабы не бабы, а пока придется надеть. Ну, живей раздевайся. Дай-ка я помогу... Ё-моё! Это что такое?

Руки девочки были покрыты огромными, налитыми кровью синяками. Многие уже пожелтели, некоторые были совсем свежими.

— Это еще что, черт возьми? — зло повторила волшебница. — Кто тебя так отделал?

— Это? — Цири глянула на руки, словно была удивлена количеством синяков. — Ах, это... Ветряк. Очень медленно работала.

— Что за ветряк? Говори толком!

— Ну ветряк, — повторила Цири, поднимая на волшебницу свои огромные глаза. — Ну такой... Ну... Я на нем учусь вывертываться при

нападении. У него такие лапы из палок, и он крутится и размахивает этими лапами. Надо очень быстро прыгать и уворачиваться. Надо вырабатывать... лефрекс. Ежели нет лефрекса, то ветряк хватает тебя палкой. Вначале этот ветряк ужасненько поколачивал. Ну а теперь-то...

— Снимай штанишки и рубаху. О боги! Дева! Как ты вообще можешь ходить? Бегать?

Оба бедра и ляжки были черно-синими от кровоподтеков и припухлостей. Цири вздрогнула и зашипела, пятась от волшебницы. Трисс выругалась по-краснолюдски. Хуже некуда.

— Тоже ветряк? — спросила она, пытаясь сохранять спокойствие.

— Это? Нет. Вот это ветряк. — Цири равнодушно указала на роскошный синяк пониже левого колена. — А эти — другие... Это маятник. На маятнике я отрабатываю шаги с мечом. Геральт говорит, что я уже в норме... На маятнике. Говорит, у меня есть это... ну... Чутье. Вот — чутье есть.

— А если не хватит чутья, — скрежетнула зубами Трисс, — тогда, полагаю, маятник тебя саданет?

— Обязательно, — поддакнула девочка, глядя на чародейку и явно насмехаясь над ее неведением. — Еще как саданет-то!

— А здесь? На боку? Это что было? Кузнечный молот?

Цири зашипела от боли и покраснела.

— С гребенки свалилась...

— ...и гребенка по тебе саданула, — dokonчила Трисс. Ей было все труднее сдерживаться.

— Ну как же гребенка может садануть, — фыркнула Цири, — если она вкопана в землю? Не может! Я просто упала. Училась делать пируэт в подскоке, и у меня не вышло. Вот и синяк. Потому что ударились о столбик.

— И лежала два дня? И дышать было трудно? Болит?

— И вовсе нет. Койон размассировал меня и снова посадил на гребенку. Так надо, понимаешь? Иначе испугаешься навсегда.

— Что-что?

— Испугаешься навсегда, — гордо повторила Цири, отбрасывая со лба пепельную челку. — Не знаешь? Даже если с тобой что-то случится, надо все равно сразу же возвращаться на снаряд, иначе станешь трусить, а если будешь трусить, то фи́га с два у тебя получится. Нельзя отказываться от тренировок. Так сказал Геральт.

— Надо будет запомнить, — процедила волшебница. — Да и то, что автор — Геральт. Недурственный рецепт на жизнь, только я не уверена, годится ли он при любых обстоятельствах. Но его довольно легко

реализовать за чужой счет. Итак, отказываться нельзя. Даже если тебя повалят на землю и примутся колотить как только могут, ты должна встать и продолжать тренировки. Иначе... фи́га с два?

— Конечно. Ведьмак не боится ничего.

— Серьезно? А ты, Цири? Тоже ничего не боишься? Отвечай честно.

Девочка отвернулась, закусил губу.

— Никому не скажешь?

— Не скажу.

— Больше всего я боюсь двух маятников. Двух сразу. И ветряка, но только когда его запускают с большой скоростью. И еще есть такая длинная жердь. На нее-то я все еще должна лазить с этим, как его, страхом... не, страховкой. Ламберт говорит, что я растяпа и недотепа, но это вовсе не так. Геральт мне сказал, что у меня немного в другом месте центр тяги... не, тяжести, потому что я девочка. Просто надо больше заниматься, разве что... Я хотела тебя о чем-то спросить. Можно?

— Можно.

— Если ты разбираешься в магии и заклинаниях... Если можешь волшебствовать... Ты можешь сделать так, чтобы я стала мальчишкой?

— Нет, — ответила Трисс ледяным голосом. — Не могу.

— Хм... — явно опечалилась юная ведьмачка. — А не можешь хотя бы...

— Хотя бы что?

— Ну не можешь ли ты сделать так, чтобы мне не приходилось... — Цири залилась румянцем. — Давай на ушко скажу.

— Говори, — наклонилась Трисс. — Слушаю.

Цири, покраснев еще сильнее, приблизила губы к каштановым волосам чародейки.

Трисс быстро выпрямилась, глаза у нее запылали.

— Сегодня? Сейчас?

— Угу.

— Затраханые мудаки! — рывкнула чародейка и пнула табурет так, что тот врезался в дверь, сбив с нее крысиную шкуру. — Зараза, мор, чума и проказа! Убью проклятых кретинов!!!

— Успокойся, Меригольд, — сказал Ламберт. — Волноваться вредно и, главное, нет причин.

— Не учи меня! И перестань называть «Меригольд»! А еще лучше, если вообще замолчишь. Я не с тобой говорю. Весемир, Геральт, кто-нибудь из вас видел, как вы отделали ребенка? У нее на теле живого местечка нет!

— Дитя, — серьезно сказал Весемир. — Не позволяй эмоциям овладеть тобой. Ты была воспитана иначе, видела, как детей воспитывают по-другому. Родина Цири — Юг, там девочек и мальчиков воспитывают совершенно одинаково, никакой разницы, как у эльфов. На пони ее посадили, когда ей было пять лет от роду, а когда стукнуло восемь — она уже ездила на охоту. Ее учили пользоваться луком, копьем и мечом. Синяки для Цири — не новость...

— Не рассказывайте мне баек, — возмутилась Трисс. — Не прикидывайтесь идиотами. Здесь — не пони, не прогулки и не катание на санках. Здесь Каэр Морхен! На ваших ветряках и маятниках, на вашей Мучильне поломали кости и свернули шеи десятки мальчиков, закаленных и испытанных жизнью бродяг, подобных вам, которых вы собирали по большакам и вытаскивали из канав. Жилистых, битых жизнью сорванцов и гуляк. А какие шансы у Цири? Даже воспитанная на Юге, даже по-эльфьему, даже такой гром-бабой, как Львица Калантэ, эта малышка по-прежнему была и остается княжной. Нежная кожа, изящное сложение, легкий костяк... Это девочка! Кого вы намерены из нее сотворить? Ведьмака?

— Эта девочка, — тихо и спокойно проговорил Геральт, — эта нежная маленькая княжна пережила бойню в Цинтре. Предоставленная самой себе, она пробралась сквозь когорты Нильфгаарда. Ухитрилась избежать рыскающих по селам мародеров, которые грабили и изничтожали все живое. Продержалась две недели в лесах Заречья, совершенно одна. Месяц бродила с кучкой беженцев, тяжело вкалывала наравне со всеми и наравне со всеми голодала. Почти полгода батрачила в деревне, когда ее приютила семья кметов. Поверь, Трисс, жизнь научила ее и закалила не хуже, чем подобных нам бродяг, собранных в Каэр Морхене с большаков и из канав. Цири не слабее подобных нам, нежеланных, незаконнорожденных, подкинутых ведьмакам в корчмах, словно котята в ивовых корзинках. А то, что она девочка... Какое это имеет значение?

— И ты еще спрашиваешь? Смеешь спрашивать? — крикнула чародейка. — Какое это имеет значение? А такое, что девочка, не будучи подобна вам, имеет свои собственные дни! И с большим трудом это переносит! А вы хотите, чтобы она выблевывала свои легкие на Мучильне и каких-то идиотских ветряках!

Хоть Трисс и была чертовски зла, но почувствовала огромное удовлетворение при виде поглупевших физиономий молодых ведьмаков и вдруг отвисшей челюсти Весемира.

— Вы даже не знали, — покачала она головой уже спокойно, но с мягким укором. — Тоже мне — опекуны! Девочка стесняется говорить об этом, потому что ее научили о таких неприятностях мужчинам не говорить. И стыдится слабости, боли, того, что она не такая ловкая, как обычно. Хоть кто-нибудь из вас подумал об этом? Заинтересовался? Попробовал догадаться, что ей мешает? А может, она впервые в жизни закровоточила у вас, здесь, в Каэр Морхене? И плакала по ночам, ни у кого не находя сочувствия, даже просто понимания? Хоть кто-нибудь из вас вообще об этом подумал?

— Прекрати, Трисс, — тихо охнул Геральт. — Достаточно. Ты добила, чего хотела. А может, и больше, чем хотела.

— Пропади все пропадом, — выругался Койон. — Хороши ж мы были, ничего не скажешь. Эх, Весемир, но ты-то...

— Замолчи, — буркнул старый ведьмак. — Ничего не говори.

Совершенно неожиданно повел себя Эскель, который встал, подошел к чародейке, низко поклонился, взял ее руку и уважительно поцеловал. Она быстро отдернула руку. Не для того чтобы продемонстрировать злобу и раздражение, а чтобы прервать приятную, пронзившую ее вибрацию, вызванную прикосновением ведьмака. Эскель эманировал сильно. Сильнее, чем Геральт.

— Трисс, — сказал он, озабоченно потирая чудовищный шрам на щеке. — Помоги нам. Просим. Помоги нам, Трисс.

Чародейка глянула ему в глаза, сжала губы.

— В чем? В чем я должна помочь, Эскель?

Эскель снова потер шрам, взглянул на Геральта. Беловолосый ведьмак наклонил голову, прикрыл глаза рукой. Весемир громко откашлялся.

В этот момент скрипнула дверь и в холл вошла Цири. Кашель Весемира перешел во что-то вроде хриплого, громкого вдоха. Ламберт раскрыл рот. Трисс сдержала смех.

Цири, подстриженная и причесанная, шла к ним мелкими шажочками, осторожно придерживая темно-голубое платице, подрезанное снизу и подогнанное по фигурке, но еще несущее на себе следы перевозки во вьюках. На шее девочки поблескивал второй презент от чародейки — черная змейка из лаковой кожи с рубиновым глазком и золотой застежкой.

Цири задержалась перед Весемиром. Не очень зная, что делать с руками, засунула большие пальцы за пояс.

— Я не могу сегодня тренироваться, — медленно и четко проговорила она в абсолютной тишине, — потому что я... я... — Она взглянула на чародейку. Трисс подмигнула ей, скорчив рожицу, как довольный озорством сорванец, пошевелила губами, подсказывая выученную причину. — Я... мне... нездоровится, — докончила Цири громко и гордо, задрав нос чуть не до бревенчатого потолка.

Весемир снова раскашлялся. Но Эскель, милый Эскель, не потерял головы и опять повел себя так, как и положено.

— Конечно, — сказал он, улыбнувшись. — Это понятно и очевидно. Мы отложим обучение до тех пор, пока ты... пока тебе не перестанет... нездоровиться. Теоретические занятия тоже сократим, а если ты почувствуешь себя плохо, то и вовсе отменим. Если тебе понадобятся медикаменты либо...

— Этим займусь я, — вмешалась Трисс, тоже улыбнувшись. Легко и свободно.

— Да... — Только теперь Цири слегка зарумянилась и взглянула на старого ведьмака. — Дядя Весемир, я попросила Трисс... То есть госпожу Меригольд, чтобы... Потому что... Ну чтобы она осталась с нами. Подольше. Долго. Но Трисс сказала, что ты должен дать на это согласие, или как-то так... Дядя Весемир! Согласись!

— Соглашаюсь... — прокашлялся Весемир. — Конечно, соглашаюсь!

— Мы ужасно рады. — Только теперь Геральт отнял руку ото лба. — Нам ужасно приятно, Трисс.

— Ужасненько, — пискнула Цири.

Чародейка слегка кивнула Цири и невинно взмахнула ресницами, накручивая на палец каштановый локон. У Геральта было каменное лицо.

— Ты очень правильно и тактично поступила, Цири, — сказал он, — предложив госпоже Меригольд подольше погостить в Каэр Морхене. Я горжусь тобой, Цири.

Цири покраснела, широко улыбнулась. Чародейка подала ей следующий условный знак.

— А теперь, господа, — сказала девочка, еще выше задирая нос, — оставляю вас одних, потому как вы наверняка желаете обсудить с Трисс различные важные проблемы. Госпожа Меригольд, дядя Весемир, милостивые государи... Я прощаюсь. Временно.

Она грациозно присела и вышла из холла, медленно и с достоинством ступая по лестнице.

— Дьявольщина, — прервал тишину Ламберт. — Подумать только, а я не верил, что она и вправду княжна.

— Поняли, обалдуи? — Весемир осмотрелся. — Если утром она натянет платице... И чтобы мне никаких тренировок... Ясно?

Эскель и Койон окинули старика взглядами, лишенными даже признаков почтения. Ламберт открыто фыркнул. Геральт смотрел на чародейку. Она улыбалась.

— Условия? — явно обеспокоился Эскель. — Трисс, мы же поклялись, что облегчим Цири тренировки. Какие тебе еще нужны условия?

— Ну условия, пожалуй, не самое удачное слово. Назовем это советами. Я дам вам три совета, и вы будете им строго следовать. Если, конечно, вам важно, чтобы я осталась и помогла воспитывать малышку.

— Слушаем, — сказал Геральт. — Говори, Трисс.

— Прежде всего, — начала она, насмешливо улыбаясь, — необходимо разнообразить меню Цири. В особенности ограничить присутствие в нем секретных грибочков и таинственной зелени.

Геральт и Койон владели собой прекрасно. Ламберт и Эскель немного хуже. Весемир не владел вообще. «Ну что ж, — подумала Трисс, глядя на его смешно обеспокоенную мину, — в его времена мир был лучше. Лицемерие считалось пороком, которого надлежало стыдиться. Искренность не осуждалась».

— Меньше отваров из малоизвестных трав, — продолжала она, стараясь сдержать смех, — а больше молока. У вас есть козы. Доеение никакое не искусство, увидишь, Ламберт, научишься мгновенно.

— Трисс, — начал Геральт, — послушай...

— Нет, ты послушай. Вы не подвергали Цири резкой мутации, не затрагивали гормонов, не пробовали эликсиры и Травы. И за это вам хвала. Это было разумно, по-человечески. Вы пока что не нанесли ей вреда ядами, тем более нельзя ее калечить теперь.

— О чем это ты?

— Грибочки, секреты которых вы так оберегаете, — пояснила она, — действительно сохраняют девочку в прекрасной форме и укрепляют мышцы. Травы гарантируют идеальный обмен веществ и ускоряют развитие. Однако все, вместе взятое, дополненное тренировками, приводит к определенным изменениям в строении тела. В жировой ткани. Цири — женщина. Если вы не калечили ее гормонально, то не калечьте физически. Когда-нибудь она может обидеться на вас за то, что вы так безжалостно

лишили ее женских... атрибутов. Вы понимаете, о чем я?

— А как же, — буркнул Ламберт, бесстыже рассматривая бюст Трисс, натягивающий ткань платья. Эскель кашлянул и испепелил юного ведьмака взглядом.

— Пока что, — медленно проговорил Геральт, тоже стрельнув глазами, — ты, надеюсь, не обнаружила в ней ничего необратимого?

— Нет, — улыбнулась она. — К счастью, нет. Она развивается нормальной и здоровой, сложена как юная дриада, приятно смотреть. Но, пожалуйста, соблюдайте умеренность в использовании ускорителей.

— Будем соблюдать, — пообещал Весемир. — Благодарим за предупреждение, дитя. Что еще? Ты говорила о трех... советах.

— Именно. Вот второй: нельзя допустить, чтобы Цири здесь одичала. Ей необходим контакт с миром. С ровесниками. Она должна получить приличное образование и подготовиться к нормальной жизни. Пока пусть себе размахивает мечом. Без мутации ведьмачка из нее все равно не получится, но ведьмачья тренировка ей не повредит. Времена сейчас трудные и опасные, сумеет защититься, если понадобится. Как эльфка. Но вы не имеете права похоронить ее тут, в вашей глухомани. Она должна приобщиться к нормальной жизни.

— Ее нормальная жизнь сгорела вместе с Цинтрой, — проворчал Геральт. — Однако, Трисс, ты, как всегда, права. Мы уже думали об этом. Придет весна, отвезу ее в храмовую школу к Нэннеке, в Элландер.

— Очень удачная мысль и мудрое решение. Нэннеке — исключительная женщина, а храм богини Мелитэле — исключительное место. Безопасное, верное, гарантирующее необходимое девочке воспитание. Цири знает?

— Знает. Скандалила несколько дней, но в конце концов приняла к сведению. Сейчас даже с нетерпением ждет весны, ее подбадривает перспектива поездки в Темерию. Интересует окружающий мир.

— Как и меня в ее возрасте, — улыбнулась Трисс. — И это сравнение опасно приближает нас к третьему совету. Самому важному. И вы знаете какому. Не делайте глупых мин. Я — чародейка, забыли? Не знаю, сколько времени вам потребовалось на то, чтобы распознать магические способности Цири. Мне — не больше получаса, и я уже поняла, кого, вернее, что представляет собою девочка.

— И что же?

— Исток!

— Невероятно!

— Вероятно! Даже наверняка. Цири — Исток, у нее медиумические

способности. Больше того, эти способности вызывают опасение. Только и исключительно поэтому вы притащили меня в Каэр Морхен, верно? Я права? Только и исключительно поэтому?

— Да, — после недолгого молчания подтвердил Весемир.

Трисс незаметно с облегчением вздохнула. Она опасалась, что подтвердит Геральт.

Назавтра выпал первый снег. Вначале слабый, он вскоре перешел в метель. Шел всю ночь, а наутро стены Каэр Морхена утонули в заносах. О том, чтобы бегать по Мучильне, нечего было и думать, тем более что Цири все еще чувствовала себя неважно. Трисс подозревала, что ведьмачьи ускорители могли быть причиной менструальных нарушений. Однако уверенности не было, об этих снадобьях она практически не знала ничего, а Цири, несомненно, была единственной девочкой на свете, которой таковые давали. Ведьмакам она о своих подозрениях не сказала. Не хотела огорчать и тревожить, предпочитала использовать собственные методы. Напоила Цири эликсирами, повязала ей на талии под платьем шнурок активных яшм и запретила производить какие-либо усилия, в особенности же дико гоняться с мечом за крысами.

Цири скучала, сонно бродила по замку, наконец из-за отсутствия других развлечений присоединилась к Койону, занимавшемуся уборкой конюшни, чисткой и ремонтом упряжи.

Геральт, что вызвало бешенство чародейки, где-то пропал и появился лишь под вечер, притащив подстреленную косулю. Трисс помогла ему разделать добычу. Хотя страшно брезговала запахом мяса и крови, но хотела быть рядом с ведьмаком. Рядом. Как можно ближе. В ней набирала силу холодная, ожесточенная решимость. Она не желала больше спать одна.

— Трисс! — неожиданно крикнула Цири, с топотом сбегая по лестнице. — Можно я сегодня лягу у тебя? Трисс, я тебя прошу, ну разреши! Прощу тебя, Трисс!

Снег падал и падал. Посветлело лишь, когда наступил Midinvaern — День Зимнего Солнцестояния. МидинваэРН.

Глава 3

На третий день умерли все дети, кроме одного отрока годов едва десяти. Он, мучимый бурным безумием, вдруг впал в глубокое беспамятство. Очи его стали аки стекло, он непрестанно хватал руками покрывало либо водил ими в воздухе, как бы желаючи ухватить перо пишущее. Дыхание стало громким и хриплым, пот холодный, липучий и смердящий выступил на коже. Тогда снова ввели ему эликсир в жилы, и приступ повторился. На сей раз начался из носа кровоток, а кашель перешел во рвоту, после коей отрок совсем светил и обессилел.

Признаки таковые не смягчали два дни. Кожа отрока, прежде залитая потом, сухой стала и горячее, пульс утратил полноту и жесткость, был, однако же, довольно сильным, скорее медлительным, нежели быстрым. Ни единого разу отрок сей уж не приходил в себя и не кричал боле.

Наконец настал день седьмой. Отрок очнулся как бы ото сна и отверст очи, а очи его были како у змеи...

Карла Деметия Крест. «Испытание Травами и иные тайные ведьмаков практики, собственными глазами наблюдавшиеся».
Манускрипт исключительно для ознакомления
Капитула Чародеев

— Ваши опасения были необоснованными, совершенно беспочвенными, — поморщилась Трисс, опершись локтями о стол. — Миновали времена, когда волшебники охотились за Истоками и магически одаренными детьми, силой, а то и обманом вырывали их из рук родителей или опекунов. Вы что, серьезно считали, что мне захочется отнять у вас Цири?

Ламберт фыркнул и отвернулся. Эскель и Весемир глянули на Геральта, но тот молчал. Он смотрел в сторону, все время поигрывая своим серебряным медальоном ведьмака — головой волка, ощерившего клыки.

Трисс знала, что медальон реагирует на магию. В такую ночь, как Мидинваэрн, когда воздух прямо-таки вибрирует от магии, медальоны ведьмаков должны дрожать не переставая, раздражать и беспокоить.

— Нет, детка, — наконец проговорил Весемир. — Знаем, ты бы этого не сделала. Но знаем и то, что ты обязана сообщить о ней Капитулу. Давным-давно известно, что это входит в обязанности каждого чародея и чародейки. Да, вы наблюдаете за такими детьми, чтобы потом в подходящий момент соблазнить их магией, склонить...

— Успокойтесь, — холодно прервала она. — Я не скажу о Цири никому. Капитулу тоже... Что вы так смотрите?

— Удивлены легкостью, с которой ты обещаешь хранить тайну, — спокойно сказал Эскель. — Прости, Трисс, не хотелось бы тебя обижать, но куда подевалась ваша легендарная лояльность по отношению к Совету и Капитулу?

— Многое произошло. Война многое изменила. А битва за Содден и того больше. Не хочу утомлять вас политикой, но некоторые проблемы и вопросы, простите, вообще секретны, и я не имею права их раскрывать. Что же касается лояльности... Я лояльна. Но можете поверить, в этом деле я могу быть лояльной по отношению и к Капитулу, и к вам.

— Такая двойная лояльность, — впервые за вечер Геральт посмотрел ей в глаза, — чертовски трудная штука. Она редко кому удается, Трисс...

Чародейка взглянула на Цири. Девочка с Койоном сидели на медвежьей шкуре в дальнем углу холла и играли в ладушки. Игра была однообразной, оба были одинаково ловкими, ни один не мог прихлопнуть руку другого. Однако им это явно не мешало и не портило забавы.

— Геральт, — сказала Трисс. — Найдя Цири там, над Яругой, ты забрал ее с собой. Привез в Каэр Морхен, спрятал от мира, не хочешь, чтобы даже близкие ребенку люди знали, что она жива. Что-то мне неизвестное заставило тебя поверить в существование Предназначения, в то, что мы находимся в его власти и оно руководит нами во всех наших поступках. Я тоже так считаю, всегда так считала. Ежели Предназначение пожелает, чтобы Цири стала волшебницей, она ею станет. Ни Капитул, ни Совет не должны о ней знать, не должны за ней наблюдать либо уговаривать ее. Сохранив ваш секрет, я вовсе не предам Капитула. Но, как вы сами понимаете, есть тут одна загвоздка.

— Если б одна, — вздохнул Весемир. — Говори, дитя мое.

— У девочки магические способности, и ими нельзя пренебрегать. Это чревато...

— Чем?

— Неконтролируемые способности опасны. Для Истока и для окружения. Окружению Исток может угрожать по-всякому. Себе — только одним: болезнью мозга. Чаще всего — кататонией.

— Тысяча дьяволов! — после долгого молчания проговорил Ламберт. — Вот слушаю я вас и думаю: кто-то тут уже явно тронулся умом, того и гляди, начнет угрожать окружающим. Предназначение, Истоки, чудеса, невидимки... Ты не перебарщиваешь, Меригольд? Она что, первый ребенок, которого приволокли в Замок? Никакого Предназначения Геральт не нашел, просто отыскал очередного осиротевшего и бездомного ребенка. Мы научим ее пользоваться мечом и выпустим в мир, как множество других. Согласен, никогда раньше нам не доводилось тренировать в Каэр Морхене девочек. Были у нас с Цири проблемы, мы совершали ошибки, и хорошо, что ты нам на них указала. Но не переусердствуй. Она не так уж неповторима, чтобы падать пред ней на колени и воздевать очи горе. Мало, что ли, кружит по миру баб-воительниц? Уверяю тебя, Меригольд, Цири выйдет отсюда ловкой и здоровой, сильной и способной управляться с житейскими невзгодами. И, ручаюсь, без всяких там кататоний и других падучих. Если, конечно, ты не внушишь ей чего-нибудь такого.

— Весемир, — Трисс повернулась в кресле, — вели ему замолкнуть, он мешает.

— Мудришь, — спокойно сказал Ламберт, — а ведь еще не обо всем знаешь. Гляди.

Он протянул руку к камину, странно сложив пальцы. В камине загудело и завыло, пламя вскипело, поленья раскалились, взорвались искрами. Геральт, Весемир и Эскейль беспокойно посмотрели на Цири, но девочка не обратила внимания на эффектный фейерверк.

Трисс скрестила руки на груди, вызывающе глянула на Ламберта.

— Знак Аард? Хотел меня удивить? Таким же знаком, утроенным концентрацией, усилием воли и заклинанием, я могу мгновенно выкинуть поленья из камина, да так высоко, что тебе они покажутся звездами.

— Ты-то можешь, — согласился он. — А вот Цири — нет. Она не в состоянии сложить знак Аард. И вообще никакой знак сложить не в состоянии. Пробовала сотни раз, и... ничего. А ты прекрасно знаешь, что для наших Знаков требуется минимум способностей. Получается, что у Цири нет даже их. Она совершенно нормальный ребенок. У нее нет и признака магических возможностей, она типичный антиталант. А ты нам плетешь сказки об Истоке, пытаешься напугать...

— Исток, — холодно объяснила Трисс, — не контролирует своих умений, они ей не подчиняются. Она — медиум, что-то вроде посредника.

Бессознательно контактирует с энергией, бессознательно ее преобразует. А когда пытается взять под контроль, когда прикладывает усилия, как, например, при попытках сложить Знаки, у нее ничего не выходит. И не выйдет не только после сотни, но и после тысячи попыток. Это типично для Истока. Но вот наступает момент, когда Исток не прилагает усилий, не напрягается, сидит себе спокойненько, размышляет о манной кашке либо о колбасе с капустой, играет в кости, «любит» с кем-то в постели, ковыряет в носу... и вдруг что-то происходит. Например, пламя охватывает дом или вспыхивает полгорода.

— Преувеличиваешь, Меригольд.

— Ламберт, — Геральт отпустил медальон, положил руки на стол, — во-первых, не называй Трисс «Меригольд», она не раз просила тебя. Во-вторых, Трисс не преувеличивает. Я собственными глазами видел в деле Цирину мамочку, принцессу Паветту. Поверьте, было на что посмотреть. Не знаю, была ли она Истоком, но никто и не подозревал о ее способностях, пока она чуть было не развалила королевский замок в Цинтре.

— Выходит, надо согласиться, — сказал Эскедь, зажигая свечи в очередном подсвечнике, — что у Цири это вполне может быть наследственным.

— Не только может быть, — сказал Весемир, — а определенно есть. С одной стороны, Ламберт прав. Цири не способна складывать Знаки. С другой... Все мы видели...

Он замолчал, глянул на Цири, которая радостным писком отмечала только что одержанную победу. Трисс видела улыбку на лице Койона и не сомневалась, что тот просто поддался.

— Именно, — насмешливо сказала она. — Видели. Что вы видели? При каких обстоятельствах? А вам не кажется, парни, что пришло время поговорить откровенно? Черт побери, повторяю, я сохраню тайну. Слово даю.

Ламберт взглянул на Геральта. Геральт утвердительно кивнул. Молодой ведьмак встал, снял с высокой полки большой квадратный хрустальный графин и небольшой флакончик. Перелил содержимое флакончика в графин, встряхнул, разлил прозрачную жидкость по стоящим на столе кубкам.

— Выпей с нами, Трисс.

— Неужто ваша тайна и впрямь настолько страшна, — съехидничала чародейка, — что на трезвую голову о ней говорить нельзя, обязательно надо сначала надраться?

— Не умничай. Глотни. Легче поймешь.

— А что это?

— «Белая Чайка».

— Что?

— Легкое снадобье, — улыбнулся Эскель, — для приятных сновидений.

— Черт возьми! Ведьмачий галлюциноген? Так вот почему у вас вечерами блестят глаза!

— «Белая Чайка» — мягкое средство. Галлюциногены содержит «Черная».

— Если в напитке есть магия, мне нельзя его брать в рот!

— Исключительно натуральные составляющие, — успокоил Геральт, но при этом мина у него была сконфуженная. Он явно опасался расспросов о составе эликсира. — К тому же разбавлены большим количеством воды. Мы б не стали предлагать что-то такое, что может навредить.

Игристая жидкость со странным вкусом обожгла холодом глотку, разлилась теплом по телу. Чародейка провела языком по деснам и нёбу. Но не смогла распознать ни одного составляющего элемента.

— Вы дали Цири выпить этой... «Чайки»? — догадалась она. — И тогда...

— Чистая случайность, — прервал ее Геральт. — В первый вечер, сразу по приезде... Она хотела пить. Бокал «Чайки» стоял на столе. Мы не успели оглянуться, как она выпила одним духом. И впала в транс.

— Набрались мы страха, — признался Весемир и вздохнул. — Ох, набрались, девочка. По горлышко.

— Она заговорила не своим голосом, — спокойно сказала Трисс, глядя ведьмакам в глаза, отражавшие огоньки свечей. — Начала говорить о том, чего знать не могла. Начала... пророчествовать. Верно? Что она говорила?

— Глупости, — сухо сказал Ламберт. — Бессмысленный бред.

— Не сомневаюсь, что вы тогда прекрасно поняли друг друга. Бред — твоя стихия, убеждаюсь всякий раз, стоит тебе раскрыть рот. Окажи любезность, не раскрывай его некоторое время. Лады?

— На этот раз, Трисс, — серьезно сказал Эскель, потирая шрам на щеке, — Ламберт прав. Глотнув «Чайки», Цири действительно заговорила так, что мы ничего не сумели понять. Тогда, в первый раз, это была полная белиберда. Только после...

Он осекся. Трисс догадливо покрутила головой.

— Только во второй раз она заговорила осмысленно. Стало быть, был и второй. Тоже после наркотика, который хлебнула по вашей

неосмотрительности?

— Трисс, — поднял голову Геральт. — Сейчас не до шуток. Нас это не забавляет. Нас это тревожит и беспокоит. Да, был и второй раз. Цири довольно неудачно упала во время тренировки. Потеряла сознание. Когда пришла в себя, снова погрузилась в транс. И опять несла чепуху. И снова голос был не ее. И снова все было непонятно. Но я уже слышал подобные голоса, подобный характер речи. Так говорят несчастные, хворые, душевнобольные женщины, которых называют оракулами. Понимаешь, что я имею в виду?

— Полностью. Это во второй раз. Переходим к третьему.

Геральт вытер лоб, вдруг покрывшийся испариной.

— Цири часто просыпается среди ночи, — начал он. — С криком. Она многое пережила. Она не хочет об этом говорить, но, несомненно, видела в Цинтре и Ангрене такое, что ребенку видеть не положено. Я даже опасаясь, что... кто-то ее... обидел. И это возвращается в снах. Обычно ее легко успокоить, она засыпает без труда... Но однажды, проснувшись, она снова впала в транс. Опять заговорила чужим, неприятным... злым голосом. Говорила четко и осмысленно. Пророчествовала, прорицала. И напороочила нам...

— Что? Что, Геральт?

— Смерть, — мягко сказал Весемир. — Смерть, дитя мое.

Трисс взглянула на Цири, пискливо упрекавшую Койона в обмане. Койон обнял ее, рассмеялся. Чародейка вдруг поняла, что никогда, никогда раньше не слышала, чтобы ведьмаки смеялись.

— Кому? — быстро спросила она, глядя на Койона.

— Ему, — сказал Весемир.

— И мне, — добавил Геральт. И улыбнулся.

— А когда проснулась...

— Ничего не помнила. А мы не расспрашивали.

— И правильно сделали. Теперь о пророчестве. Оно было конкретным, детальным?

— Нет, — глянул ей прямо в глаза Геральт. — Путаным. Не спрашивай об этом, Трисс. Нас печалит не содержание ворожбы и бреда Цири, а лишь то, что с ней творится. Мы боимся не за себя, а за...

— Осторожнее, — бросил Весемир. — Не говори об этом при ней.

Койон подошел к столу, таща девочку на закорках.

— Пожелай всем спокойной ночи. Полночь близко. Вот-вот кончится Мидинваэрн. С завтрашнего утра весна ближе с каждым днем!

— Пить хочется. — Цири слезла с закорок, потянулась к кубку Эскеля.

Ведьмак ловко отодвинул кубок, схватил кувшин с водой. Трисс быстро поднялась.

— Прошу, — подала она девочке свой наполовину полный кубок, одновременно многозначительно сжав руку Геральту и глядя в глаза Весемиру. — Пей.

— Трисс, — шепнул Эскеель, видя, как Цири захлеб пьет. — Что ты делаешь? Это же...

— Помолчи, пожалуйста.

Ждать почти не пришлось. Цири вдруг напряглась, тихо крикнула, улыбнулась широкой, счастливой улыбкой. Зажмурилась, раскинула руки. Засмеялась, закружилась, затанцевала на цыпочках. Ламберт молниеносно отбросил стоявший на дороге табурет, Койон встал между танцующей девочкой и огнем камина.

Трисс вскочила, вырвала из-за декольте амулет — оправленный в серебро сапфир на тонкой цепочке. Крепко зажала его в кулаке.

— Дитя, — простонал Весемир, — что ты делаешь?

— Я знаю, что делаю, — сказала она резко. — Девочка впала в транс, а я установлю с ней психический контакт. Войду в нее. Я вам говорила, что она представляет собою что-то вроде магического посредника, передатчика, я должна знать, что она передает, как и откуда черпает ауру, как ее преобразовывает. Сегодня Мидинваэрн, удачная ночь для такого мероприятия...

— Не нравится мне это, — нахмурился Геральт. — Совсем не нравится.

— Если у одной из нас случится эпилептический припадок, — отмахнулась от него чародейка, — знаете, как поступить. Прутик в зубы, поддержать, переждать. Головы выше, ребята. Мне доводилось делать такое не раз.

Цири перестала плясать, села на пол, вытянула руки, опустила голову на колени. Трисс прижала к виску уже теплый амулет, прошептала формулу заклинания. Закрыла глаза, сосредоточилась, выслала импульс.

Море зашумело, волны с грохотом ударили в скалистый берег, высокими гейзерами взвились меж камней. Она махнула крыльями, ловя соленый ветер. Невероятно счастливая, спикировала, догнала стаю подружек, задела коготками хребты волн, снова взмыла в небо, роняя

капли, стала планировать, носимая вихрем, шумящим в маховых и правильных перьях. Сила внушения, подумала она трезво. Всего лишь сила внушения. Чайка!

Триисс! Триисс!
Цири! Где ты?
Триисс!

Чайки умолкли. Правда, чародейка еще чувствовала на лице мокрые брызги белых грив, но под ней уже не было моря. Вернее, было, но это было море трав, бескрайняя, уходящая за горизонт равнина. Трисс с ужасом поняла, что перед ней раскинулась степь, окружающая вершину Холма под Содденом. Но нет, это был не Холм. Это не мог быть Холм.

Небо вдруг потемнело, вокруг за клубились тени. Трисс видела длинную цепь размытых фигур, медленно спускающихся по склону. Слышала набегающие друг на друга шепотки, складывающиеся в непонятный, волнующий хор.

Цири стояла рядом, повернувшись спиной. Ветер развеивал ее пепельные волосы.

Туманные, нечеткие фигуры шли и шли бесконечной, долгой чередой. Проходя мимо, они поворачивали головы. Трисс придушила крик, глядя на равнодушные, спокойные, бесстрастные лица, на невидящие, мертвые глаза. Большинство лиц она не знала, не узнавала. Но некоторые — да.

Коралл. Ваньелла. Йойоль, Рябой Алекс...

— Зачем ты меня сюда привела? — шепнула она. — Зачем?

Цири повернулась. Подняла руку, и чародейка увидела струйку крови, стекающую по линии жизни с ладони на сустав.

— Это роза, — спокойно сказала девочка. — Роза из Шаэрраведда. Я укололась. Ничего страшного. Всего лишь кровь. Кровь эльфов...

Небо потемнело еще больше, а спустя мгновение разгорелось резкими, слепящими стрелами молний. Все замерло в тишине и неподвижности. Трисс остановилась рядом с Цири и увидела, что они стоят на краю бездонной пропасти, в которой клубится красноватый, как бы подсвеченный дым. Вспышка очередной беззвучной молнии выхватила из тьмы ведущую в глубь пропасти длинную мраморную лестницу.

— Так надо, — дрожащим голосом произнесла Цири. — Другого пути нет. Только этот. По лестнице вниз. Так надо, потому что, потому что...
Va'esse deireadh aep eigean...

— Говори, — шепнула волшебница. — Говори, дитя.

— Дитя Старшей Крови... Feainnewedd... Luned aep Hen Ichaer... Deithwen... Белое Пламя... Нет, нет... Нет!

— Цири!

— Черный рыцарь... с перьями на шлеме... Что он мне сделал? Что тогда случилось? Я боялась... Я все еще боюсь. Это не кончилось, это никогда не кончится. Львенок должен умереть... Этого требуют интересы... Нет... Нет...

— Цири!

— Нет! — Девочка напряглась, крепко зажмурилась. — Нет, нет, не хочу! Не прикасайся ко мне!

Выражение ее лица резко изменилось, оно застыло, голос стал металлическим, холодным и враждебным, в нем зазвучала злая, жестокая насмешка:

— Ты явилась даже сюда, Трисс Меригольд? Даже сюда? Ты зашла слишком далеко, Четырнадцатая. Я тебя предостерегал.

— Кто ты? — вздрогнула Трисс. Но голос не выдал ее волнения.

— Узнаешь в свое время.

— Я узнаю сейчас!

Чародейка подняла руки, резко раскинула их, вложив все свои силы в Волшебство опознания. Магическая завеса разорвалась, но за ней была вторая, третья... четвертая...

Трисс со стоном опустилась на колени. А реальность продолжала разрываться, раскрывались двери за дверями, длинный, бесконечный ряд дверей, ведущих в никуда. В пустоту.

— Ты ошиблась, Четырнадцатая, — проговорил насмешливый металлический голос. — Ты перепутала небо со звездами, отраженными ночью в поверхности пруда.

— Не прикасайся... Не прикасайся к этому ребенку!

— Она не ребенок.

Губы Цири пошевелились, но Трисс видела, что глаза ее по-прежнему мертвые, стеклянные, отсутствующие.

— Она не ребенок, — повторил голос. — Она — Пламя, Белое Пламя, от которого займется и сгорит мир. Это Старшая Кровь, Hen Ichaer. Кровь эльфов. Зерно, которое не прорастет, не проклянется, но полыхнет пламенем. Кровь, которая будет осквернена... Когда придет Tedd Deireadh, Час Конца. Va'esse deireadh aep eigan!

— Ты предвещаешь смерть? — крикнула Трисс. — Только это ты и умеешь — предвещать смерть? Всем? Им, ей... Мне?

— Тебе? Ты уже мертва, Четырнадцатая. В тебе все уже умерло.

— Могуществом Высших Сфер, — простонала чародейка, собирая остатки сил и вода рукой в воздухе. — Водой, огнем, землей и воздухом заклинаю тебя. Заклинаю мыслью, сном и смертью, тем, что было, что есть и что будет! Заклинаю тебя. Кто ты? Говори!

Цири отвернулась. Ведущие в глубь пропасти ступени исчезли, растворились, на их месте возникло серое свинцовое море, пенящееся, вздыбленное ломкими хребтами волн. В тишину снова ворвался крик чаек.

— Лети, — проговорил голос устами девочки. — Пора. Возвращайся, откуда пришла, Четырнадцатая с Холма. Лети на крыльях чайки и слушай крики других чаек. Слушай внимательно!

— Заклинаю тебя...

— Ты не можешь. Лети, чайка!

И неожиданно вновь возник свистящий вихрь, влажный и соленый ветер, и был полет, полет без конца и начала. Дико кричали чайки. Кричали и повелевали.

Трисс?

Цири?

Забудь о нем! Не мучай его... Трисс!

Забудь!

Трисс! Трисс! Триииисс!

— Трисс!

Она открыла глаза, откинула голову на подушку, пошевелила онемевшими руками.

— Геральт?

— Я здесь, с тобой. Как ты себя чувствуешь?

Трисс осмотрелась. Она лежала на кровати в своей комнате. На лучшей кровати во всем Каэр Морхене.

— Что с Цири?

— Она спит.

— Как долго...

— Слишком долго, — прервал он, накрыл ее одеялом, обнял. Когда наклонялся, медальон с волчьей мордой замаячил у нее перед глазами. — Ты поступила не лучшим образом, Трисс.

— Все в порядке. — Она вздрогнула в его объятиях и тут же подумала:

«Все вовсе не в порядке». Потом повернула голову так, чтобы медальон не прикасался к лицу. Теорий о свойствах ведьмачьих амулетов было множество, но ни одна не советовала чародейкам прикасаться к ним в дни и ночи Солнцестояний.

— Мы... Мы что-нибудь говорили в трансе?

— Ты — нет. Все время была без сознания. Цири... прежде чем проснуться... сказала: *Va'esse deireadh aep eigeap...*

— Она знает Старшую Речь.

— Не настолько, чтобы построить полную фразу...

— ...означающую «Что-то кончается». — Чародейка провела по лицу рукой. — Геральт, все очень серьезно. Девочка — невероятно мощный медиум. Не знаю, с чем и с кем она контактирует, но думаю, для нее не существует пределов контакта. Что-то хочет овладеть ею. Что-то... что для меня чересчур могущественно. Я боюсь за нее. Очередной транс... может кончиться психическим срывом. Я не могу этого осилить, не умею овладеть, не смогу... В случае нужды я не смогла бы заблокировать, приглушить ее способности, не сумела бы постоянно их гасить, если б потребовалось. Ты должен воспользоваться помощью... другой чародейки. Более способной. Более опытной. Ты знаешь, о ком я.

— Знаю. — Он отвернулся, поджал губы.

— Не упрямься. Не сопротивляйся. Я догадываюсь, почему ты обратился не к ней, а ко мне. Перебори гордыню, перебори обиду и ожесточение. Это бессмысленно. Ты измучаешься. К тому же ты рискуешь здоровьем и жизнью Цири. То, что скорее всего произойдет с ней в очередном трансе, может оказаться хуже испытания Травами. Обратись за помощью к Йеннифэр, Геральт.

— А ты, Трисс?

— Что я? — Она с трудом сглотнула. — Я не в счет. Я подвела тебя. Подвела во всем. Я была... была твоей ошибкой. Ничем больше.

— Ошибки, — медленно проговорил он, — тоже зачисляются на мой счет. Я не вымарываю их из жизни и из памяти. И никогда не ищу виновных. Ты многое значила для меня и всегда будешь значить. Ты никогда не подводила меня, не разочаровывала. Никогда. Поверь.

Она долго молчала, наконец сказала, сдерживая дрожь в голосе:

— Я останусь до весны. Буду рядом с Цири... Буду присматривать за ней. Днем и ночью. Я буду с ней днем и ночью. А весной... Весной мы отвезем ее в Элландер в храм Мелитэле. Возможно, то, что хочет взять над нею власть, не сможет подступиться к ней в храме. И тогда ты обратишься за помощью к Йеннифэр.

— Хорошо, Трисс. Благодарю тебя.
— Геральт...
— Слушаю.
— Цири сказала что-то еще, верно? Что-то такое, что слышал только ты. Что?
— Нет, — возразил он, и голос у него дрогнул. — Нет, Трисс.
— Прошу тебя.
— Она обращалась не ко мне.
— Знаю. Ко мне. Скажи, прошу.
— Уже когда проснулась... Когда я ее поднял... Она прошептала: «Забудь о нем. Не мучай его».
— Не буду, — сказала Трисс тихо. — Но забыть не могу. Прости.
— Это я должен просить у тебя прощения. И не только у тебя.
— Ты так сильно любишь. — Она не спросила, сказала.
— Да, — вполголоса признался он после долгого молчания.
— Геральт...
— Слушаю, Трисс.
— Побудь эту ночь со мной.
— Трисс...
— Только побудь.
— Хорошо.

Вскоре после Мидинваэрна снег перестал. Ударили морозы. Трисс не оставляла Цири одну ни днем, ни ночью. Все время была настороже. Девочка почти каждую ночь просыпалась с криком. Бредила, плакала. Чародейка успокаивала ее заклинаниями и эликсирами, усыпляла, обнимая и покачивая на руках. А потом долго не могла уснуть сама, размышляя о сказанном Цири во сне и после пробуждения. И чувствовала все возрастающий страх. *Va'esse deireadh aep eígean*. Что-то кончается... Так продолжалось десять дней и ночей. И неожиданно прошло. Кончилось, исчезло бесследно. Цири успокоилась, спала спокойно, без сновидений, без бреда. Но Трисс неустанно присматривала за ней. Не отходила от девочки ни на шаг. Все время была настороже.

— Быстрее, Цири! Шаг вперед, отскок! Полупируэт, удар, отскок! Удерживай равновесие левой рукой, иначе свалишься с гребня! И побьешь себе... женские атрибуты!

— Что?

— Ничего. Не устала? Если хочешь, передохнем.

— Нет, Ламберт! Могу еще. Я не такая слабая, не думай. Может, попробовать скакать через каждый второй столбик?

— И не мечтай! Упадешь, тогда Меригольд оторвет мне... э... голову!

— Не упаду!

— Я сказал, повторять не буду. Без фокусов! Больше показывать не стану! Тверже ноги! И дыхание, Цири, дыхание! Сопишь, словно подышающий мамонт!

— Неправда!

— Не пищи! Работай! Нападение, отскок! Выпад! Полуповорот! Выпад! Полный оборот! Увереннее на столбиках, черт побери! Не качайся! Шаг вперед, удар! Быстрее! Полуоборот! Прыгай и... коли! Вот так! Очень хорошо!

— Правда? Правда было хорошо, Ламберт?

— Кто это сказал?

— Ты! Только что.

— Оговорился. Выпад! Полуоборот! Отскок! И еще раз! Цири, а где защита? Сколько раз можно повторять? После отскока всегда должна быть защита, выброс клинка, прикрывающий голову и шею. Всегда!

— Даже если дерусь с одним противником?

— Никогда не знаешь, с кем дерешься! Никогда не знаешь, что позади, за тобой. Заслоняться надо всегда. Работай ногами и мечом. Необходимо выработать абсолютный рефлекс. Рефлекс, понимаешь? Об этом нельзя забывать. Забудешь в настоящем бою — и тебе крышка. Еще раз! Ну! Вот так! Видишь, как здорово получилось с таким выпадом? Таким фортеlem ты можешь отразить любой удар и наносить сама. Можешь бить назад, если понадобится. Ну покажи пируэт и удар назад.

— Ххаа-а!

— Очень хорошо. Понимаешь, в чем вся штука? Дошло?

— Я не дуручка!

— Ты девочка! Все девочки... без понятия.

— Эх, Ламберт, если б тебя слышала Трисс!

— Если бы да кабы во рту выросли бобы, то был бы не рот, а целый огород. Ну достаточно.

— Я не устала.

— А я устал. Сказал, отдых. Слезай с гребня.

— Сальто?

— А ты как хотела бы? Как курица с насеста? Давай прыгай. Не бойся, я подстрахую.

— Ххаа-а!

— Ловко. Для девчонки очень даже хорошо. Можешь снять повязку с глаз.

— Трисс, может, на сегодня довольно? А? Давай возьмем санки и покатаемся с горки? Солнце светит, снег искрится, аж глазам больно! Прекрасная погода!

— Не высовывайся, вывалишься из окна.

— Пойдем за санками, Трисс! Ну Трисс!

— Скажи это Старшей Речью. Урок окончен. Отойди от окна, возвращайся к столу... Цири, сколько раз можно просить? Перестань размахивать мечом. Положи.

— Это мой новый меч! Настоящий, ведьмачий! Из стали, которая упала с неба! Правда-правда! Так сказал Геральт, а он никогда не лжет, ты же знаешь!

— О да. Знаю.

— Мне надо к этому мечу привыкнуть. Дядя Весемир подогнал его как раз к моему весу, росту и длине руки. Я должна приучить к нему кисть и запястье.

— Приучай себе на здоровье, только во дворе. Не здесь. Ну слушаю. Кажется, ты собиралась предложить мне покататься на санках. Старшей Речью. Ну предлагай.

— Хм... Как будет «санки»?

— Sledd — как предмет. Aesledde — как действие.

— Ага. Понятно. Va'en aesledde ell'ea?

— Так вопрос заканчивать нельзя. Это невежливая форма. Вопрос подчеркивают интонацией.

— Но дети с Островов...

— Ты изучаешь не скеллигский жаргон, а классическую Старшую

Речь.

— А к чему она мне, эта Речь?

— К тому, чтобы ее знать. Полезно научиться тому, чего еще не знаешь. Кто не знает языков — тот калека.

— Все равно все разговаривают на всеобщем!

— Верно. Но некоторые — не только на нем. Уверяю тебя, Цири, лучше причислять себя к некоторым, чем ко всем. Ну слушаю. Итак, полная фраза: «Погода у нас сегодня прекрасная, поэтому пойдем кататься на санках».

— Elaine... Хм... Elaine tedd a'taeghane, a va'en aesledde.

— Прекрасно!

— Ха! Ну пошли кататься.

— Пошли. Но позволь мне докончить макияж.

— Для кого это ты так размалевываешься, а?

— Для себя. Женщина подчеркивает красоту ради улучшения самочувствия.

— Хм... Знаешь что? Я тоже скверно себя чувствую. Не смейся, Трисс!

— Иди сюда. Садись ко мне на колени. Отложи меч, я же просила! Спасибо. Теперь возьми вон ту большую кисточку, попудри лицо. Не так сильно, дева, не так сильно! Глянь в зеркало. Видишь, какая ты красивая?

— Не вижу никакой разницы. Я подкрашу себе глаза, хорошо? Почему ты смеешься? Ты же всегда красишь глаза. Я тоже хочу.

— Хорошо. Давай наложи вот эти тени на веки. Не зажмуривайся, ты же ничего не видишь, размазываешь по всей мордашке. Возьми немного и только чуточку махни по векам. Махни, говорю! Дай-ка я разотру. Закрой глаза. А теперь открой.

— О-о-о!

— Чувствуешь разницу? Чуточку теней не помешает даже таким красивым глазкам, как твои. Эльфки знали, что делали, когда придумывали тени для век.

— Эльфки?

— Ты не знала? Макияж — изобретение эльфов. Мы много полезного позаимствовали у Старшего Народа. Чертовски мало дав им взамен. Теперь возьми мелок, тоненько обведи верхнее веко, у самых ресниц. Цири, что ты делаешь?

— Не смейся. У меня же веко дрожит!

— Немножко раскрой рот, дрожать перестанет. Видишь? Готово.

— Ого!

— Ну теперь пойдем повергнем своей красотой наших ведьмаков в шок. Не знаю ничего более приятного. А потом возьмем санки и размажем весь макияж в глубоких сугробах.

— И раскрасимся снова!

— Нет. Велим Ламберту натопить баню и искупаемся.

— Опять? Ламберт говорит, что мы расходует слишком много дров на наши купания.

— Lamberth caen me a'baeth aep arse.

— Что? Этого я не поняла...

— Со временем научишься идиомам. До весны еще успеешь много чего узнать. А теперь... Va'en aesledde, me elaine luned!

— Ну что на картинке... Да нет, черт возьми, не на той... На этой. Это, как ты уже знаешь, гуль. Послушаем, что тебе известно о гулях... Эй, дева, а ну-ка глянь на меня. Слушай, что там у тебя, ядрена вошь, на веках?

— Хорошее самочувствие.

— Чего-чего? Ну ладно. Слушаю.

— Хм... Гуль, дядя Весемир, это чудище, которое пожирает трупы. Встретить его можно на кладбищах, около курганов, всюду, где погребывают, не — погребают мертвецов. В не... некрополях. На местах схваток, на побоищах...

— Выходит, опасен он только для покойников, так, что ли?

— Не только. На живых гуль тоже нападает. Когда голоден или разъярен. Например, когда идет бой... Много погибших людей...

— Что с тобой, Цири?

— Ничего.

— Послушай. Забудь о прошлом. Оно уже не вернется.

— Я видела... В Соддене и Заречье... Целые поля... Они лежали там, их грызли волки и одичавшие собаки. Расклевывали птицы... Наверняка там были и гули...

— Потому ты сейчас и изучаешь гулей. Известное перестает быть кошмаром. То, с чем умеешь бороться, уже не так страшно. Как бороться с гулем, Цири?

— Серебряным мечом. На гуля действует серебро.

— Что еще?

— Яркий свет. И огонь.

— Значит, с ним можно бороться при помощи света и огня?

— Можно, но опасно. Ведьмак не должен пользоваться ни светом, ни огнем. Это мешает видеть. Яркий свет отбрасывает тени, а тени затрудняют ориентацию. Драться всегда надо в темноте, при свете луны или звезд.

— Совершенно верно. Правильно запомнила, понятливая девочка. А теперь взгляни на эту гравюру.

— Уууу...

— Согласен. Эта сук... Это существо не из красивых. Это гравейр. Гравейр — разновидность гулей. Он очень похож на гуля, но гораздо крупнее. Отличают его также, как видишь, три костяных гребня на черепе. Остальное — как у любого трупоеда. Обрати внимание: когти короткие и тупые, пригодные для разгребания могил, для рытья земли. Мощные зубы, которыми он дробит кости, и длинный тонкий язык, чтобы вылизывать из них разложившийся мозг и жир. Как следует провонявшее сало для гравейра — деликатес... Что с тобой?

— Нннничего...

— Ты совсем бледная. И зеленая. Очень мало ешь. Ты завтракала?

— Дааа... ела...

— О чем это я? Ага, чуть не забыл. Запомни, это важно. У гравейров, гулей и других чудовищ из этой группы нет собственной экологической ниши. Они — реликты периода Сопряжения Сфер. Убивая их, мы не нарушаем сложившихся в природе, в нашей теперешней сфере систем и связей. Эти чудовища чужды нашей теперешней сфере, им здесь нет места. Это ты понимаешь?

— Понимаю, дядя Весемир. Геральт мне объяснял. Все знаю. Экологическая ниша — это...

— Хорошо, хорошо. Я знаю, что это такое. Если Геральт объяснил, повторять не надо. Вернемся к гравейру. К счастью, гравейры встречаются довольно редко, потому что это крайне опасные сук... М-да. Малейшее повреждение при схватке с гравейром кончается заражением трупным ядом. Каким эликсиром вылечивается заражение трупным ядом? Ну?

— «Иволгой».

— Правильно. Но лучше избегать заражения. Поэтому, борясь с гравейром, нельзя приближаться к поганцу вплотную. Надо всегда держать дистанцию, а удар наносить с наскока.

— Хм... А в какое место лучше всего его трахнуть?

— Не трахнуть, а треснуть. Теперь перейдем именно к этому. Смотри...

— Еще раз, Цири. Прделаем это медленно, так, чтобы ты могла овладеть каждым движением. Смотри, нападаю на тебя с терции, с третьей позиции, наклоняюсь как для укола... Почему ты пятишься?

— Потому что знаю, это финт. Ты можешь пойти в широкий синистр, левый разворот или ударить батманом с верхней квартиры, четвертой позиции. А я отступлю и отвечу контрвыпадом!

— Неужто? А если я сделаю так?

— И-и-и! Ты же хотел медленно! Что я сделала неверно? Скажи, Койон?

— Ничего. Просто я выше тебя и сильнее.

— Это нечестно!

— Нет такого понятия, как честный бой. В бою используют любое преимущество и любую возможность. Отступая, ты позволила мне вложить в удар большую силу. Вместо того чтобы пятиться, надо было применить полуповорот влево и попробовать достать меня снизу, квартиой из декстера, под подбородок, в щеку либо в горло.

— Так ты и позволишь! Сделаешь обратный пируэт и рубанешь меня по левой стороне шеи прежде, чем я успею закрыться! Откуда мне знать, как ты поступишь?

— Должна знать. И знаешь.

— Как же!

— Цири, то, что мы делаем, — бой. Я твой противник. Хочу и должен тебя победить. Ведь речь идет о моей жизни. Я выше тебя и сильнее, поэтому буду использовать любой удобный случай для ударов, которыми собою тебя с ритма и сломаю твою защиту, как ты только что видела. Зачем мне пируэт? Я уже в синистре. Смотри. Нет ничего проще, как ударить из второй позиции под мышку, внутрь предплечья. Если я вспорю тебе вену, ты умрешь через несколько секунд. Защищайся!

— Ха-а-а!

— Очень хорошо. Прекрасная, мгновенная защита. Видишь, какгодились упражнения с суставами. А теперь — внимание, многие фехтовальщики совершают ошибку в статической обороне, на секунду замирают, и тогда их можно опередить, ударить — так!

— Ха-а-а!

— Прекрасно! Но отскакивай, тут же отскакивай — и в пируэт! У меня в левой руке может быть кинжал! Хорошо! Очень хорошо! А теперь, Цири?

Как я поступлю теперь?

— Откуда я знаю?

— Наблюдай за моими ногами. Как у меня распределен вес тела? Что можно сделать из такой позиции?

— Все!

— Поэтому крутись, крутись, заставь меня развернуться! Защищайся! Хорошо! Не гляди на мой меч, мечом я могу тебя обмануть! Защищайся! Хорошо! И еще раз! Хорошо! И еще!

— Ау-у-у!

— Скверно.

— Фу... Что я сделала не так?

— Ничего. Просто я был быстрее. Сними щитки. Присядем на минутку. Передохнем. Ты устала, все утро бегала по Мучильне.

— Я не устала. Я есть хочу.

— Черт возьми, я тоже. А сегодня кухарит Ламберт, он не умеет готовить ничего, кроме клецек... Да если б их варил как следует...

— Койон?

— А?

— Я все еще не очень ловкая.

— Ты очень ловкая.

— Я буду когда-нибудь такой же ловкой, как ты?

— Сомневаюсь.

— Хм... Ну ладно. А ты... Кто самый лучший фехтовальщик на свете?

— Понятия не имею.

— Ты никогда не знал такого?

— Я знал многих, которые считали себя лучшими.

— Хо-хо! Кто они были? Как их звали? Что они умели?

— Потихоньку, потихоньку, девочка! У меня нет ответов на твои вопросы. А это так важно?

— Именно что важно! Хотелось бы знать... кто они — такие фехтовальщики. И где их найти.

— Где найти-то — я знаю.

— Ну и где же?

— На кладбищах.

— Внимательнее, Цири. Теперь подвесим третий маятник, с двумя ты

уже управляешься. Шаги будешь делать, как и при двух, просто сделаешь одним вольтом больше. Готова?

— Да.

— Соberись. Расслабься. Вдох, выдох. Нападай!

— Ух! Ау-у-у... Черт!

— Не ругайся, пожалуйста. Здорово досталось?

— Нет. Просто задело... Я опять сделала что-то не так?

— Слишком строго выдерживала ритм и чересчур ускорила второй пируэт, а финт сделала шире, чем надо. В результате тебя занесло прямо под маятник.

— Ох, Геральт, там совсем нет места для вольта и разворота! Они слишком плотно висят!

— Там прорва места, уверяю тебя. Просто расстояния между маятниками задуманы так, чтобы создать неритмичное движение. Это бой, Цири, не балет. В бою нельзя двигаться ритмично. Ты должна движением сбивать противника, обманывать его, мешать ему. Ты готова?

— Готова. Раскачай эти чертовы тюки.

— Не ругайся. Расслабься. Нападай!

— Ха! Ха-а! Ну и как, а? Геральт? Меня вовсе не задело.

— И ты даже не скользнула мечом по второму мешку. Повторяю, это бой, а не балет, не акробатика... Что ты там бормочешь?

— Ничего.

— Расслабься. Поправь повязку на запястье. Не стискивай так рукоять меча, это отвлекает, мешает соблюдать равновесие. Дыши спокойно. Готова?

— Да.

— Начинай!

— У-у-ух! А, чтоб тебя... Геральт, у меня ничего не получится. Тут слишком мало места для финта и смены ноги. А когда я ударю с обеих ног, без финта...

— Видел я, что делается, когда ударяешь без финта. Больно?

— Не очень...

— Присядь. Передохни.

— Я не устала. Геральт, мне под третьим маятником не проскочить, хоть десять лет отдыхай. Быстрее я не могу.

— И не надо. Ты и без того достаточно быстра.

— Тогда скажи, как это сделать? Одновременно полуповорот, вольт и удар?

— Все очень просто. Ты была невнимательна. Я же сказал, нужно

одним вольтом больше. Вольтом. Дополнительный пируэт не нужен. Он — лишний. Второй раз ты все делала хорошо и прошла все маятники.

— Но не ударила мешка, потому что... Геральт, без полуоборота я ударить не могу, теряю скорость, нету у меня этого, как его, ну как оно называется?

— Инерция. Это верно. Ты наберешь и инерцию, и энергию, но не за счет пируэта и смены ног. На это у тебя не хватит времени. Ударь маятник мечом.

— Маятник? Бить по мешкам?

— Это поединок, Цири. Мешки выявляют слабые места твоего противника, в которые ты должна попадать. Маятников, которые имитируют оружие противника, ты должна избегать, уклоняться от них. Если маятник тебя коснется, считай, что ты ранена. В настоящем бою ты уже могла бы не встать. Маятник не должен тебя коснуться. Но ты можешь его ударить... Ты что загрузила?

— Я... Я не смогу отразить удар маятника мечом. Я слишком слабая... И всегда буду слабой! Потому что я девочка!

— Иди сюда, девочка. Вытри нос. И послушай внимательно. Ни один богатырь в мире, ни один силач или здоровяк не сумеют парировать удара, который нанесет ослизг хвостом, гигаскорпион клещами или гриф когтями. А маятники изображают именно это оружие. Даже и не пытайся парировать их удары. Маятника ты не отбросишь, а вот сама отлетишь от него. К тебе перейдет его энергия, необходимая, чтобы ты смогла нанести удар. Достаточно легко, но очень быстро отбиться и тут же немедленно нанести такой же быстрый удар с противоположного полуоборота. Оттолкнувшись, ты получишь инерцию. Ясно?

— Угу.

— Скорость, Цири, а не сила. Сила нужна дровосеку, который топором валит деревья в дебрях. Потому-то девочки редко бывают лесорубами. Поняла, в чем дело?

— Угу. Раскачивай маятники.

— Сначала передохни.

— Я не устала.

— Уже поняла как? Такие же шаги, финт...

— Знаю.

— Нападай!

— Ха-а! Ха! Ха-а-а-а!!! Вот и все! Достала я тебя, гриф! Геральт, ты видел?

— Не ори. Контролируй дыхание.

— Получилось! Честное слово, получилось! Геральт! Получилось! Похвали меня! Геральт!

— Браво, Цири! Браво, девочка.

В середине февраля теплый ветер, повеявший с юга, с перевала, слизал снег.

О том, что творится в мире, ведьмаки знать не желали.

Трисс последовательно и настойчиво направляла на политику вечерние беседы, которые они вели в темном холле, освещаемом вспышками огня в огромном камине. Реакции ведьмаков всегда были одинаковы: Геральт молчал, приложив руку ко лбу. Весемир кивал, время от времени вставляя замечания, из которых следовало только то, что «в его времена» все было лучше, логичнее, приличнее и здоровее. Эскель прикидывался внимательным слушателем, не скупился на улыбки и милые взгляды, иногда даже ему случалось заинтересоваться каким-нибудь маловажным вопросом. Койон откровенно зевал и глядел в потолок, а Ламберт не скрывал пренебрежения.

Они не желали знать ни о чем, им дела не было до дилемм, которые сгоняли сон с глаз королей, чародеев, владык и вождей, проблем, от которых дрожали и гудели советы, рады и думы. Для них не существовало ничего, что творилось за утопающими в снегах перевалами, за Гвенллехом, несущим свинцовым потоком ледяные глыбы. Для них существовал только Каэр Морхен, одинокий, затерянный в диких горах замок.

В тот вечер Трисс была раздражена и беспокойна — возможно, причиной был ветер, воющий в разрушенных стенах замка. В тот вечер все были странно возбуждены — ведьмаки, за исключением Геральта, стали непривычно разговорчивы. Разумеется, все разговоры крутились вокруг одного — весны да приближающегося в связи с этим выезда на большак. Конечно, говорили и о том, что принесет им большак, — о вампирах, выворотнях, леших, ликантропах и василисках.

Теперь уж зевать и глядеть в потолок пришла пора Трисс. На сей раз она молчала до тех пор, пока Эскель не задал вопроса, которого она так

долго ждала.

— Слушай, как все в действительности обстоит на Юге, на Яруге? Стоит ли направляться туда? Не хотелось бы попасть в самую заварушку.

— Что ты называешь заварушкой?

— Ну... — запинаясь, пробормотал он, — понимаешь... Ты все время толкуешь нам о возможности новой войны... О непрекращающихся стычках на границах, о бунтах на занятых Нильфгаардом землях. Намекаешь на то, что ходят слухи о возможности новой переправы нильфгаардцев через Яругу...

— Пустое, — сказал Ламберт. — Дерутся, режут, рубятся без устали сотни лет. Не в новинку. Я уже решил: двину на дальний Юг, в Содден, Махакам и Ангрен. Известно, там, где прошли войска, особо плодятся страховиды. В таких местах всегда можно было неплохо заработать.

— Факт, — поддержал Койон. — Местность пустеет, по деревням одни бабы, управиться не могут. Кругом без крова и присмотра шастают ребята. Легкая добыча приманивает чудищ.

— А у господ баронов, — добавил Эскель, — комесов разных, войтов с солтысами головы заняты войной, им не до защиты подданных. Приходится нанимать нас. Все так. Но из того, что нам тут поведала Трисс, следует, что конфликт с Нильфгаардом — дело серьезное. Никакая не междоусобица. Верно, Трисс?

— Даже если и так, — язвительно сказала чародейка, — вам-то это, думается, только на руку? Серьезная, кровопролитная война еще больше опустошит деревни, наплодит овдовевших баб, несметное множество осиротевших детей...

— Не понимаю сарказма. — Геральт отнял руку ото лба. — Действительно не понимаю, Трисс.

— Да и я тоже, дитя, — поднял голову Весемир. — О ком речь? О вдовах и детях? Ламберт и Койон занимаются трепотней, словно дети малые, но ведь не слова важны. Ведь они...

— ...они этих детей защищают, — гневно прервала Трисс. — Да. Знаю. Спасают от оборотней, которые за год убивают двух, ну трех детей, в то время как нильфгаардцы могут за один час вырезать и спалить целое поселение. Да, вы сирот защищаете. А я хочу, чтобы сирот было как можно меньше. Борюсь с причинами, а не с последствиями. Поэтому вхожу в Совет Фольтеста из Темерии, сижу там вместе с Феркартом и Кейрой Мец. Мы обсуждаем, как не допустить войны, а если она все же случится, как защищаться. Потому что война висит над нами, как стервятник, неустанно. Для вас она — приключение. Для меня — игра, ставка в которой —

выживание. Я втянута в эту игру, поэтому мне больно и оскорбительно видеть ваше безразличие и беззаботность.

Геральт выпрямился, взглянул на нее.

— Мы — ведьмаки, Трисс. Разве ты не понимаешь?

— А что тут понимать? — тряхнула каштановой гривой чародейка. — Все ясно и понятно. У вас вполне определенное отношение к миру. То, что этот мир стоит на грани катастрофы, вас не колышет. Меня же — колышет. В этом наше различие.

— Думаю, не только в этом.

— Мир разваливается, — продолжала она. — На это можно смотреть сложа ручки, а можно этому противодействовать.

— Как? — криво усмехнулся Геральт. — Эмоциями?

Трисс отвернулась к пылающему в камине огню и ничего не ответила.

— Мир разваливается, — проговорил Койон, покачивая головой в притворной задумчивости. — Уж сколь раз я это слышал.

— Я тоже, — поморщился Ламберт. — И неудивительно, в последнее время это стало расхожей фразой. Так говорят короли, когда становится ясно, что для правления нужна хоть капелька ума. Так говорят купцы, когда алчность и дурость доводят их до банкротства. Так говорят чародеи, когда начинают терять влияние на политику либо источники дохода. А тем, кому адресованы их сетования, хотелось бы услышать хоть мало-мальски толковое предложение. Закругляйся, Трисс, и давай выкладывай свои прожекты.

— Меня никогда не забавляли словесные перепалки, — чародейка кинула на него холодный взгляд, — и красноречивые фразы, цель которых — посмеяться над собеседником. Это, понимаете ли, не для меня. Что я имею в виду, вы знаете прекрасно. Вам нравится прятать голову в песок? Ваше дело. Но ты, Геральт, меня удивляешь.

— Трисс, — беловолосый ведьмак снова взглянул ей в глаза, — чего ты от меня ждешь? Чтобы я активно участвовал в борьбе за сохранение разваливающегося мира? Записался в армию и сдерживал Нильфгаард? Встал, ежели начнется очередная битва за Содден, с тобою рядом на Холме, плечом к плечу и дрался за свободу?

— Я гордилась бы, — сказала она, опустив голову. — Я была бы горда и счастлива, если б могла драться рядом с тобой.

— Верю. Но я недостаточно благороден для этого. И недостаточно мужественен. Я не гожусь в солдаты и герои. Я мучительно боюсь погибнуть либо остаться калекой. Но это не единственная причина. Солдата нельзя заставить не бояться, но можно вооружить основанием,

мотивацией, которая поможет ему перебороть страх. А у меня такой мотивации нет. И быть не может. Я — ведьмак. Искусственно созданный мутант. Я убиваю чудовищ. За деньги. Защищаю детей, если родители заплатят. Если мне заплатят нильфгаардские родители, я стану защищать нильфгаардских детей. И если даже весь мир превратится в развалины, во что я не верю, я буду убивать чудовищ на развалинах до тех пор, пока какое-нибудь из них не прикончит меня. Вот моя судьба, моя мотивация, моя жизнь и мое отношение к миру. И выбирал не я. Это сделали за меня другие.

— Ты ожесточен, — заметила Трисс, нервно теребя прядку волос. — Либо прикидываешься таковым. Забываешь, что я тебя знаю, не разыгрывай передо мной бесчувственного, бессердечного, беспринципного и безвольного мутанта. А причину ожесточенности я угадываю и понимаю. Пророчество Цири, верно?

— Неверно, — холодно ответил он. — Похоже, однако, ты мало меня знаешь. Я боюсь смерти, как любой, но с мыслью о ней освоился давным-давно и так же давно избавился от радужных иллюзий. Но я вовсе не сетую на свою судьбу, Трисс, тут простой холодный расчет. Статистика. Еще ни один ведьмак не умер от старости, в постели, диктуя завещание. Ни один. Цири не застала меня врасплох и не напугала. Я знаю, что умру в какой-нибудь смердящей падалью яме, разорванный на куски грифом, ламией или мантихором. Но я не хочу умирать на войне, ибо это не моя война.

— Меня удивляют, — резко ответила Трисс, — удивляют твои слова, отсутствие мотивации, как ты по-ученому пожелал окрестить безразличие и равнодушие. Ты был на Соддене, в Ангрене и в Заречье. Ты знаешь, что случилось с Цинтрой, знаешь, что случилось с королевой Калантэ и несколькими тысячами тамошних людей. Знаешь, сквозь какой ад прошла Цири, знаешь, почему она кричит по ночам. Я тоже это знаю, потому что я там тоже была. Я тоже боюсь смерти и боли, сегодня боюсь еще больше, чем тогда. У меня есть на то причины. А что до мотиваций, то тогда мне казалось, что у меня их не больше, чем у тебя. Какое мне, чародейке, дело до судеб Соддена, Бругге, Цинтры или других королевств? До головной боли более или менее толковых властителей и владык? До интересов купцов и баронов? Я была чародейкой и тоже могла сказать: это, мол, не моя война, я, дескать, могу и на развалинах мира составлять эликсиры для нильфгаардцев. Вместо этого я встала на Холме рядом с Вильгефорцем, рядом с Артаудом Террановой, рядом с Феркартом, рядом с Энид Финдабаир и Филиппой Эйльхарт, рядом с твоей Йеннифэр. Рядом с теми, кого уже нет, — Коралл, Йойолем, Ваньеллой... Был такой момент, когда я

от страха забыла все заклинания, кроме одного, с помощью которого могла телепортироваться с того страшного места домой, в мою маленькую башенку в Мариборе. Была такая минута, когда меня начало рвать от ужаса, а Йеннифэр и Коралл поддерживали меня за шею и волосы...

— Прекрати. Прекрати, прошу тебя...

— Нет, Геральт, не прекращу. Ты же хочешь знать, что произошло там, на Холме. Так слушай — были гул и пламя, были огненные стрелы и разрывающиеся огненные шары, были рев и грохот, а я вдруг оказалась на земле, на какой-то куче тлеющего, дымящегося тряпья, и неожиданно поняла, что эта куча тряпья — Йойоль, а рядом — то ужасное, то тело без рук и ног, которое так жутко кричит, — Коралл. И я думала, что кровь, в которой я валяюсь, это кровь Коралл. Но это была моя собственная кровь. И когда я увидела, что со мною сделали, я начала выть, выть, как побитый пес, как незаслуженно обиженный ребенок... Оставь меня! Не бойся, я не расплачусь. Я уже давно не девочка из башенки в Мариборе. Я, черт побери, Трисс Меригольд. Четырнадцатая Полегшая под Содденом. Под обелиском на Холме четырнадцать могил, но только тринадцать тел. Тебя удивляет, что такое могло случиться? Большинство трупов было невозможно распознать по их кускам, да никто и не разбирал. Живых тоже трудно было пересчитать. Из тех, кто меня хорошо знал, в живых осталась только Йеннифэр, а Йеннифэр ослепла. Другие знали меня мимолетно, обычно узнавали по прекрасным волосам. А их-то, черт побери, уже не было!

Геральт крепче обнял ее. Она уже не пыталась его оттолкнуть.

— Для нас, уцелевших, не пожалели самых действенных чар, — глухо продолжала она, — заклинаний, эликсиров, амулетов и артефактов. Не было ничего такого, чего бы не отдали для покалеченных героев с Холма, нас вылечили, подлатали и вернули прежнюю внешность, волосы и зрение. Почти не видно... следов. Но я уже никогда не надену декольтированного платья, Геральт. Никогда.

Ведьмак молчал, молчала и Цири, которая беззвучно проскользнула в холл и задержалась на пороге, ссутулившись и скрестив руки на груди.

— Поэтому, — помолчав, сказала чародейка, — не говори мне о мотивации. Прежде чем мы встали на том Холме, Капитул просто сказал: «Так надо». Чья это была война? Что мы там защищали? Землю? Границы? Людей и их халупы? Интересы королей? Влияние и доходы чародеев? Порядок от Хаоса? Не знаю. Но защищали, ибо так было надо. И если понадобится, я встану на Холме снова. Потому что если я этого теперь не сделаю, значит, тогда все было впустую.

— Я встану рядом с тобой! — тоненько крикнула Цири. — Вот увидишь, встану! Нильфгаардцы заплатят мне за бабушку, за все... Я не забыла!

— Тихо, — проворчал Ламберт. — Не встревай в разговоры старших.

— Еще чего! — топнула ножкой девочка, и глаза у нее загорелись зеленым огнем. — Думаете, зачем я учусь драться мечом? Хочу убить его, того черного рыцаря, того, с крыльями на шлеме, за то, что он со мной сделал, за то, что я так боялась! И я его убью! Для этого и учусь!

— Значит, теперь учиться перестанешь, — сказал Геральт голосом, с холодностью которого могли бы поспорить стены Каэр Морхена. — Пока не поймешь, что такое меч и чему он должен служить в руке ведьмака, не возьмешь его в руки. Ты учишься не для того, чтобы убивать и быть убитой. Ты учишься убивать не из страха и ненависти, а для того, чтобы уметь спасти жизнь. Свою и чужую.

Девочка закусила губы, дрожа от возбуждения и злобы.

— Поняла?

Цири резко вскинула голову.

— Нет!

— Значит, не поймешь никогда. Выйди.

— Геральт, я...

— Выйди.

Цири развернулась на пятках, несколько секунд стояла в нерешительности, словно ожидая чего-то невозможного. Потом быстро побежала по лестнице. Было слышно, как хлопнула дверь.

— Слишком резко, Волк, — сказал Весемир. — Слишком уж резко. И не следовало этого делать в присутствии Трисс. Эмоциональные связи...

— Не говори мне об эмоциях! Я сыт по горло болтовней об эмоциях!

— Почему же? — насмешливо и холодно проговорила чародейка. — Почему, Геральт? Цири — нормальный ребенок. Она нормально все чувствует, воспринимает эмоции естественно, принимает их такими, каковы они в действительности. Ты, разумеется, этого не понимаешь и удивляешься. Тебя поражает и раздражает то, что кто-то может испытывать нормальную любовь, нормальную радость, нормальный страх, боль и обиду, нормальную ненависть и нормальную печаль. Что именно холодность, отстраненность и безразличие считает ненормальными. О да, Геральт, тебя это раздражает, раздражает до такой степени, что тебе в голову лезут мысли о подземельях Каэр Морхена, о Лаборатории, о покрытых пылью бутылках с мутагенными отравками...

— Трисс! — крикнул Весемир, глядя на побелевшее лицо Геральта.

Но чародейка не позволила себя прервать, она говорила все быстрее, все громче:

— Кого ты намерен обмануть, Геральт? Меня? Ее? А может, самого себя? Может, не хочешь подпустить к себе правду, правду, которая известна всем, кроме тебя? Может, не хочешь признать тот факт, что эликсиры и Травы не забили в тебе эмоции и человеческие чувства! Ты забил их в себе сам! Ты сам! Но не пытайся убивать их в этом ребенке!

— Молчи! — крикнул ведьмак, вскакивая со стула. — Молчи, Меригольд. — Он отвернулся, бессильно опустил руки, потом тихо сказал: — Извини, Трисс. Прости.

Он быстро направился к лестнице, но чародейка мгновенно вскочила, подбежала к нему, обняла.

— Ты уйдешь не один, — шепнула она. — Я не позволю тебе оставаться одному. Не сейчас.

Они с самого начала знали, куда она побежала. Вечером шел мелкий, мокрый снег. Он затянул подворье тонким, идеально белым покрывалом, на котором остались следы ног.

Цири стояла на самом верху разрушенной стены, неподвижная как статуя. Меч она держала так, что гарда оказалась на уровне глаз. Пальцы левой руки легко касались эфеса.

Увидев их, девочка прыгнула, закружилась в пируэте, мягко опустившись в такой же, но зеркальной позиции.

— Цири, — сказал ведьмак. — Пожалуйста, спустись.

Казалось, она не слышит. Не пошевелилась, даже не дрогнула. Однако Трисс видела, как свет луны, отброшенный клинком на ее лицо, сверкнул серебром на струйках слез.

— Никто у меня меча не отберет! — крикнула она. — Никто! Даже ты!

— Спустишь, — повторил Геральт.

Она вызывающе тряхнула головой, а в следующий момент прыгнула снова. Плохо укрепленный кирпич с грохотом выскользнул у нее из-под ноги. Цири покачнулась, попыталась удержать равновесие. Не смогла.

Ведьмак прыгнул.

Трисс подняла руку, раскрыла рот, чтобы произнести формулу левитации. Но знала, что не успеет. Знала также, что Геральт тоже не успеет. Это было невозможно.

Геральт успел.

Его пригнуло к земле, бросило на колени и на бок. Он упал. Но Цири не выпустил.

Чародейка медленно подошла. Она слышала, как девочка что-то шепчет и хлюпает носом. Геральт тоже шептал. Слов Трисс не различала. Но понимала их значение.

Теплый ветер завыл в расщелинах стен. Ведьмак поднял голову.

— Весна, — сказал он тихо.

— Да, — подтвердила Трисс, сглотнув. — На перевалах еще лежит снег, но в долинах... В долинах уже весна. Выезжаем, Геральт? Ты, я и Цири?

— Да. Самое время.

Глава 4

В верховьях реки мы увидели их города, такие субтильные, словно сотканные из утреннего тумана, из которого они возникали. Казалось, они вот-вот растают, улетят с ветром, который покрывал рябью поверхность воды. Там были особнячки, белые, как цветы лилий. Были башенки, казалось, сплетенные из плюща, мостики, воздушные, как плакучие ивы. И было многое другое, чему мы не могли найти имени и названия. А ведь мы уже дали имена и названия всему, что в этом новом, возродившемся мире видели наши глаза. Неожиданно где-то в дальних уголках памяти всплывали названия драконов и грифов, сирен и нимф, сильфид и дриад. Белых единорогов, что в сумерки приходили к реке и склоняли к воде свои изящные головы. Всему мы как бы заново давали названия. И все становилось близким, знакомым, свойским.

Кроме них. Они, казалось, так похожие на нас, были чуждыми, настолько чуждыми, что мы долго не могли найти названия для этой чуждости.

Хен Гедымдейт. «Эльфы и люди»

Хороший эльф — мертвый эльф.

Маршал Милан Раупеннэк

Несчастье пришло в строгом соответствии с извечной природой несчастий и стервятников — оно висело над ними какое-то время, но выжидало соответствующего момента. Того часа, когда они удалились от поселений, редко разбросанных вдоль Гвенллеха и Верхней Буйны, миновали Каррайг и оказались на безлюдной, изрезанной оврагами полосе, предваряющей пущу. Несчастье безошибочно свалилось на жертву, а жертвой стала Трисс.

Вначале это выглядело малопривлекательно, но не очень опасно, походило на обычное расстройство желудка. Геральт и Цири тактично старались не

обращать внимания на вынужденные стоянки, вызванные недомоганием чародейки. Трисс, бледная как смерть, потя и болезненно кривясь, держалась еще несколько часов, но ближе к полудню, просидев в придорожных зарослях ненормально долго, уже не в состоянии была сесть на коня. Цири хотела помочь ей, но это кончилось неудачей — чародейка не смогла удержаться за гриву, сползла по боку лошади и повалилась на землю.

Они подняли ее, уложили на плащ. Геральт молча развязал один из вьюков, отыскал шкатулку с магическими эликсирами, раскрыл и чертыхнулся: все флакончики выглядели одинаково, а таинственные знаки на печатях ни о чем не говорили.

— Который, Трисс?

— Ни один, — простонала она, обеими руками ухватившись за живот. — Я не могу... Мне нельзя это принимать.

— Что? Почему?

— У меня повышенная восприимчивость...

— У тебя, у чародейки?

— У меня аллергия! — Она расплакалась от бессильной злобы и отчаяния. — Так было всегда! Я не выношу эликсиров! Лечу ими других, себя же могу только амулетами!

— А где твой амулет?

— Не знаю, — скрипнула она зубами. — Вероятно, оставила в Каэр Морхене или потеряла...

— Дьявольщина! Как тебе помочь? Может, заклинанием?

— Я пыталась. Результаты ты видишь. Из-за судорог я не могу сконцентрироваться...

— Не плачь.

— Тебе легко говорить!

Ведьмак встал. Стащил свои вьюки со спины Плотвы и начал в них копать. Трисс свернулась калачиком, приступ боли стянул у нее мышцы на лице, скривил рот.

— Цири?

— Что, Трисс?

— Как ты себя чувствуешь? Никаких... неожиданностей?

Девочка отрицательно покачала головой.

— Может, у меня отравление? Что я ела? Но мы все ели одно и то же...

Геральт! Мойте руки как следует. Присмотри, чтобы Цири мыла...

— Лежи спокойно. Выпей.

— Что это?

— Обычное успокоительное. Магии в нем кот наплакал. Повредить не должно. А спазмы ослабнут.

— Геральт, спазмы... пустяк. Вот если поднимется температура... Это может быть... дизентерия. Или паратиф.

— У тебя нет иммунитета?

Трисс не ответила, отвернувшись, закусив губу, скрючилась еще больше. Ведьмак не настаивал на своем предложении.

Дав немного передохнуть, усадил чародейку в седло Плотвы. Сам сел у нее за спиной, поддерживая обеими руками, а Цири, двигаясь бок о бок, держала поводья, одновременно ведя мерина Трисс. Не проехали даже версты. Чародейка вываливалась из рук, не держалась в седле. Вдруг начался озноб, поднялась температура. Несварение желудка усилилось. Геральту хотелось думать, что это результат аллергической реакции на остаточную магию в его ведьмачьем эликсире. Он хотел так думать, но, честно говоря, и сам не верил.

— Ох, господин, — вздохнул сотник. — Попали вы в недобрый час. Похоже, хуже попасть не могли.

Сотник был прав. Ни возражать, ни спорить было невозможно. Застава у моста, в которой обычно коротали время трое солдат, конюх, мытник и не больше десятка проезжих, теперь была полным-полна народу. Ведьмак насчитал свыше тридцати легковооруженных воинов в цветах Каэдвена и с полсотни щитоносцев, расположившихся лагерем вдоль низкого забора. Большинство собралось у костров, подтверждая старый солдатский принцип: спи, когда можно, вставай, когда будят. Через распахнутые настежь ворота было видно, что и во дворе тоже полно людей и лошадей. На площадке покривившейся сторожевой вышки несли вахту два солдата с готовыми к стрельбе арбалетами. На разъезженном копытами предместье стояло шесть крестьянских телег и два купеческих фургона, а в загородке, тоскливо склонив головы к перемешанной с навозом грязи, маялось несколько распряженных волов.

— Было нападение. На заставу. Вчерась ночью, — упредил сотник вопрос Геральта. — Едва-едвашеньки подоспели, иначе б нашли тут одну землю спаленную.

— Кто напал? Разбойники? Мародеры?

Солдат pokrutil головой, сплюнул, глянул на Цири и скорчившуюся в

седле Трисс.

— Зайдите во двор. Чародейка ваша вот-вот свалится с седла. У нас уже есть несколько раненых, одной будет больше. Какая разница?

В открытой выгородке под навесом лежало несколько человек в окровавленных повязках. Немного дальше, между частоколом и деревянным колодцем с журавлем, Геральт заметил шесть неподвижных тел, накрытых мешковиной, из-под которой выглядывали лишь ступни в грязных, стоптанных башмаках.

— Покладите чародейку тама, при раненых. — Солдат указал на выгородку. — Да, милсдарь ведьмак, и верно, неудача, что больна. Несколько наших отхватили во время боя, нам бы не помешала магическая подмога. У одного, как мы стрелу-то вытащили, в кишках наконечник засел. Помрет парень к утру, как пить дать помрет... А чародейка, что могла бы его спасти, сама трясется в горячке, от нас помощи ждет. В недобрый час, воистину, в недобрый час...

Он осекся, видя, что ведьмак не отрывает глаз от накрытых мешковиной тел.

— Двое из тутошней стражи, двое наших из сотни и двое... ихних, — сказал солдат, приподнимая край заскорузнувшей ткани. — Гляньте, коли охота.

— Отойди, Цири.

— Я тоже хочу! — высунулась у него из-за спины девочка, раскрыв рот глядевшая на трупы.

— Отойди, прошу тебя. Займись Трисс.

Цири фыркнула, но послушалась. Геральт подошел ближе.

— Эльфы? — сказал он, не скрывая удивления.

— Эльфы, — подтвердил солдат. — Скотоели.

— Кто-кто?

— Скотоели, — повторил солдат. — Лесные бандиты.

— Странное название. Если не ошибаюсь, это значит «белки». Ская'таэли?

— Ну да, милсдарь, скотоели. Так они себя на эльфьем языке называют. Людишки говорят, мол, потому, что иногда носят беличьи хвосты на колпаках и шапках. Другие же — потому, дескать, что в бору обитают, орешками кормятся. С ними, что ни день, все больше мороки, право слово.

Геральт покачал головой. Солдат накрыл покойников мешковиной, отер руки о кафтан.

— Пошли. Неча тут стоять. Отведу вас к начальнику. А хворой займется наш десятник, ежели сможет, конечно. Воце-то он умеет

прижигать и сшивать раны, вправлять кости, ну глядишь, и лекарства какие сумеет смешать, кто его знает, головастый парень, горец. Пошли, милсдарь ведьмак.

В домишке мытаря, дымном и темном, в это время шла оживленная и весьма шумная перебранка. Коротко подстриженный рыцарь в кольчуге и желтой тунике наседали на двух купцов и эконома, на что совершенно равнодушно и угрюмо смотрел мытарь с перевязанной головой.

— А я сказал — нет! — Рыцарь треснул рукой по разваливающемуся столу и выпрямился, поправляя на груди пластинку с изображением святого. — Пока не вернутся разъезды, не пойдет никто! Нечего по дорогам болтаться.

— Мне через два дня надо в Даэвон попасть! — разорался эконом, подсовывая рыцарю под нос короткую, покрытую зарубками палку с выжженным знаком. — Если спознюсь, коморник мне башку свернет! Я буду жаловаться комесу!

— Жалуйся сколько влезет! — засмеялся рыцарь. — Только, советую, сначала набей себе портки соломой. У комеса нога тяжелая! А сейчас тут командую я, потому что комес далеко, а на твоего коморника мне... О, Унист! Кого это ты ведешь, сотник? Еще один купец?

— Нет, — засмеялся сотник. — Ведьмак. Геральт из Ривии зовется.

К удивлению Геральта, рыцарь широко улыбнулся, подошел и протянул руку.

— Геральт из Ривии, — повторил он, продолжая улыбаться. — Слышал о вас, к тому же от достойных людей. Что вас привело сюда?

Геральт объяснил, что именно. Рыцарь перестал улыбаться.

— Неудачно вы попали. В неудачное время. И в неудачное место. У нас тут война, господин ведьмак. По лесам валандается банда скоя'таэлей, не дальше как вчера мы схватились с ними. Вот дождусь подкрепления, и начнем облаву.

— С эльфами воюете?

— Не только. Да вы что, ведьмак, о белках не слышали?

— Не слышал.

— Где же вы гуляли последние два года? За морями? Потому как у нас тут, в Каэдвене, скоя'таэли позаботились, чтобы о них говорили. Да уж, позаботились, и недурственно. Первые банды появились, как только вспыхнула война с Нильфгаардом. Воспользовались, треклятые нелюди, нашими трудностями. Мы бились на Юге, а они начали на тылы наскакивать. Рассчитывали, что Нильфгаард нас разобьет. Ну и принялись вопить о конце человеческой власти, о возвращении давних порядков.

«Людей — в море!» — вот их клич, под такой убивают, жгут и грабят.

— Это ваша вина и ваша ныне забота, — угрюмо заметил эконо́м, похлопывая по бедру заостренной палкой, знаком своих функций. — Ваша, вельможев и рыцарев. Вы нелюдей угнетали, жить им не давали, вот и получаете теперича. А мы завсегда тут грузы возили, и никто нас не задевал. Нам армия ни к чему.

— Что правда, то правда, — сказал один из купцов, молча сидевших на лавке, — белки не страшнее разбойников, что тут по дорогам шастали. А за кого эльфы сперва-то взялись? Именно за разбойников. Да.

— А какая разница, кто меня стрелой из кустов пырнет — разбойник или эльф? — сказал вдруг мытарь с перевязанной головой. — Крыша, которую мне посередь ночи над головой запалят, одинаково горит, ей без разницы, в чьей руке была головня. Говорите, господин купец, мол, ская'таэли не хуже разбойников? Враки! Разбойникам нужна была добыча, эльфам — кровушка людская. Дукаты есть не у каждого, а кровь в жилах... Значит, говорите, пусть голова болит у знати? Это вранье еще поболее. А лесорубы, которых постреляли на вырубке, а винокуры, которых посекали на Буках, кметы из подожженных сел — их-то вина в чем перед нелюдями? Жили, трудились вместе по-соседски, и вдруг, на тебе, стрела в спину... А я? В жизни ни одного нелюдя не обидел, а гляньте, лоб поранен краснолюдским пала́шом. И если б не воины, на которых вы брешете, лежать бы мне сейчас под тремя вершками дерна...

— Именно. — Рыцарь в желтой тунике снова ударил по столу рукой. — Мы защищаем вашу паршивую шкуру, милостивый государь эконо́м, от тех, как вы изволили выразиться, угнетенных эльфов, которым, как вы утверждаете, мы не давали жить. А я вам другое скажу — слишком уж мы их распустили. Попустительствовали, смотрели на них как на людей, как на ровню, а теперь они наносят нам удар в спину. Нильфгаард им за это платит, голову дам на отсечение, а дикие эльфы с гор снабжают оружием. Но настоящая опора у них те, кто постоянно живет среди нас: эльфы, полуэльфы, краснолюды, гномы и низушки. Эти укрывают, кормят, поставляют добровольцев...

— Не все, — отозвался второй купец, худощавый, с благородными, совсем не купеческими чертами лица. — Большинство нелюдей порицают белок, благородный рыцарь, и не желают иметь с ними ничего общего. Большинство лояльны и порой платят за это непомерно высокую цену. Вспомните бургграфа из Бан Арда. Он был полуэльфом, а призывал к миру и сотрудничеству. Погиб от предательской стрелы.

— Которую, вероятно, выпустил сосед низушек либо краснолюд, а

ведь небось тоже лояльным прикидывался, — насмешливо бросил рыцарь. — По мне, так нет среди них ни одного лояльного! Каждый... Эй! Это еще кто?

Геральт обернулся. У него за спиной стояла Цири, одаривая всех бирюзовым взглядом огромных глаз. В чем-чем, а в том, чтобы двигаться, не привлекая к себе ничьего внимания, — в этом она действительно преуспела.

— Она со мной, — объяснил Геральт.

— Хм... — Рыцарь смерил Цири взглядом, потом повернулся к купцу с благородным лицом, явно видя в нем наиболее серьезного оппонента. — Да, уважаемый, не говорите мне о лояльных нелюдях. Все они — наши враги, просто одни более, другие менее удачно прикидываются, будто все наоборот. Низушки, краснолюды и гномы жили меж нами в течение столетий, казалось бы, в относительном согласии. Но стоило эльфам поднять головы, как и они тоже схватились за оружие — и в леса. Говорю вам, напрасно мы попустительствовали свободным эльфам и дриадам. Не трогали их леса и горные анклав. Им, видите ли, этого было мало, теперь они вопят: «Это наш мир. Вон отсюда, приبلуды!» О боги, мы им покажем, кто пойдет вон, а от кого тут мокрого места не останется! Потрепали мы шкуру нильфгаардцам, теперь примемся за бандитов!

— Нелегко напасть на эльфа в лесу, — бросил ведьмак. — Да и за краснолюдом или гномом я бы в горы не пошел. И крупные у них отряды?

— Не отряды — банды, — поправил рыцарь. — Банды, милсдарь ведьмак. До двадцати голов, порой больше. Они такую шайку называют «рабочая бригада». Этакое гномовское словосочетание. А в том, что напасть на них нелегко, вы правы, сразу видно — спец. Гоняться по лесам да камышам бессмысленно. Единственный способ — отрезать от тылов, изолировать, лишить пищи. Взять за глотку тех нелюдей, которые им помогают, что по городам живут, поселкам, деревушкам и фермам...

— Проблема в том, — сказал купец с благородными чертами лица, — что все еще неизвестно, кто из нелюдей помогает, а кто нет.

— Значит, хватать всех подряд!

— Так, — криво усмехнулся купец. — Где-то я уже это слышал. Всех за глотку — и в рудники, в огороженные лагеря со сторожевыми вышками, в каменоломни. Невинных тоже. Женщин, детей. Так?

Рыцарь вскинул голову, схватился за рукоять меча, бросил резко:

— Именно так и не иначе! Деточек пожалели, а сами будто только родились, уважаемый. Перемирие с Нильфгаардом — штука хрупкая, вроде яичной скорлупы, не сегодня-завтра война может вспыхнуть заново, а на

войне всякое бывает. Если нас побьют, думаете, что станет? Я вам скажу — эльфовские «бригады» выйдут из лесов, причем во множестве, в силе, и ваши лояльные тут же к ним присоединятся. Все эти лояльные краснолюды, дружественные низушки — все они, думаете, станут болтать о мире, о дружбе? Нет, уважаемый. Они станут животы нам вспарывать, кишки выпускать, именно их-то руками Нильфгаард и расправится с нами. И утопят они нас в море, как обещают. Нет, цацкаться с ними нельзя. Либо они, либо мы. Третьего не дано.

Дверь домика скрипнула, и появился солдат в окровавленном фартуке.

— Прощения просим, коли помешал, — кашлянул он. — Кто из вас, господа, привез хворую?

— Я, — сказал ведьмак. — А что?

— Извольте за мной.

Они вышли во двор.

— Скверно с нею, милсдарь, — сказал солдат, указывая на Трисс. — Я дал ей водки с перцем и селитрой. Не помогло. Не очень...

Геральт смолчал, да и что было говорить? Как раз в этот момент чародейка, скорчившись, являла миру доказательство того, что водку с перцем и селитрой ее желудок принять не в состоянии.

— Может, зараза какая-нить, — поморщился солдат, — либо эта, как ее, зинтерея. Ежели это по людям пойдет...

— Это чародейка, — возразил ведьмак. — Чародейки не болеют...

— Оно и видно, — цинично вставил рыцарь, вышедший следом за ними. — Из вашей-то, как погляжу, прямо-таки хлещет здоровье. Господин Геральт, послушайте меня. Женщине нужна помощь, а мы ее оказать не в силах. Не могу я, понимаете, допустить эпидемию в армии.

— Понимаю. Уеду немедленно. Выбора у меня нет, придется завернуть к Дазвону или Ард Каррайгу.

— Далеко не уйдете. Разъездам приказано задерживать всех. Кроме того, это небезопасно. Скоя'таэли ушли как раз в ту сторону.

— Как-нибудь управлюсь.

— После того, что я о вас слышал, — скривил губы рыцарь, — не сомневаюсь, что справитесь. Но ведь вы не один. У вас на руках тяжелобольная женщина и та вон девочка...

Цири, пытавшаяся в этот момент очистить о перекладину лестницы запачканный навозом ботинок, подняла голову. Рыцарь кашлянул и опустил глаза. Геральт улыбнулся. За последние два года Цири почти забыла о своем происхождении и практически полностью избавилась от княжеских манер, но когда хотела, ее взгляд очень походил на взгляд бабушки. Так

сильно походил, что королева Калантэ наверняка гордилась бы внучкой.

— Да, о чем это я... — осекся рыцарь, смущенно дергая пояс. — Господин Геральт, я знаю, что вам делать. Поезжайте за реку, на юг. Догоните обоз, который идет по большаку. Скоро ночь. Они наверняка встанут на ночевку. К утру догоните.

— Что за люди?

— Не знаю, — пожал плечами рыцарь. — Но не купцы и не обычный обоз. Слишком велик порядок, одинаковые фуры — крытые... Не иначе королевские сборщики. Я пропустил их через мост, они шли на юг, скорее всего к бродам на Ликсели.

— Хм... — задумался ведьмак, глядя на Трисс. — Это бы мне было с руки. Да найду ли я у них помощь?

— Может, да, — холодно сказал рыцарь, — может, нет. Только тут-то не найдете наверняка.

Занятые разговорами, они не услышали и не заметили, как он подъехал. Костер, вокруг которого они сидели, просвечивал мертвенно-желтым светом сквозь полотнища на уставленных в круг фурах. Геральт слегка дернул поводья и заставил лошадь громко заржать, чтобы предупредить расположившийся на отдых обоз, убрать неожиданность и избежать нервных движений. Он по опыту знал, что спусковые механизмы самострелов не любят нервных движений.

Отдыхающие вскочили, проделывая при этом, несмотря на предостережение, массу нервных движений. Большинство, это он увидел сразу, были краснолюдами. Это его немного успокоило — краснолюды, хоть и легковозбудимые, привыкли сначала спрашивать и лишь потом стрелять.

— Кто? — хрипло крикнул один из краснолюдов, быстрым, энергичным движением выхватывая топор, вбитый в лежащий около костра ствол. — Кто идет?

— Друг. — Ведьмак слез с коня.

— Интересно, чей? — буркнул краснолюд. — Подойди. Держи руки так, чтобы мы видели.

Геральт приблизился, держа руки так, чтобы их мог видеть даже тот, кто страдает конъюнктивитом или куриной слепотой.

— Ближе.

Он подошел ближе. Краснолюд опустил топор, слегка наклонил голову.

— Или меня глаза обманывают, — сказал он, — или это ведьмак по имени Геральт из Ривии. Или же кто-то чертовски на Геральта похожий.

— Ярпен Зигрин? — удивился Геральт. — Не кто иной, как Ярпен Зигрин собственной бородатой персоной...

— Ха! — Краснолюд завертел топором так, словно это была ивовая ветка. Острие прошуршало в воздухе и с глухим стуком врезалось в ствол. — Тревога отменяется! Это и впрямь друг!

Все заметно успокоилось. Геральту показалось, что он слышит глубокие вздохи облегчения. Краснолюд подошел, протянул руку. Его пятерня смело могла состязаться с железными клещами.

— Привет, злодюга! Ха-ха! — сказал он. — Откуда бы ни шел и куда бы ни направлялся, привет. Парни! Одни мы тут! Помнишь моих парней, ведьмак? Это Янник Брасс, это вот Ксавьер Моран, а этот — Паулье Дальберг и евонный брат Реган.

Геральт не мог вспомнить ни одного, впрочем, все они были на одно лицо — бородатые, кряжистые, почти квадратные в своих толстых, стеганых куртках.

— Шестеро вас было, — он по очереди пожал жесткие, сучковатые руки, — если не ошибаюсь.

— Хорошая память, — рассмеялся Ярпен Зигрин. — Шестерка нас была. Это точно. Но Люкас Корта оженился, осел в Махакаме и отпал от компании, пацан дурашливый. Как-то никто не попался на его место пока что. А жаль. Шестерка — число в сам раз, ни много ни мало. Толь теленка съесть, толь бочонок опорожнить, нету лучше, как вшестером...

— Похоже, — Геральт головой указал на остальных, нерешительно топтавшихся при фурах, — вас тут достаточно, чтобы управиться с тремя телятами, не говоря уж о птице. Что за братией командуешь, Ярпен?

— Не я тут в командирах. Позволь представить тебе. Простите, милсдарь Венцк, не сделал сразу, но я и мои парни знаем Геральта из Ривии не один день, есть у нас малость общих воспоминаний. Геральт, это господин комиссар Вильфрид Венцк, служит королю Хенсельту из Ард Каррайга, милостью богов царствующему в Каэдвене владыке.

Вильфрид Венцк был высокий, выше Геральта, а краснолюда вообще превышал двукратно. Одет он был в обычную простую одежду, какую носят сельские солтысы, коморники либо конные гонцы, но в его движениях чувствовалась резкость, жесткость и уверенность, которую ведьмак знал и умел распознать безошибочно даже ночью, даже при скупом

свете костра. Так держат себя люди, привыкшие к латам и оружию, оттягивающему пояс. Геральт был готов побиться об заклад на любую сумму, что Венцк — профессиональный воин. Он пожал протянутую руку, слегка поклонился.

— Сядем. — Ярпен Зигрин указал на ствол, в котором по-прежнему крепко сидел его огромный топор. — Ну что поделываешь в сих краях, Геральт?

— Ищу помощи. Еду сам-третей с женщиной и подростком. Женщина больна. Seriously. Догонял вас, чтобы просить помощи.

— Черт побери, лекаря-то у нас нету. — Краснолюд сплюнул на горящие чурки. — Где ты их оставил?

— Полперехода отсюда, на большаке.

— Покажешь дорогу. Эй, вы там! Трое на коней, седлать запасных! Геральт, твоя больная баба в седле удержится?

— Вряд ли. Потому и пришлось оставить.

— Возьмите бурку, полотнище и две жерди с фуры. Быстро!

Вильфрид Венцк, скрестив руки на груди, кашлянул.

— Мы на тракте, — резко сказал Ярпен Зигрин, не глядя на него. — На тракте в подмоге не отказывают.

— Холера. — Ярпен отнял руку ото лба Трисс. — Раскаленная что твоя печка. Не нравится мне это. А ежели тиф аль дизентерия?

— Это не может быть ни тиф, ни дизентерия, — убежденно солгал Геральт, накрывая больную попонами. — У чародеев иммунитет против таких болезней. Скорее всего пищевое отравление, ничего заразного.

— Хм... Ну ладно. Пойду пошурую в торбах. Было у меня когда-то доброе снадобье против поноса, может, еще немного осталось.

— Цири, — буркнул ведьмак, подавая девочке отвязанный от седла кожушок. — Иди спать, ты валишься с ног. Нет, не на воз. На воз положим Трисс. Ты ложись у костра.

— Нет, — тихо возразила Цири, глядя на удаляющегося краснолюда. — Я лягу рядом с ней. Когда они увидят, что ты меня от нее убираешь, они тебе не поверят. Подумают, что это заразительно, и выгонят нас, как те, с заставы.

— Заразно, — поправил ведьмак.

— Геральт, — вдруг прошептала чародейка, — где... мы?

— У друзей.

— Я здесь, — сказала Цири, глядя ее каштановые волосы. — Я с тобой. Не бойся. Чувствуешь, как тут тепло? Горит костер, а краснолюд сейчас принесет лекарство против... против желудка, то есть от...

— Геральт, — простонала Трисс, пытаясь выпростаться из-под покрывал. — Никаких... никаких магических эликсиров, запомни...

— Помню, помню. Лежи спокойно.

— Мне надо... Ох...

Ведьмак молча наклонился, поднял чародейку вместе с коконом покрывающих ее попон и отправился в лес, во тьму. Цири вздохнула и тут же повернулась, слыша тяжелые шаги. Из-за фуры вышел краснолюд, держа под мышкой большой сверток. Пламя костра играло на острие топора, засунутого за пояс, посверкивали пуговицы тяжелой куртки.

— Где больная? — буркнул он. — На помеле улетела?

Цири указала во мрак.

— Ясно, — кивнул Зигрин. — Я знаю эту боль и препаршивейшую слабость. Как был помоложе, жевал все, что удавалось отыскать или прибить, так что травился не раз. Кто она, чародейка ваша?

— Трисс Меригольд.

— Не знаю. Не слышал. Впрочем, я редко сталкиваюсь с Братством. Однако ж пора представиться. Меня зовут Ярпен Зигрин. А тебя, коза?

— Иначе, — буркнула Цири, сверкнув глазами.

— Так-так, — захохотал краснолюд. — Прощения просим. Не распознал во мраке-то. Так, стало быть, никакая не коза, а знатная девица. Низко кланяюсь. Ну и как же благородную девицу звать, ежели не секрет?

— Не секрет. Цири.

— Цири. Ага. И кто же ты такая, Цири?

— А вот это как раз и секрет. — Цири гордо задрала носик.

— Язычок у тебя, мазель, острый как осиное жало, — снова захохотал Ярпен. — Ну прости. Я принес снадобья и немного перекусить. Извольте принять. Или прогоните старого, неотесанного мужлана Ярпена Зигрина?

— Простите... — смутилась Цири, наклонила голову. — Трисс действительно необходима помощь, милсдарь... Зигрин. Она очень больна. Спасибо за лекарство.

— Пустое. — Краснолюд снова осклабился. — Пошли, Цири, поможешь нам. Снадобье-то еще приготовить надо. Накрутим пилюль по рецепту моей бабки. Супротив этих пилюль никакая засевшая в кишках зараза не устоит.

Он развернул сверток, вытащил что-то вроде куска торфа и небольшой

глиняный горшочек. Цири заинтересовалась, подошла.

— Следует знать, милейшая Цири, — сказал Ярпен, — что моя бабка разбиралась в лечении как никто. Дока была. Увы, источником всех и всяческих хворей считала безделье, а безделье лучше всего вылечивать батогом. Ко мне и моим родственникам таковое лечение она в основном применяла в профилактических целях. Колошматила нас по любому случаю и без того тоже. Исключительная была яга. А однажды, когда ни с того ни с сего дала мне краюшку хлеба с салом и сахаром, то так меня этим удивила, что я от волнения упустил эту краюшку салом вниз. Ну а бабка отлупила меня, карга старая. А потом дала другую краюшку, правда, уже без сахара.

— Моя бабушка, — понимающе кивнула Цири, — тоже однажды меня высекла. Розгами.

— Розгами? — засмеялся краснолюд. — Моя как-то отдубасила меня черенком от кайла. Ну хватит приятных воспоминаний, давай-ка пилюли крутить. Бери рви это и скручивай в шарики.

— Что это? Липнет и мажется... Фу... А воняет... ужас какой-то!

— Это специальное тесто из дерти. Отличное лекарство. Мни шарики. Поменьше, поменьше. Для чародейки, чай, делаешь, не для коровы. А ну дай-ка одну. Нормально. Теперь обваливаем шарики в снадобье.

— Фи...

— Завоняло? — Краснолюд сунул похожий на картофелину нос в горшочек. — Не может того быть. Растертый чеснок с горькой солью не должен так вонять, хочь сто лет простоит.

— Ну и отвратность! Трисс этого есть не станет!

— А мы сделаем, как моя бабка. Ты зажмешь ей нос, я стану запихивать пилюли.

— Ярпен, — прошипел Геральт, неожиданно появляясь из тьмы с чародейкой на руках. — Гляди, как бы я тебе чего-нибудь кой-куда не запихал.

— Это же лекарство, — обиделся краснолюд. — Помогает! Плесень, чеснок...

— Да, — слабо простонала Трисс из глубин своего кокона. — Верно, Геральт, это действительно должно помочь...

— Ну видишь? — Ярпен тыркнул Цири локтем, гордо задрав при этом бороду и показывая на Трисс, заглатывающую пилюлю с видом мученицы. — Мудрая волшебница. Знает что к чему.

— Что ты говоришь, Трисс? — наклонился ведьмак. — А, понимаю. Ярпен, может, у тебя есть лекарственный дягель? Или шафран?

— Поспрашиваю у своих. Я тут принес немного воды и ёдова...
— Спасибо. Но им прежде всего нужен отдых. Ложись, Цири.
— Я еще сделаю компресс для Трисс...
— Сам сделаю. Ярпен, надо бы поговорить.
— Пошли к костру. Откроем бочонок...
— Мне надо только с тобой. Большая компания мне ни к чему. Даже совсем наоборот.

— Ясно. Слушаю.
— Что это за обоз?

Краснолюд поднял на него свои маленькие пронизательные глаза, потом медленно и отчетливо сказал:

— Королевская служба.
— Об этом-то я догадался. — Ведьмак выдержал взгляд. — Ярпен, я спрашиваю не из пустого любопытства.
— Знаю. И что тебе надо, тоже знаю. Но это транспорт... хм... особого назначения.

— И что же вы транспортируете?
— Рыбу. Соленую, — не задумываясь сказал Ярпен, после чего не сморгнув глазом продолжал врать: — Фураж, инструмент, упряжь, всякую мелочевку для армии. Венцк — квартирмейстер королевской армии.

— Он такой же квартирмейстер, как я друид, — усмехнулся Геральт. — Впрочем, дело ваше, я не привык совать носа в чужие секреты. Но ведь ты видел, в каком состоянии Трисс. Позволь нам присоединиться, Ярпен, и разреши положить ее на одну из телег. На несколько дней. Я не спрашиваю, куда вы направляетесь, этот тракт ведет прямо на юг, разветвляется только за Ликселью, а до Ликсели десять дней пути. За это время жар спадет, и Трисс сможет ехать верхом, а если даже и нет, то я остановлюсь в городе за рекой. Понимаешь, десять дней на повозке, как следует накрытая, теплая пища... Прошу тебя.

— Не я тут командую, а Венцк.
— Думаю, ты можешь повлиять на него, раз конвой состоит в основном из краснолюдов. Ясно же, что он вынужден считаться с тобой.

— Что тебе Трисс? Кто она тебе?
— А это важно? В нашей ситуации?
— В нашей — не важно. Я спрашиваю из пустого любопытства, чтобы потом пустить сплетню по кабакам. Но, честно сказать, тебя так и тянет к чародейкам.

Ведьмак грустно улыбнулся.

— А девочка? — Ярпен головой указал на Цири, которая никак не

могла угнездиться под колушом. — Твоя?

— Моя, — не раздумывая ответил Геральт. — Моя, Зигрин.

Рассвет был мутным, мокрым, пахнущим ночным дождем и утренним туманом. Цири казалось, что она проспала всего несколько минут и, едва она успела прислониться к наваленным на телегу мешкам, ее разбудили.

Геральт в это время укладывал рядом с нею Трисс, которую только что принес из очередной вынужденной вылазки в лес. Попоны, которыми была укутана чародейка, искрились росой. У Геральта синели круги под глазами. Цири знала, что он так и не вздремнул — Трисс лихорадило всю ночь. Она очень страдала.

— Я тебя разбудил? Прости. Спи. Еще рано.

— Что с Трисс? Как она себя чувствует?

— Лучше, — простонала чародейка. — Лучше, но... Геральт, послушай... я хотела тебе...

— Да? — наклонился к ней ведьмак, но Трисс уже спала. Он выпрямился, потянулся.

— Геральт, — шепнула Цири, — нам позволят... ехать на телеге?

— Посмотрим. — Он закусил губу. — Пока можешь, спи. Отдыхай.

Он спрыгнул с воза. Цири слышала звуки, свидетельствующие о том, что бивак начали сворачивать, — топот коней, звон упряжи, скрип дышел, щелканье замков для пристяжных, разговоры и перебранку. А потом, совсем близко, хриплый голос Ярпена Зигрина, спокойный — высокого мужчины по имени Венцк и холодный — Геральта. Она приподнялась, осторожно выглянула из-за полотнища, прикрывающего фуру.

— В отношении этого я не получал прямых запретов, — сказал Венцк.

— Прекрасно, — повеселел краснолюд. — Стало быть, дело решено?

Комиссар поднял руку, показав, что еще не кончил. Некоторое время все молчали. Геральт и Ярпен терпеливо ждали.

— Тем не менее, — сказал наконец Венцк, — я отвечаю головой за то, чтобы обоз добрался до места назначения.

Он снова замолчал. Никто не перебивал. Было ясно, что тому, кто надумал разговаривать с комиссаром, следовало привыкать к долгим паузам между фразами.

— Чтобы добрался без происшествий, — докончил он спустя минуту. — И в назначенный срок. А забота о больной может нас задержать.

— Мы идем с опережением, — заверил его Ярпен, немного переждав. — Идем впереди времени, господин Венцк, срок выдержим. А что касается безопасности... Сдается мне, ведьмак нам не помеха. Дорога до самой Ликсели идет лесами, по обе стороны дикая пуща. А по пуще, говорят, болтаются всякие вредные существа.

— Действительно, — согласился комиссар. Глядя ведьмаку в глаза, он, казалось, взвешивает каждое слово. — Последнее время в каэдвенских лесах можно встретить самых разных вредных существ, подзуживаемых не менее вредными существами. Они могут угрожать нашей безопасности. Король Хенсельт, зная о том, дал мне право приглашать добровольцев в помощь вооруженному эскорту. Господин Геральт, я думаю, это решило бы нашу проблему.

Ведмак молчал долго, дольше, чем заняла вся речь Венцка, густо пересыпанная паузами.

— Нет, — сказал он наконец, — нет, господин Венцк. Скажем ясно. Я готов отплатить за помощь, оказанную госпоже Меригольд, но не в такой форме. Могу присматривать за лошадьми, носить воду и дрова, даже кухарить. Но кнехтом у короля не стану. Прошу на мой меч не рассчитывать. Я не намерен убивать этих, как вы сообразовали выразиться, вредных существ по приказу других существ, которых отнюдь не считаю менее вредными.

Цири услышала, как Ярпен Зигрин громко засопел и кашлянул в кулак. Венцк спокойно смотрел на ведьмака.

— Понимаю, — бросил он сухо. — Люблю ясность. Хорошо. Господин Зигрин, прошу побеспокоиться, чтобы наше движение не замедлилось. Что же до вас, господин Геральт... Думаю, вы окажетесь полезным и нужным в том, в чем сочтете возможным. И вас, и меня оскорбило бы, если б вашу полезность я рассматривал как плату за помощь, оказанную страдающей женщине. Она сегодня чувствует себя лучше?

Ведмак утвердительно наклонил голову, несколько ниже и любезнее, чем делал это обычно, как показалось Цири. Выражение лица Венцка не изменилось.

— Я рад, — сказал он после привычной уже паузы. — Взяв госпожу Меригольд на одну из фур, я принимаю на себя ответственность за ее здоровье, удобство и безопасность. Господин Зигрин, прикажите трогаться.

— Господин Венцк!

— Слушаю, господин Геральт.

— Благодарю вас.

Комиссар наклонил голову. Как показалось Цири, тоже несколько ниже

и любезнее, нежели того требовали обычные, ни к чему не обязывающие приличия.

Ярпен Зигрин пробежал вдоль колонны, громко выкрикивая приказы и распоряжения. Затем взгромоздился на козлы, гикнул и стегнул лошадей. Фура дернулась и загромыкала по лесной дороге. Тряска разбудила Трисс, но Цири успокоила ее, сменила компресс на лбу. Качка действовала усыпляюще. Чародейка вскоре заснула. Цири тоже задремала, а когда проснулась, солнце уже стояло высоко. Она выглянула из-за бочек и тюков. Фура, на которой она ехала, возглавляла обоз. Следующей управлял краснолюд с повязанным вокруг шеи красным платком. Из разговоров, которые краснолюды вели между собой, Цири знала, что его зовут Паулье Дальберг. Рядом с Паулье сидел его брат Реган. Видно было и Венцка, едущего верхом в сопровождении двух коморников.

Плотва, кобыла Геральта, привязанная к телеге, тихо заржала, приветствуя Цири. Каштанки и буланого мерина нигде не было видно. Вероятно, они шли позади вместе с запасными лошадьми обоза.

Геральт сидел на козлах рядом с Ярпеном. Они тихо беседовали, время от времени потягивая пиво из стоявшего между ними бочонка. Цири начала было прислушиваться, но вскоре это ей наскучило — разговор шел о политике, в основном о планах и намерениях короля Хенсельта и каких-то специальных службах и специальных задачах, сводящихся к тайной помощи оказавшемуся под угрозой войны соседу, королю Демавенду из Аэдиерна. Ярпен, не обращая внимания на пробивающуюся в голосе ведьмака насмешку, объяснял, что некоторые виды рыб настолько ценны, что вполне хватает нескольких телег, чтобы покрыть годовое жалованье хоругви латников, а каждая новая хоругвь латников — это уже существенная помощь. Геральт с удивлением спросил, чего ради такой поклаже быть секретной, на что краснолюд ответил, что как раз в этом-то и состоит секрет.

Трисс дернулась во сне, сбросила компресс и что-то еле слышно пробормотала. Потребовала от какого-то Кевина, чтобы тот не давал воли рукам, и тут же отметила, что от Предназначения не уйдешь. Наконец, заявив, что все, ну абсолютно все вокруг являются в определенной степени мутантами, спокойно уснула.

Цири тоже почувствовала сонливость, но ее привел в себя громкий хохот Ярпена, который, как оказалось, напоминал Геральту о былых приключениях. Речь шла об охоте на золотого дракона, который, вместо того чтобы позволить себя прикончить, взял да пересчитал охотникам кости, а сапожника по имени Козоед попросту съел. Цири стала

прислушиваться с большим интересом.

Геральт спросил о судьбах рубайл, но Ярпен ничего не знал о них. В свою очередь Ярпен поинтересовался женщиной по имени Йеннифэр, а Геральт почему-то сделался удивительно немногословным. Краснолюд хлебнул пива и принялся сетовать на то, что упомянутая Йеннифэр все еще обижается на него, хоть с тех пор минул уже не один годок.

— Я столкнулся с ней на ярмарке в Горс Велене, — повествовал он. — Едва увидев меня, она фыркнула навроде кошки и самыми что ни на есть ужасными словами отозвалась о моей покойной матушке. Я удрал со всей доступной мне скоростью, а она крикнула вослед, что когда-нить еще достанет меня, и уж тогда-то у меня из задницы трава вырастет.

Цири захихикала, представив себе Ярпена с травой, торчащей из штанов. Геральт буркнул что-то о женщинах и их неуравновешенных характерах, а краснолюд счел это чересчур мягким определением бабской зловредности, жестокости и мстительности.

Ведьмак темы не поддержал, и Цири опять задремала.

На этот раз ее разбудили возбужденные голоса. Точнее, слова Ярпена, который кричал:

— Именно так! И не иначе! Я так решил!

— Тише, — спокойно сказал ведьмак. — На телеге больная женщина. Пойми же, я не критикую ни твоих решений, ни постановлений...

— Еще бы, — язвительно прервал краснолюд. — Ты всего лишь многозначительно ухмыляешься.

— Ярпен, я тебя по-дружески предупреждаю. Тех, что сидят верхом на заборе, ненавидят обе стороны. В лучшем случае относятся к ним с недоверием.

— Я не сижу верхом. Я четко держусь одной стороны...

— Для этой стороны ты на веки вечные был и останешься краснолюдом. Чужаком. А для противоположной...

Он замолчал.

— Ну! — буркнул Ярпен, отворачиваясь. — Ну давай, чего ждешь? Скажи, что я предатель и пес на поводке у человеков, готовый за горсть серебра и миску отвратной жратвы броситься на побратимов, которые восстали против вас и бьются за свободу. Ну давай, давай, выблюй это из себя. Не терплю недомолвок.

— Нет, Ярпен, — тихо сказал Геральт. — Ничего я выблевывать не собираюсь.

— Ах, не собираешься. — Краснолюд хлестнул лошадей. — Тебе не хочется? Ты предпочитаешь глядеть и ухмыляться? Мне ты не скажешь ни

слова, да? Но Венцку мог? «Прошу не рассчитывать на мой меч». Ах, как возвышенно, благородно, по-рыцарски! Иди ты к псу под хвост со своим благородством! И затраханной гордостью!

— Я просто-напросто хочу быть честным. Не хочу впутываться в этот конфликт. Хочу сохранить нейтралитет.

— Не выйдет! — рявкнул Ярпен. — Нейтралитет сохранить не удастся, понимаешь? Нет, ничего ты не понимаешь. Слушай, мотай с моей телеги и садись на коня. Прочь с глаз моих, зануда нейтральная. Ты действуешь мне на нервы.

Геральт отвернулся. Цири затаила дыхание. Но ведьмак не произнес ни слова. Просто прыгнул с телеги, быстро, мягко, ловко. Ярпен переждал, пока тот отвяжет Плотву, и снова хлестнул лошадей, бормоча себе в бороду какие-то непонятные, но исключительно ярко звучащие слова.

Цири поднялась, чтобы тоже прыгнуть и отыскать свою Каштанку. Краснолюд повернулся, окинул ее неприязненным взглядом.

— С тобой тоже одна мука, коза, — зло фыркнул он. — Больно нужны нам тут бабы и девчонки, черт побери, отлить с козел не могу, всякий раз приходится останавливать лошадей и лезть в кусты!

Цири уперлась кулачками в бока, тряхнула пепельной челкой и задрала нос.

— Да? — пустила она петуха. — Пива надо меньше пить, господин Зигрин, так реже хотеться будет.

— Тебе-то что до моего пива, сопливка!

— Не верещите! Трисс только что уснула!

— Моя телега! Буду верещать, ежели мне так желается!

— Бревно!

— Чего-чего? Ах ты, коза бесстыжая!

— Бревно! Бревно!!!

— Я те щас покажу бревно... О дьявол! Тпррр! Бревно!!!

Краснолюд сильно откинулся назад, натянул вожжи в последний момент, когда лошади уже собирались переступить через перекрывающий дорогу ствол сосны. Ярпен привстал на козлах, кроя по-человечьи и краснолюдски, свистя и рыча, остановил упряжку. Краснолюды и люди, соскочив с телег, подбежали, помогли отвести лошадей на свободную дорогу.

— Задремал, никак, Ярпен? — буркнул, подходя, Паулье Дальберг. — Черт, если б наехал, ось бы полетела, колеса к черту. Что ты, мать твою...

— Мотай отседова, Паулье! — рявкнул Ярпен Зигрин и зло хлестнул вожжами по конским крупам.

— Счастливец, — сладенько проговорила Цири, усаживаясь на козлы рядом с краснолюдом. — Сами видите, лучше держать на телеге ведьмачку, чем ехать одному. Вовремя я крикнула. А вот если б вы в это время... отливали с козел и наехали на бревно? Ну, ну. Страшно подумать, что с вами могло тогда случиться.

— Ты заткнешься?

— Уже молчу. Ни словечка.

Она выдержала не больше минуты:

— Господин Зигрин?

— Никакой я не господин. — Краснолюд тыркнул ее локтем. Ухмыльнулся. — Я Ярпен. Ясно? Давай поведем телегу вместе, э?

— Ясно. Можно подержать вожжи?

— Погодь, не так. Наложь на палец указательный, прижми большим, о, вот так. Левую так же. Не дергай, не натягивай слишком.

— Так хорошо?

— Хорошо.

— Ярпен?

— Ну?

— Что значит «сохранять нейтралитет»?

— Быть равнодушным, безразличным, — нехотя буркнул он. — Не давай вожжам провисать. Левую сильнее на себя!

— Как это «безразличным»? К чему безразличным?

Краснолюд сильно наклонился и сплюнул под телегу.

— Если скоя'таэли нападут на нас, твой Геральт намерен стоять и спокойно посматривать, как они будут перерезать нам глотки. Ты, вероятно, приткнешься рядышком, ведь это будет наглядный урок. Тема занятий: поведение ведьмака в конфликте разумных рас.

— Не понимаю.

— Этому-то я как раз несколько не удивляюсь.

— Поэтому вы с ним ругались? Кто они, собственно, такие, эти скоя'таэли? Эти... белки?

— Цири. — Ярпен яростно растрепал бороду. — Это не для маленьких девчонок.

— Ну вот, теперь ты на меня злишься. Я вовсе не маленькая. Я слышала, как о белках говорили солдаты на заставе. Видела... двух убитых эльфов. А рыцарь говорил, что они... тоже убивают. И что среди скоя'таэлей не только эльфы. Краснолюды тоже есть.

— Знаю, — сухо сказал Ярпен.

— А ты ведь тоже краснолюд.

— Это уж точно.

— Почему же ты боишься белок? Они вроде бы дерутся только с людьми.

— Все не так просто, — задумался он. — К сожалению.

Цири долго молчала, покусывая нижнюю губу и морща носик. Потом сказала:

— Знаю. Белки борются за свободу. А ты, хоть и краснотел, но работаешь в специальной секретной службе короля Хенсельта и ходишь как пес на поводке у человека.

Ярпен хмыкнул, утер нос рукавом и выглянул с козел, проверяя, не подъехал ли Венцк слишком близко. Но комиссар, занятый беседой с Геральтом, был далеко.

— Слух у тебя что надо, деваха, прямо как у сурка, — широко ухмыльнулся он. — Да ты и попонятливее тех, кому на роду написано рожать детей, варить похлебки да прясть. Тебе кажется, будто ты знаешь все? Это потому, что ты еще ребенок. Не делай дурашливых рожиц, годков тебе это не прибавит, только становишься еще некрасивее, чем обычно. Удачно, признаю, ты поняла скоя'таэлей, понравилось тебе это словцо. Знаешь, почему ты так хорошо их понимаешь? Потому что скоя'таэли тоже вроде детишек. Шпань, которая не понимает, что ее подзуживают, науськивают, что кто-то использует их ребячью дурость, подкармливая сказочками о свободе.

— Но ведь они действительно борются за свободу. — Цири подняла голову, взглянула на краснотела широко раскрытыми зелеными глазами. — Как дриады в лесу Брокилон. Они убивают людей, потому что люди... некоторые люди творят им зло. Потому что когда-то это была ваша земля, краснотелов и эльфов и этих, как их, низушков, гномов и других... А теперь тут поселились люди, вот эльфы и...

— Эльфы! — фыркнул Ярпен. — Уж если быть точным, как раз они-то тут такие не пришей кобыле хвост, как и вы, люди, хоть и прибыли на своих белых кораблях за добрых тысячу лет до вас. Теперь-то они наперебой лезут со своей дружбой, теперь-то мы братья, теперь-то лыбятся, болтают: «Мы сородичи, побратимы, мы Старшие Народы». А раньше эти их... хм, хм... Раньше-то у нас мимо ушей свистели их стрелы, когда мы...

— Так первыми в мире были краснотелы?

— Если быть точными — гномы. В этой части света. Потому что мир невообразимо велик, Цири.

— Знаю. Я видела карту...

— Не могла ты видеть. Никто еще не нарисовал такой карты, и

сомневаюсь, что это вскоре случится. Никто не знает, что лежит там, за Огненными горами и Великим морем. Даже эльфы, хотя и похваляются, мол, знают все. Ни хрена они не знают, поверь мне...

— Хм... А теперь... Ведь людей гораздо больше, чем... чем вас.

— Потому что плодитесь вы как кролики, — скрежетнул зубами краснолюд. — Ничего вам не надо, только бы трахаться вокруг, без разбора, с кем попало и где попало. А вашим бабам стоит сесть мужику на штаны, как живот вздувается... Ну, чего покраснела, ровно мак полевой? Хотела понять? Вот тебе голая правда и верная история мира, которым владеет тот, кто удачнее разделяет другим черепа и быстрее накачивает своих баб. А с вами, людьми, трудно конкурировать как в смертоубийстве, так и в... траханье...

— Ярпен, — холодно сказал Геральт, подъехав на Плотве. — Сдержись немного, будь любезен, в выборе слов. А ты, Цири, перестань играть в возницу, загляни к Трисс, проверь, не проснулась ли и не надо ли ей чего.

— Давно уже проснулась, — проговорила слабым голосом чародейка из глубины фуры. — Но не хотела... прерывать очень, поверь, любопытную беседу. Не мешай, Геральт. Хотелось бы... побольше узнать о влиянии траханья на прогресс общества.

— Можно согреть немного воды? Трисс хочет умыться.

— Валяй, — разрешил Ярпен Зигрин. — Ксавьер, сыми вертел с огня, наш заяц готов. Давай котел, Цири. Ого! Полный до краев! Одна притащила от ручья такую тяжесть?

— Я сильная.

Старший из братьев Дальбергов прыснул.

— Не суди по внешности, Паулье, — серьезно сказал Ярпен, ловко разделявая обжаренного зайца на порции. — Не над чем смеяться. Она девица щупленькая, верно, но, вижу, крепенькая и выносливая. Она навроде кожаного ремня: тонкий, а руками не разорвешь. Да и повесишься — тоже выдержит.

Никто не засмеялся. Цири подошла к развалившимся вокруг костра краснолюдом. На этот раз Ярпен Зигрин и четверка его парней развели собственный костер, потому что зайцем, которого подстрелил Ксавьер Моран, делиться не собирались. Им самим едва хватало на один, ну два укуса.

— Подкинь-ка в огонь, — сказал Ярпен, облизывая пальцы. — Вода шибчей закипит.

— Вода — дурь, — заметил Реган Дальберг, выплюнув косточку. — Мытье хворой токмо навредить может. Да и здоровому тожить. Помните старого Шрадера? Жена ему однажды велела помыться, и вскорости после того помер Шрадер-то.

— Потому как бешеный пес покусал.

— А не мылся б, то и пес не покусал бы.

— Я тоже думаю, — заметила Цири, проверяя пальцем температуру воды в котле, — что ежедневно мыться — это уж слишком. Но Трисс просит, а однажды даже заплакала... Вот мы с Геральтом и...

— Знаем, — кивнул старший Дальберг. — Но то, что ведьмак... Никак надивиться не могу. Эй, Зигрин, ежели б у тебя была баба, ты бы мыл ее и чесал? Носил бы на руках в кусты, чтобы она...

— Заткнись, Паулье, — прервал Ярпен. — Ты про ведьмака не того... Это порядочный мужик.

— А я чего? Я ничего. Удивляюсь токмо...

— Трисс, — задиристо вставила Цири, — вовсе не его баба.

— Тем больше удивляюсь.

— Тем больший ты дуб, стало быть, — подвел итог Ярпен. — Цири, отлей малость воды на кипяток, заварим чародейке еще шафрана с маком. Сегодня ей вроде получшало? А?

— Пожалуй, — буркнул Янник Брасс. — Ради нее пришлось задерживать обоз всего шесть разов. Я, конечным делом, знаю, нельзя отказывать в помощи на тракте, дурак тот, кто мыслит иначе. А кто откажет, тот воще свехдурак и подлый сукин сын. Но слишком уж долго мы в этих лесах топчемся, слишком долго, говорю вам. Искушаем судьбу, холера, слишком уж мы судьбу испытываем, парни. Тут опасно. Скоя'таэли...

— Сплюнь, Янник.

— Тьфу, тьфу. Ярпен, я драки не боюсь, и кровь лить не впервой, но... Ежели придет дело драться со своими... Мать их! Почему это нам выпало? Этот засратый груз должна сопровождать засратая сотняга конных, не мы. Чтоб черти побрали умников из Ард Каррайга, чтоб их...

— Заткнись, говорю. Давай лучше горшок с кашей. Зайчатинкой, мать его так, червячка заморили, теперь надо чего-нибудь съесть. Цири, поешь с нами?

— Конечно.

Долго было слышно лишь чавканье, чмоканье да стук сталкивающихся

в горшке деревянных ложек.

— Зараза, — сказал Паулье Дальберг и протяжно рыгнул. — Я б еще чего съел.

— Я тоже, — поддержала Цири и тоже рыгнула, восхищенная простецкими манерами краснолюдов.

— Только не каши, — сказал Ксавьер Моран. — Уже в глотке стоит эта пшенка. Солонина тоже обрыдла.

— Ну так нажрись травы, ежели у тебя такой изячный скус.

— Иль березу ошкурь зубами. Бобры — вон те этак делают и живы.

— Бобра б я, пожалуй, съел.

— А я — рыбки, — размечтался Паулье, с хрустом разгрызая добытый из-за пазухи сухарь. — Хоцца мне рыбки, ей-бо.

— Так наловим рыбы.

— Где? — проворчат Янник Брасс. — В кустах?

— В ручье.

— Тоже мне ручей. На другой берег нассать можно. Какая там может быть рыба?

— Есть там рыбы. — Цири облизнула ложку и сунула за голенище. — Я видела, когда ходила по воду. Но какие-то больные. У них сыпь. Черные и красные пятна...

— Форель! — рыкнул Паулье, брызгая крошками сухаря. — А ну, ребята, к ручью! Реган! Скидывай портки! Сделаем сачок из твоих портков.

— Почему из моих?

— Стаскивай мигом, не то по шее получишь, молокосос! Тебе мать что сказала? Меня слушать!

— Поспешите, если хотите рыбачить, вот-вот стемнеет, — сказал Ярпен. — Цири, вода вскипела? Оставь, оставь, ошпаришься и вымажешься котлом-то. Знаю, что сильная, но уж позволь, я отнесу.

Геральт уже ожидал. Они издалека заметили его белые волосы между раздвинутыми полотнищами фуры. Краснолюд перелил воду в бадейку.

— Помощь нужна, ведьмак?

— Спасибо, Ярпен, Цири поможет.

Температура у Трисс уже спала, но слабость была прямо-таки чудовищной. Геральт и Цири уже наловчились ее раздевать и мыть, научились притормаживать ее благородные, но пока непосильные порывы к самостоятельности. Дело шло на удивление справно — он держал чародейку в объятиях, Цири мыла и вытирала. Одно только Цири удивляло и раздражало — Трисс излишне уж крепко, по ее мнению, прижималась к

Геральту. В этот раз даже пыталась его поцеловать.

Геральт движением головы указал на вьюки чародейки. Цири поняла сразу, потому что это тоже входило в ритуал: Трисс всегда требовала, чтобы ее причесывали. Девочка отыскала гребень, опустилась на колени. Трисс, наклонив к ней голову, обхватила ведьмака. По мнению Цири, слишком уж крепко.

— Ах, Геральт, — разрыдалась чародейка. — Как жаль... Какая жалость, что все, что было между нами...

— Трисс, прошу тебя...

— ...не случится теперь... Когда я выздоровею... Все было бы совсем иначе... Я могла бы... Я могла бы даже...

— Трисс!

— Я завидую Йеннифэр... Я ревную тебя к ней...

— Цири, уйди.

— Но...

— Прошу тебя...

Цири спрыгнула с телеги и налетела прямо на Ярпена, который ожидал, опершись о колесо и задумчиво покусывая длинную травинку. Краснолюд поймал ее. Ему не пришлось даже наклоняться, как Геральту. Он был вовсе не выше ее ростом.

— Никогда не совершай такой ошибки, маленькая ведьмачка, — буркнул он, косясь на телегу. — Если кто-нибудь проявит к тебе сочувствие, симпатию и преданность, если удивит благородством характера, цени это, но не перепутай с... чем-то другим...

— Подслушивать нехорошо.

— Знаю. И небезопасно. Я едва успел отскочить, когда ты выплеснула смывки из бадейки. Пошли глянем, сколько форелей попало в Регановы портки.

— Ярпен?

— Хе?

— Я тебя люблю.

— Я тебя тоже, коза.

— Но ты краснолюд. А я нет.

— А какое это... Да. Скоя'таэли. Ты имеешь в виду белок, да? Это не дает тебе покоя, а?

Цири высвободилась из-под тяжелой руки.

— Тебе тоже не дает. И другим. Я же вижу.

Краснолюд молчал.

— Ярпен?

— Слушаю.

— Кто прав? Белки или вы? Геральт хочет быть... нейтральным. Ты служишь королю Хенсельту, хоть сам — краснолюд. А рыцарь на заставе кричал, что все — наши враги и что всех надо... Всех! Даже детей. Почему? Ярпен? Кто же прав?

— Не знаю, — с трудом проговорил краснолюд. — Я не набрался премудростей. Делаю так, как считаю нужным. Белки взяли за оружие, ушли в леса. Людей — в море, кричат, не зная даже, что это сомнительное требование им подбросили нильфгаардские лазутчики. Не понимая, что эти слова адресованы не им, а людям, что они должны пробудить людскую ненависть, а не боевой задор юных эльфов. Я это понял, поэтому то, что вытворяют скоя'таэли, считаю преступной глупостью. Что ж, через несколько лет меня за это, возможно, окрестят предателем и продажной тварью, а их станут именовать героями... Наша история, история нашего мира, знает такие случаи.

Он замолчал, поскреб бороду. Цири тоже молчала.

— Элирена... — неожиданно буркнул он. — Ежели Элирена была героиней, ежели то, что она сделала, называется геройством, то ничего не попишешь, пусть меня обзывают предателем и трусом. Потому что я, Ярпен Зигрин, трус, предатель и ренегат, утверждаю, что мы не должны истреблять друг друга. Я утверждаю, что мы должны жить. Жить так, чтобы позже ни у кого не пришлось просить прощения. Героическая Элирена... Ей пришлось. Простите меня, умоляла она, простите. Сто дьяволов! Лучше сгинуть, чем жить с сознанием, что ты сделал что-то такое, за что приходится просить прощения.

Он снова замолчал. Цири не задавала вопросов, так и просившихся на язык. Инстинктивно чувствовала, что этого делать не следует.

— Мы должны жить рядом, — продолжал Ярпен. — Мы и вы, люди. Другого выхода у нас нет. Двести лет мы об этом знаем и больше ста работаем на это. Ты хочешь знать, почему я поступил на службу к Хенсельту, почему принял такое решение? Я не могу допустить, чтобы то, над чем мы работаем, пошло коту под хвост. Сто лет с лишком мы пытались сжиться с людьми. Низушки, гномы, мы, даже эльфы. Я не говорю о русалках, нимфах и сильфидах, эти всегда были дикарьками, даже когда о вас тут и слуху не было. Тысяча чертей, это тянулось сто лет, но нам как-никак удалось наладить совместную жизнь, бок о бок, вместе, нам удалось частично убедить людей, что мы очень мало отличаемся друг от друга.

— Мы вообще не отличаемся, Ярпен.

Краснолюд резко обернулся.

— Мы вообще не отличаемся, — повторила Цири. — Ведь ты мыслишь и чувствуешь так же, как Геральт. И как... как я. Мы едим одно и то же, из одного котла. Ты помогаешь Трисс, и я тоже. У тебя была бабушка, и у меня... Мою бабушку убили нильфгаардцы. В Цинтре.

— А мою — люди, — с трудом сказал Ярпен. — В Бругге. Во время погрома.

— Конные! — крикнул кто-то из людей Венцка, ехавший в головном дозоре. — Конные впереди!

Комиссар помчался к телеге Ярпена. Геральт приблизился с другой стороны.

— Назад, Цири! — резко бросил он. — Слезай с козел и назад. Будь при Трисс.

— Оттуда ничего не видно!

— Кончай базарить! — буркнул Ярпен. — А ну быстро назад! И дай мне чекан. Он под кожихом.

— Это? — Цири показала тяжелый, отвратно выглядевший предмет, напоминающий молот с острым, слегка искривленным крюком на стороне, противоположной бойку.

— Угу, — подтвердил краснолюд. Он засунул черенок чекана за голенище, а топор положил на колени. Венцк, внешне спокойный, смотрел на дорогу, приставив руку ко лбу.

— Легкая кавалерия из Бен Глеана, — сказал он через минуту. — Так называемая Медвежья Хоругвь, узнаю по плащам и бобровым шапкам. Сохраняйте спокойствие. Внимание тоже. Плащи и бобровые шапки довольно легко меняют хозяев.

Конники быстро приближались. Их было около десятка. Цири видела, как на своем возу Паулье Дальберг кладет на колени два натянутых самострела, а Реган накрывает их попоной. Она тихо вылезла из-под полотнища, спрятавшись, однако, за широкой спиной Ярпена. Трисс попробовала подняться, чертыхнулась и упала на подстилку.

— Стой! — крикнул первый из конных, несомненно, командир. — Кто такие? Откуда и куда?

— А кто спрашивает? — Венцк спокойно выпрямился в седле. — И по какому праву?

— Армия короля Хенсельта! А спрашивает десятник Зывик. И повторять он не привык! Отвечай немедленно. Кто такие, а?

— Служба квартирмейстера королевской армии.

— Кажный может сказать! Не вижу никого в королевских цветах!

— Приблизься, десятник, и повнимательнее взгляни на мой перстень.

— Чего вы мне тут кольца разблестелись? — выкрикнул десятник. — Что я, все кольца в мире знаю, аль как? Такой перстень может быть у кого хошь. Тоже мне, важный знак!

Ярпен Зигрин встал на козлах, поднял топор и резко подсунул его десятнику под нос.

— А такой знак тебе ведом? — буркнул он при этом. — Нюхни и запомни запах.

Десятник рванул поводья, развернул лошадь.

— Пугать меня надумал? — рывкнул он. — Меня? Я на королевской службе.

— И мы тоже, — тихо сказал Венцк. — И, думаю, подольше, чем ты. Не ерепенься, солдат, миром советую.

— Я здесь охрану несую! Откедова мне знать, кто вы такие?

— Ты перстень видел? — процедил комиссар. — И если знаков на камне не узнаешь, то меня начинает интересовать, ты-то кто таков? На флажке Медвежьей Хоругви выткан такой же знак. Должны знать.

Солдат явно опешил, на что, вероятно, одинаково повлияло и спокойствие Венцка, и угрюмые, решительные лица, выглядывающие из фургонов эскорта.

— Хм... — сказал он, сдвигая шапку к левому уху. — Ладно. Если вы и вправду те, за кого себя выдаете, не будете, думаю, супротив, ежели взгляну, что на возах.

— Будем, — насупился Венцк. — К тому же очень. Нет тебе никакого дела до нашего груза, десятник. Да и не понимаю, чего ты можешь в нем искать.

— Не понимаете, — покачал головой солдат, кладя руку на рукоять меча. — Так скажу. Торговля людьми запрещена, а хватает таких, кои продают невольников Нильфгаарду. Ежели людей в колодках на возах найду, не докажете мне, что королю служите. Хоть дюжину колечек выставьте.

— Хорошо, — сухо сказал Венцк. — Если о невольниках речь... Ищи. Разрешаю.

Солдат шагом подъехал к среднему фургону, наклонился в седле, приподнял полотно.

— Что в бочках?

— А что должно быть? Невольники? — съязвил Янник Брасс, рассевшись на козлах.

— Спрашиваю — что? Так отвечайте.

— Соленая рыба.

— А в тех вона ящиках? — Солдат подъехал к следующему возу, пнул по бортику.

— Подковы, — проворчал Паулье Дальберг. — А там, позади, буйволиные шкуры.

— Вижу, — махнул рукой десятник, чмокнул коню, поехал вперед, заглянул в фургон Ярпена.

— А чтой-то там за баба лежит?

Трисс Меригольд слабо улыбнулась, приподнялась на локте, сделав рукой короткий сложный жест.

— Кто? Я? — тихонько спросила она. — Ты же меня вообще не видишь.

Солдат нервно заморгал, вздрогнул.

— Соленые рыбы, — убежденно сказал он, опуская полотно. — Порядок. А этот ребенок?

— Сушеные грибы, — сказала Цири, нахально глядя на него. Солдат замолк, замер с открытым ртом.

— Ну да? — спросил он минуту погодя. — Чего?

— Закончил осмотр, вояка? — холодно поинтересовался Венцк, подъезжая с другой стороны фургона. Солдат с трудом оторвал взгляд от зеленых глаз Цири.

— Закончил. Ехайте, ведем вас Бог. Но поглядывайте. Два дни тому скотоели под корень вырезали конный разъезд у Барсучьего Яра. Сильная, большая была ихая бригада. Конечным делом, Барсучий Яр отседова далече. Только эльф по лесу прет шибче ветра. Нам велено облаву замкнуть, да разве эльфа схватишь? Все едино что ветер в решето ловить...

— Ну довольно, мы не любопытные, — нелюбезно прервал комиссар. — Время не ждет, у нас еще дальняя дорога.

— Ну бывайте. Эй, там, за мной!

— Слышал, Геральт? — проворчал Ярпен Зигрин, глядя вслед удаляющемуся разъезду. — Чертовы белки в округе. Как чуял. Все время мурашки по спине бегали, словно мне из лука прямо в крестец кто метил. Нет, мать их, нельзя ехать все время вслепую, как доселе, посвистывая, подремывая да сонно попердывая. Надо знать, что впереди. Послушай, есть мысль.

Цири резко дернула Каштанку, сразу сорвалась в галоп, низко наклонившись в седле. Геральт, занятый разговором с Венцком, выпрямился.

— Не дури! — крикнул он. — Без фокусов, девка! Хочешь шею сломать? И не отъезжай очень-то далеко...

Больше она не услышала ничего, слишком сильно вырвалась вперед. Сделала это нарочно, надоело выслушивать ежедневные поучения. «Не так быстро, не так резко, Цири. Та-та-та! Не отдайся! Па-па-па! Будь осторожна! Па-па! Ну совсем так, будто я девчонка малая, — подумала она. — А мне уже почти тринадцать, у меня резвая Каштанка и острый меч за спиной. И ничего я не боюсь! И... весна кругом».

— Эй, смотри, задок сотрешь!

«Ярпен Зигрин. Еще один мудрила! Па-па!»

Дальше, дальше, галопом по выбоинам, через зеленые травы и кустики, через серебристые лужи, через золотой влажный песок, через перистые папоротники. Испуганная лань умчалась в лес, только сверкнула в прыжках черно-белым фонариком зада. С деревьев взлетают птицы — цветастые сойки и золотистые щурки, черные болтливые сороки со смешными хвостами. Из-под копыт взмывается вода в лужах и выбоинах.

Дальше, дальше! Лошадь, которая слишком долго еле-еле шевелила ногами, плетясь за обозом, идет легко, мчится резво, быстро, ее радует скорость, играют мускулы, влажная грива хлещет Цири по лицу. Лошадь вытягивает шею. Цири отпускает поводья. Дальше, лошадка, не грызи удила и мундштук, дальше, в карьер, в карьер, быстрее, быстрее! Весна!

Она придержала Каштанку, оглянулась. Ну наконец-то одна. Наконец-то далеко. Уже никто не поругает, не станет увещевать, не обратит внимания, не будет грозиться, что покончит, мол, с такими поездочками. Наконец-то одна, свободна, вольна и независима.

Теперь помедленнее. Легкой рысью. Ведь это же прогулка не ради одного только удовольствия, у нее тоже есть определенные обязанности. Ведь сейчас она — конный разъезд, патруль, передовое охранение. «Ха, — думает Цири, осматриваясь, — безопасность всего обоза сейчас зависит от меня. Все с нетерпением ждут, когда я вернусь и доложу: дорога свободна, никого не видела, ни следов колес, ни копыт. Доложу, а тогда тощий господин Венцк с холодными голубыми глазами серьезно кивнет, Ярпен Зигрин оскалит желтые конские зубы, Паулье Дальберг кивнет: молодец,

малыш! А Геральт едва-едва улыбнется. Улыбнется, хотя последнее время он улыбается так редко».

Цири осматривается, все фиксирует в памяти. Две поваленные березки — не проблема. Куча веток — не страшно, телеги пройдут. Промытый дождем ровик — что за преграда, колеса первой фуры пробьют колею, остальные пройдут следом. Большая поляна — отличное место для привала...

Следы? Какие тут могут быть следы! Никого тут нет. Лес. Птицы верещат среди свежих, зеленых листиков. Коричнево-рыжая лиса не спеша перебежала дорогу... И все пахнет весной.

Дорога переламывается на половине холма, скрывается в песчанистом яре, уходит под кривые сосенки. Цири съезжает с дороги, взбирается по склону, чтобы сверху осмотреть район. И коснуться мокрых, пахучих листьев.

Соскакивает с седла, забрасывает вожжи на сук, медленно идет через покрывающий холм можжевельник. По другую сторону холма видна проплешина, зияющая в гуще леса, словно кто-то выгрыз часть деревьев: вероятно, след после пожара, который полыхал здесь давным-давно, потому что нигде не видно пепелища, всюду зелено от невысоких березок и елочек. Дорога, докуда хватает глаз, кажется свободной и проезжей.

И безопасной.

«Чего они боятся? — подумала Цири. — Скоя'таэлей? А чего их бояться? Я не боюсь эльфов. Я им ничего не сделала.

Эльфы. Белки. Скоя'таэли».

Прежде чем Геральт приказал ей отойти, Цири успела рассмотреть трупы на заставе. Особенно запомнился один — с лицом, закрытым слепившимися от коричневой крови волосами, с неестественно вывернутой и выгнутой шеей. Застывшая в жуткой гримасе верхняя губа приоткрывала зубы, очень белые и очень мелкие, нечеловеческие. Она запомнила обувь эльфа, потрепанную и истертую, длинную, до колен, внизу шнурованную, сверху защелкивающуюся на многочисленные кованые крючки.

Эльфы, которые убивают людей, сами гибнут в борьбе. Геральт говорит, что надо соблюдать нейтралитет... А Ярпен — что надо поступать так, чтобы потом не приходилось просить прощения...

Она пнула кротовью горку, задумчиво поводила носком ботинка по песку.

Кто, у кого и за что должен просить прощения?

Белки убивают людей. А Нильфгаард им за это платит. Использует их. Подзуживает, науськивает. Нильфгаард.

Нет, Цири не забыла, хоть очень бы хотела забыть. О том, что случилось в Цинтре. О бродяжничестве, отчаянии, страхе, голоде и боли. О маразме и отупении, которые наступили позже, гораздо позже, когда ее нашли и приютили друиды из Заречья. Она помнила это как в тумане, а хотела перестать помнить вообще.

Но это возвращалось. Возвращалось в наваждениях и снах. Цинтра. Топот коней и дикие крики, трупы, пожар... И черный рыцарь в крылатом шлеме... А потом... Хаты в Заречье... Почерневшая труба на пепелище... Рядом, у нетронутого колодца, черный кот, зализывающий страшный ожог на боку. Колодец... Журавль... Ведро...

Ведро, полное крови.

Цири протерла лицо, глянула на ладонь. Ладонь была мокрая. Девочка хлюпнула носом, вытерла слезы рукавом.

«Нейтралитет? Равнодушие? — Ей хотелось кричать. — Ведьмак, равнодушно взирающий на бойню? Нет! Ведьмак должен защищать людей. От лешего, вампира, оборотня, и не только. Он обязан защищать от любого зла. А я в Заречье видела, что такое зло.

Ведьмак обязан защищать и спасать. Защищать мужчин, чтобы их не подвешивали, как мишени для стрел, за руки на деревьях и не насаживали на колья. Защищать светловолосых девушек, чтобы их не распинали между вбитыми в землю колышками. Защищать детей, чтобы их не резали и не бросали в колодцы. Защиты заслуживает даже кот, обгоревший в подожженном сарае. Поэтому я стану ведьмачкой, для того у меня и меч, чтобы защищать таких, как люди из Соддена и Заречья, потому что у них ведь нет мечей, они не знают выпадов, финтов, полуоборотов, вольтов и пируэтов, их никто не научил, как надо драться, они бессильны и безоружны против оборотня и нильфгаардского мародера. Меня драться учат. Чтобы я могла защищать безоружных. Всегда. Я никогда не буду нейтральной. Никогда не буду безразличной.

Никогда!»

Она не знала, что ее подтолкнуло — то ли тишина, холодной тенью опустившаяся на лес, то ли движение, пойманное краешком глаза. Но она отреагировала мгновенно — рефлекс, приобретенный и выработанный в лесах Заречья, когда, убегая из Цинтры, она мчалась наперегонки со смертью. Она упала на землю, вползла под куст можжевельника и замерла. Только б не заржала лошадь. Только б не заржала!

На склоне противоположного холма что-то снова пошевелилось, она заметила мелькнувший силуэт, растворившийся в листве. Эльф осторожно выглянул из зарослей. Откинув с головы капюшон, несколько секунд

осматривался, прислушивался, потом беззвучно и быстро пошел по склону. Вслед за ним выглянули из листвы еще двое. А потом двинулись остальные. Их было много. Они шли длинной цепью, гуськом, примерно половина была на конях. Эти ехали медленно, выпрямившись в седлах, напряженные, чуткие. Несколько секунд она видела всех четко и хорошо, когда в абсолютной тишине они передвигались на фоне неба, в светлом прорыве в стене деревьев, а потом скрылись, растворились в мерцающей тени чащи. Исчезли без шороха и шелеста, словно духи. Не топнула копытом, не заржала ни одна лошадь, не хрустнула ветка под ногой или подковой. Не звякнуло оружие, которым они были увешаны.

Эльфы скрылись, но Цири не шевелилась, продолжала лежать, прижавшись к земле под можжевельным кустом, стараясь дышать как можно тише. Она знала, что ее может выдать испуганная птица или зверь, а птицу или зверя может напугать любой шорох и любое движение, даже самое незаметное, самое осторожное. Она поднялась лишь тогда, когда лес успокоился совсем, а среди деревьев, между которыми скрылись эльфы, застрекотали сороки.

Поднялась только для того, чтобы оказаться в крепких объятиях. Черная кожаная перчатка зажала ей рот, приглушила крик ужаса.

— Тихо!

— Геральт?

— Тихо, я говорю.

— Ты видел?

— Видел.

— Это они... — шепнула она. — Скоя'таэли, да?

— Да. А ну быстро на коней. Гляди под ноги.

Осторожно и тихо они спустились с холма, но не вернулись на тракт, а остались в чащобе. Геральт внимательно осматривался, не разрешал ей ехать, не отдавал поводья Каштанки, вел лошадь сам.

— Цири, — проговорил он вдруг. — Ни слова о том, что мы видели. Ни Ярпену, ни Венцку. Никому. Понимаешь?

— Нет, — буркнула она, опуская голову. — Не понимаю. Почему я должна молчать? Ведь их надо предупредить. За кого мы, Геральт? Против кого? Кто наш друг, кто враг?

— Завтра отделимся от обоза, — сказал он, помолчав. — Трисс уже почти здорова. Попрощаемся и поедем своим путем. У нас будут собственные проблемы, собственные тревоги и собственные трудности. Тогда, надеюсь, ты наконец поймешь, что не надо делить обитателей нашего мира на друзей и врагов.

— Мы должны быть... нейтральны? Безразличны, да? А если они нападут...

— Не нападут.

— А если...

— Послушай меня, — повернулся он к ней. — Как думаешь, почему такой важный транспорт, груз золота и серебра, тайную помощь короля Хенсельта Аэдирну, сопровождают краснолюды, а не люди? Я уже вчера видел эльфа, который наблюдал за нами с дерева. Я слышал, как они ночью прошли мимо обоза. Скоя'таэли не нападут на краснолюдов, Цири.

— Но они здесь, — проворчала она. — Здесь. Вертятся, окружают нас.

— Я знаю, почему они здесь. Покажу тебе.

Он резко развернул коня, кинул ей поводья. Она тронула Каштанку пятками, лошадь пошла быстрее, но он жестом приказал оставаться позади. Они пересекли тракт, снова въехали в чащу. Ведьмак вел, Цири ехала следом. Оба молчали. Долго.

— Взгляни. — Геральт осадил лошадь. — Взгляни, Цири.

— Что это?

— Шаэрраведд.

Перед ними, насколько позволяли видеть деревья, вздымались гладко отесанные гранитные и мраморные блоки с притупленными, скругленными ветром краями, покрытые промытыми дождями рисунками, растрескавшиеся от морозов, разорванные корнями деревьев. Меж деревьями проглядывали поломанные колонны, арки, остатки фриз, оплетенные плющом, окутанные плотным ковром зеленого мха.

— Это была... крепость?

— Дворец. Эльфы не строили крепостей. Слезь. Кони не пройдут по развалинам.

— Кто все уничтожил? Люди?

— Нет. Они сами. А потом ушли.

— Почему?

— Знали, что больше сюда не вернутся. Это случилось после второго столкновения между ними и людьми, больше двухсот лет назад. До того, уходя, они оставляли города нетронутыми. Люди строили свои дома на фундаментах эльфовых построек. Так возникли Новиград, Оксенфурт, Вызима, Третогор, Марибор, Цидарис. И Цинтра.

— Цинтра тоже?

Он утвердительно кивнул, не отрывая глаз от руин.

— Ушли, — шепнула Цири. — Но теперь возвращаются. Зачем?

— Чтобы взглянуть.

— На что?

Он молча положил ей руку на плечо, легонько подтолкнул. Она спрыгнула с мраморных ступеней, спустилась ниже, придерживаясь за пружинящие ветви кустов орешника, пробивающегося из каждой щели в омшелых, потрескавшихся плитах.

— Здесь был центр дворца. Его сердце. Фонтан.

— Здесь? — удивилась Цири, глядя на ольхи и белые стволы берез, столпившихся среди идеальных глыб и блоков. — Здесь? Но тут ничего нет.

— Идем.

Поток, питавший фонтан, видимо, часто менял русло, терпеливо и неустанно подмывал мраморные и алебастровые плиты, а те спускались, образуя запруды и снова направляя воды потока в новую сторону. В результате вся территория оказалась иссечена неглубокими промоинами стариц. Кое-где вода стекала каскадами по остаткам постройки, смывая с них листья, песок — в этих местах мрамор, терракота и мозаика все еще искрились свежими красками, словно лежали тут не два столетия, а три дня.

Геральт перепрыгнул через ручей и пошел туда, где еще сохранились остатки колоннады. Цири шла следом. Они соскочили с крошившихся ступеней, наклонив головы, вошли под нетронутый свод арки, наполовину ушедшей в земляной вал. Ведьмак остановился, указал рукой. Цири громко вздохнула.

На многоцветной от раздробленной терракоты насыпи рос большой розовый куст, усыпанный десятками прелестных бело-лиловых цветов. На лепестках поблескивали капельки росы, сверкающей словно серебро. Куст оплетал своими побегами большую плиту из белого камня. А с плиты на них глядело печальное красивое лицо, тонкие и благородные черты которого не смогли стереть и размыть ни ливни, ни снега. Лицо, которое не сумели исковеркать зубила варваров, вылуцивающих из барельефа золото орнаментов, мозаику и драгоценные камни.

— Аэлирэнн, — сказал Геральт после долгого молчания.

— Какая красивая, — шепнула Цири, ухватив его за руку. Ведьмак словно и не заметил. Он смотрел на барельеф и был в этот момент далеко-далеко, в ином мире и времени.

— Аэлирэнн, — повторил он спустя минуту. — Которую краснолюды и люди называют Элиреной. Она вела эльфов в бой двести лет тому назад. Старейшины возражали. Они знали, что шансов победить у них нет. Понимали, что могут уже не воспрянуть после поражения. Они хотели спасти свой народ, хотели выжить. И решили разрушить города, уйти в

недоступные дикие горы... и ждать. Эльфы — долгожители, Цири. По нашим меркам почти бессмертны. Люди казались им чем-то таким, что минует, как засуха, как тяжкая зима, как налет саранчи, а потом снова пойдут дожди, наступит весна, проклюнется новый урожай. Они хотели переждать. Да, переждать. Решили уничтожить города и дворцы. В том числе и свою гордость — Шаэрраведд. Да, хотели переждать, но Элирена... Элирена подняла молодых. Они взялись за оружие и пошли за ней на последний отчаянный бой. И их истребили. Безжалостно истребили.

Цири молчала, не отрывая глаз от прекрасного мертвого лица.

— Они умирали с ее именем на устах, — тихо продолжал ведьмак. — Повторяя ее призыв, ее клич. Они погибали за Шаэрраведд. Потому что Шаэрраведд был символом. Они погибали в борьбе за камень и мрамор. И за Аэлирэнн. Как она и обещала, они умирали достойно, героически, с честью. Они сберегли честь, но обрекли на гибель собственную расу. Собственный народ. Помнишь, что тебе сказал Ярпен? Кто владеет миром, а кто вымирает? Он объяснил это тебе грубо, но правильно. Эльфы долговечны, но плодovита только их молодежь, только молодые могут иметь потомство, а почти вся молодежь пошла тогда за Элиреной. За Аэлирэнн, за Белой Розой из Шаэрраведда. Мы стоим в руинах ее дворца, у фонтана, плеск которого она слушала вечерами. А это... это были ее цветы.

Цири молчала. Геральт привлек ее к себе, обнял.

— Теперь ты знаешь, почему ская'таэли были здесь, понимаешь, на что они хотели взглянуть? Но понимаешь ли, что нельзя допустить, чтобы юные эльфы и краснолюды снова позволили себя уничтожать? Понимаешь ли, что ни я, ни ты не имеем права участвовать в этой бойне? Эти розы цветут весь год. Они должны были бы одичать, а они — видишь — прекраснее, чем в ухоженных садах. В Шаэрраведд постоянно приходят эльфы, Цири. Разные эльфы. И запальчивые, и глупые, для которых символом остается потрескавшийся камень. И разумные, для которых символ — бессмертные, вечно возрождающиеся цветы. Эльфы, которые понимают, что если вырвать этот куст и спалить землю, то розы Шаэрраведда уже не расцветут никогда. Это ты понимаешь?

Она кивнула.

— Понимаешь ли ты теперь, что такое нейтралитет, который так взволновал тебя? Быть нейтральным — не значит быть равнодушным и бесчувственным. Не надо убивать в себе чувства. Достаточно убить в себе ненависть. Ты поняла?

— Да, — шепнула она. — Теперь поняла. Геральт, я... я хотела бы взять одну... Одну из этих роз. На память. Можно?

— Возьми, — сказал он после недолгого колебания. — Возьми, чтобы помнить. Ну пошли. Возвращаемся к обозу.

Цири вколола розу под шнуровку курточки. Неожиданно тихо ойкнула, подняла руку. Струйка крови стекла у нее с пальца в ладошку.

— Укололась?

— Ярпен... — прошептала девочка, глядя на кровь, заполняющую линию жизни. — Венцк... Паулье...

— Что?

— Трисс! — пронзительно крикнула она, сильно вздрогнула, потерла лоб. — Быстрее, Геральт! Мы должны им... помочь! На коней, Геральт!

— Цири, что с тобой?

— Они умирают!

Она мчалась галопом, прижавшись ухом к шее лошади, подгоняя ее криком и ударами пяток. Песок лесной дороги взметнулся из-под копыт. Уже издалека она слышала крики, почувствовала дым.

Навстречу, перегораживая тракт, к ней мчалась пара лошадей, волокущих за собой сбрую, вожжи и сломанное дышло. Цири не стала сдерживать Каштанку, пронеслась мимо на полном скаку, хлопья пены лизнули ей лицо. Позади слышала ржание Плотвы и ругань Геральта, которому пришлось остановиться.

Она вылетела на поворот дороги, на большую поляну.

Обоз полыхал. Из зарослей огненными птицами неслись к телегам горящие стрелы, дырявя полотно, врезаясь в доски. Скоя'таэли, визжа и вопя, кинулись в атаку.

Цири, не обращая внимания на доносящиеся сзади крики Геральта, направила лошадь прямо к двум первым выдвинутым вперед фурам. Одна была перевернута на бок, рядом стоял Ярпен Зигрин с топором в одной руке и самострелом в другой. У его ног, неподвижная и бессильная, в голубом, задравшемся до середины бедер платье лежала...

— Трииисс! — Цири выпрямилась в седле, хватанула лошадь пятками. Скоя'таэли обернулись на ее крик, мимо головы девочки засвистели стрелы. Она закрутила головой, не замедляя галопа и слыша крик Геральта, приказывающего ей бежать в лес. Но она и не подумала. Наклонилась, помчалась прямо на целящихся в нее лучников. Неожиданно почувствовала запах белой розы, приколотой к курточке.

— Трииисс!

Эльфы отскочили от мчащейся лошади. Одного она легко задела стремением. Услышала резкий свист, лошадь дернулась, взвизгнула, метнулась вбок. Цири увидела стрелу, глубоко врезающуюся пониже седла, у самого ее бедра. Она вырвала ноги из стремян, пригнулась к седлу, крепко оттолкнулась и прыгнула.

Мягко упала на перевернутый фургон, забалансировала руками, прыгнула опять, опустившись на подогнутые ноги около рычащего и размахивающего топором Ярпена. Рядом, на другом возу, дрался Паулье Дальберг, а Реган, откинувшись назад и упершись ногами в доски, с трудом сдерживал упряжку. Кони дико ржали, топали, рвали дышло в ужасе от пожирающего полотно огня.

Цири кинулась к Трисс, лежащей среди рассыпавшихся бочек и ящичков, схватила ее за платье и потащила к перевернутому возу. Чародейка стонала, держась за голову выше уха. Совсем рядом с Цири застучали копыта, захрапели кони — два эльфа, размахивая мечами, теснили к ней яростно защищавшегося Ярпена. Краснолюд крутился волчком, ловко отражая топором сыпавшиеся на него удары. Цири слышала проклятия, звон и стонущий звук металла.

От горящего обоза отделилась еще одна телега, она неслась в их сторону, волоча за собой дым и пламя, разбрасывая горящие тряпки. Возница бессильно свисал с козел, рядом стоял Янник Брасс, с трудом удерживая равновесие. Одной рукой он держал вожжи, другой отбивался от двух эльфов, галопирующих по обеим сторонам фуры. Третий скоя'таэль, поравнявшись с лошадьми, на бегу всаживал им в бока стрелу за стрелой.

— Прыгай! — рявкнул Ярпен, перекрывая гул. — Прыгай, Янник!

Цири увидела, как к мчащейся телеге галопом подлетает Геральт, как коротким, экономным ударом меча сметает с седла одного эльфа, а Венцк, подскочив с противоположной стороны, рубит второго, того, который стрелял в лошадей. Янник бросил вожжи и спрыгнул прямо под коня третьего скоя'таэля. Эльф поднялся на стремянах и рубанул его мечом. Краснолюд упал. В тот же момент пылающий воз врезался между бьющимися противниками, разбросал их по сторонам. Цири в последний момент ухитрилась оттащить Трисс из-под копыт взбесившихся лошадей. С треском вырвалась вага, фургон подскочил, потерял колесо и перевернулся, раскидывая груз и тлеющие доски.

Цири подтащила чародейку к перевернутому возу Ярпена. Ей помог Паулье Дальберг, который вдруг оказался рядом, и обоих прикрыл Геральт, вогнав Плотову между ними и нападающими скоя'таэлями. Вокруг телеги

закипел бой. Цири слышала удары клинков, крики, храп лошадей, стук копыт. Ярпен, Венцк и Геральт, окруженные эльфами со всех сторон, бились как ошалевшие черти.

Неожиданно дерущихся раскидала упряжка Регана, борющегося на козлах с толстым низушкой в кафтане из рысьего меха. Низушек сидел на Регане и пытался заколоть его длинным ножом.

Ярпен ловко заскочил на телегу, схватил низушка за шею и пинком выкинул за обрешетку. Реган пронзительно взвизгнул, схватил вожжи, хлестнул коней. Упряжка рванулась, телега покатилась, мгновенно набирая скорость.

— Кругом, Реган! — закричал Ярпен. — Кругом! Вокруг!

Телега вывернулась и снова ринулась на эльфов, раскидывая их.

Один подскочил, схватил правую пристяжную за удила, но не сумел удержать, инерция кинула его под копыта и колеса. Цири услышала ужасающий крик.

Второй эльф, скакавший рядом, наотмашь рубанул мечом. Ярпен уклонился, оружие звякнуло по поддерживающему полотно фургона обручу, инерция занесла эльфа вперед. Краснолюд вдруг сторбился, резко махнул рукой. Скоя'таэль взвизгнул, напряжился в седле и тут же рухнул на землю. Между лопатками у него засел чекан.

— Ну давайте, сукины дети!!! — рычал Ярпен, крутя топором мельницу. — Который еще? Гони в круг, Реган! В круг!

Реган, трясая окровавленным чубом, ссутулившись на козлах под свист стрел, выл как сумасшедший и безжалостно стегал лошадей. Упряжка мчалась по тесному кругу, создавая подвижную, пылающую огнем и полыхающую дымом преграду вокруг перевернутой фуры, под которую Цири затащила почти потерявшую сознание чародейку.

Неподалеку от них плясал конь Венцка, мышино-серый жеребец. Венцк горбился, Цири видела белые перья стрелы, торчащей у него в боку. Несмотря на рану, он ловко защищался от двух пеших эльфов, нападающих на него с обеих сторон. На глазах у Цири вторая стрела угодила ему в спину. Комиссар рухнул грудью на лошадь, но удержался в седле. Паулье Дальберг бросился ему на выручку.

Цири осталась одна.

Схватила за меч. Клинок, который во время тренировок молниеносно выскакивал из-за спины, сейчас ни за что не хотел вылезать, сопротивлялся, увязал в ножнах, как в смоле. В кипящем водовороте тел, в мелькании оружия, которое прямо-таки расплывалось в глазах, ее меч выглядел неестественно и чуждо медлительным, казалось, пройдут

столетия, прежде чем он выйдет из ножен полностью. Земля тряслась и гудела. Цири вдруг поняла, что дрожит не земля, а ее собственные колени.

Паулье Дальберг, угрожая топором нападающему на него эльфу, тащил по земле раненого Венцка. Рядом с возом пронеслась Плотва, на эльфа налетел Геральт. Он где-то потерял повязку, белые волосы развевались, как на ветру. Лязгнули мечи.

Другой скоя'таэль, пеший, выскочил из-за воза. Паулье бросил Венцка, выпрямился, закрутил топором. И замер.

Перед ним стоял краснолюд в шапке, украшенной беличьим хвостом, с черной бородой, заплетенной в две косы. Паулье заколебался.

Но чернобородый не задумался ни на секунду. Ударил обеими руками. Острие топора свистнуло и врезалось Паулье в ключицу с отвратительным хрустом. Паулье упал, не произнеся ни звука, моментально. Все выглядело так, словно сила удара переломила под ним колени.

Цири заорала.

Ярпен Зигрин соскочил с воза. Чернобородый краснолюд закружился, ударил. Ярпен ушел от удара ловким полуоборотом, гакнул страшно, хватанул снизу, разрубая черную бороду, гортань, челюсть и лицо — до самого носа. Скоя'таэль выгнулся и рухнул навзничь, истекая кровью, колотя руками и раздирая каблуками землю.

— Геральт!!! — крикнула Цири, чувствуя за спиной движение. Чувствуя за спиной смерть.

Это была нечеткая, пойманная во вращении фигура. Фигура и блеск, но девочка отреагировала мгновенно, косым выпадом и финтом, которым научилась в Каэр Морхене. Парировала удар, но стояла слишком нетвердо, чересчур наклонившись набок, чтобы набрать инерции. Сила удара кинула ее на корпус воза. Меч выскользнул из руки.

Стоявшая перед ней красивая длинноногая эльфка в высоких сапогах жестоко скривилась, подняла меч, тряхнула волосами, рассыпавшимися из-под откинутого капюшона. Меч ослепительно сверкнул, загорелись браслеты на запястьях белки.

Цири не могла пошевелиться.

Но меч не упал, не ударил. Потому что эльфка смотрела не на нее, а на белую розу, приколотую к курточке.

— Аэлирэнн! — крикнула белка, громко, так, словно криком своим хотела перебороть колебания. Но не успела. Геральт, оттолкнув Цири, широко хлестнул эльфку мечом по груди. Кровь брызнула на лицо и одежду, красные пятна покрыли белые лепестки розы.

— Аэлирэнн... — душераздирающе крикнула эльфка, опускаясь на

колени. Прежде чем упасть, она успела крикнуть еще раз. Громко, протяжно, отчаянно: — Шаэrrрравеееддд!

Реальность возникла так же неожиданно, как и исчезла. Сквозь заполняющий уши монотонный глухой шум Цири стала различать голоса. Через мерцающий и мокрый занавес слез пробились контуры живых и убитых.

— Цири, — шепнул стоявший рядом на коленях Геральт. — Очнись.

— Бой... — простонала она, садясь. — Геральт, что...

— Все кончилось. Помогли солдаты из Бен Глеана.

— Ты не был... — шепнула она, закрывая глаза, — не был нейтральным...

— Не был. А ты жива и Трисс тоже.

— Что с ней?

— Ударилась головой, упав с телеги, которую Ярпен пытался сохранить. Но она уже в норме. Лечит раненых.

Цири осмотрелась. В дыму догорающих фур мелькали силуэты вооруженных людей. Кругом валялись ящики и бочки. Часть разбилась, и их содержимое рассыпалось. Обычные булыжники. Девочка изумленно взглянула на них.

— Помощь Демавенду из Аэдиерна, — скрежетнул зубами стоявший рядом Ярпен Зигрин. — Секретная и невероятно важная помощь. Обоз спецназначения.

— Это была ловушка?

Краснолюд обернулся, взглянул на нее, на Геральта. Потом снова глянул на вывалившиеся из бочек камни, сплюнул.

— Ага. Ловушка.

— На белок?

— Нет.

Убитых сложили в рядок. Они лежали бок о бок — эльфы, люди и краснолюды. Был среди них и Янник Брасс. Была темноволосая эльфка в высоких сапогах. И краснолюд с черной, блестящей от запекшейся крови бородой, заплетенной в косички. А рядом с ними...

— Паулье! — рыдал Реган Дальберг, держа на коленях голову брата. — Паулье! Зачем?

Все молчали. Даже те, кто знал зачем. Реган повернул к ним

искаженное болью, все в слезах лицо.

— Что я скажу матери? — простонал он. — Что я ей скажу?

Все молчали.

Неподалеку, окруженный солдатами в черно-золотых цветах Каэдвена, лежал Венцк. Он тяжело дышал, и при каждом выдохе на его губах вздувались кровавые пузыри. Рядом стояла на коленях Трисс, над ними — рыцарь в блестящих латах.

— Ну как? — спросил рыцарь. — Госпожа чародейка? Он выживет?

— Я сделала все, что могла. — Трисс встала, сжала губы. — Но...

— Что?

— Они пользовались вот этим. — Она показала стрелу со странным наконечником и ударила ею по стоящей бочке. Кончик стрелы разделился, расщепился на четыре шипастые крючковатые иглы. Рыцарь выругался.

— Фредэгард... — с трудом проговорил Венцк. — Послушай, Фредэгард...

— Тебе нельзя говорить, — резко сказала Трисс. — И шевелиться! Заклинание едва держит!

— Фредэгард, — повторил комиссар. Кровавый пузырь у него на губах лопнул, на его месте тут же образовался новый. — Мы ошибались... Все мы ошибались. Это не Ярпен... Мы несправедливо подозревали... Я ручаюсь за него. Ярпен не предал... Не пре...

— Молчи! — крикнул рыцарь. — Молчи, Вильфрид! Эй, быстро, давайте сюда носилки! Носилки!

— Уже не надо, — глухо проговорила чародейка, глядя на губы Венцка, на которых больше не вздувались пузыри. Цири отвернулась. Прижалась лицом к Геральту.

Фредэгард выпрямился. Ярпен Зигрин не смотрел на него. Он смотрел на убитых. На Регана Дальберга, по-прежнему стоявшего на коленях возле брата.

— Это было необходимо, господин Зигрин, — сказал рыцарь. — Война. Был приказ. Нам надо было убедиться...

Ярпен молчал.

— Простите, — шепнул рыцарь и опустил глаза.

Краснолюд медленно повернул голову, взглянул на него. На Геральта. На Цири. На всех. Людей.

— Что вы с нами сделали? — проговорил он с горечью в голосе. — Что вы сделали с нами? Что вы сделали... из нас?

Никто не ответил.

Глаза длинноногой эльфки были стеклянными и матовыми. На ее

искривленных губах застыл крик.

Геральт обнял Цири. Медленно отколол от ее курточки белую, покрытую темными пятнышками крови розу, молча бросил цветок на тело белки.

— Прощай, — шепнула Цири. — Прощай, Роза из Шаэрраведда. Прощай и...

— Прости нас, — dokonчил Геральт.

Глава 5

Оне валандаются по стране, нахальные и наглые, сами себя зла истребителями, оборотней уничтожителями и упырей отравителями именующие, выманивают у легковверных плату, а приработав так, двигаются дале, дабы в ближайшем городе таковое жульничество вновь свершить. Легче всего проникают оне в хаты честного, простого и не отдающего себе в том отчета хозяина, кой все зоключения и зосчастия запросто приписывает чарам, противуестественным творениям и мерзопакостным чудовищам, действиям облачников, альбо злых духов. Заместо того чтобы богам молиться, в храм богатое подношение занести, простак сей грязному ведьмаку готов шелонг последний отдать, веря, что ведьмак, этот выродок безбожный, сумеет долю его улучшить и несчастья отворотить.

Аноним. «Монструм, или Ведьмака описание»

Не имею ничего против ведьмаков. Пусть их охотятся на вампиров. Платили бы только подати.

Радовид III Смелый, король Редании

Жаждешь справедливости — найми ведьмака.

*Граффити на стене Кафедры Права
Оксенфуртского университета*

— Ты что-то сказал?

Мальчик шмыгнул носом и сдвинул со лба слишком большую для него бархатную шапочку с фазаньим пером, лихо свисающим сбоку.

— Ты рыцарь? — снова повторил он, глядя на Геральта голубыми как синька глазами.

— Нет, — ответил ведьмак, удивленный тем, что ему вообще хочется отвечать. — Не рыцарь.

— Но у тебя меч! Мой папка — рыцарь короля Фольтеста. У него тоже

есть меч. Побольше твоего.

Геральт оперся локтями о релинг и сплюнул в воду, пенящуюся за кормой барки.

— Ты носишь на спине, — не отставал малец. Шапочка снова сползла ему на глаза.

— Что?

— Ну меч. На спине. Почему у тебя на спине меч?

— Потому что весло сперли.

Мальчишка раскрыл рот, дав возможность всем налюбоваться роскошными дырками на месте выпавших молочных зубов.

— Отойди от борта, — сказал ведьмак. — И закрой рот, не то муха влетит.

Мальчик раскрыл рот еще шире.

— Седой, а глупый, — буркнула мать мальчика, богато одетая матрона, оттаскивая малыша за бобровый воротник плаща. — Иди сюда, Эверетт! Сколько раз можно повторять — не якшайся с простолюдинами.

Геральт вздохнул, глядя, как из утреннего тумана выплывают очертания островов и кустарников. Барка, неуклюжая, как черепаха, тащилась в свойственном ей, то есть — черепашьем, темпе, продиктованном ленивым течением Дельты. Пассажиры, в основном купцы и кметы, дремали на своем багаже. Ведьмак снова развернул свиток и углубился в письмо Цири.

«...я сплю в большой зале, которая называется „спальня“, а кровать у меня, понимаешь, ужасненько большая. Я сплю со средними девочками, нас тут двенадцать, но я больше всего дружу с Эурнэйд, Катье и Иолей Второй. Сегодня, например, ела суп, а хуже всего, что иногда надо поститься и вставать рано-рано, на самом раннем рассвете. Раньше, чем в Каэр Морхене. Остальное напишу завтра, потому как сейчас у нас будут моления. В Каэр Морхене никто никогда не молился, интересно, чего это тут надо? Наверно, потому что это Храм.

Геральт, мать Нэннеке прочитала и велела не писать глупостей и чтобы еще и без ошибок. И чему учусь, и что чувствую себя хорошо, и что здорова. Геральт, я чувствую себя хорошо, и я здорова, только, понимаешь, есть хочу, но скоро обед. И еще мать Нэннеке велела написать, что молитва еще никому не навредила, ни мне, ни тебе, это уж точно.

Геральт, у меня снова есть свободное время, поэтому

напишу, что учу. Читать и писать правильные руны. Историю. Природу. Поэзию и прозу. Правильно разговаривать на всеобщем языке и на Старшей Речи. Я лучше всех по Старшей Речи, умею даже писать Старшие Руны. Я напишу тебе что-нибудь, сам увидишь. *Elaine blath Feainnewedd*, что значит „Прекрасный Цветочек, дитя Солнца“. Теперь видишь, что умею. И еще...

Ну вот, теперь снова могу писать, потому что нашла новое перо, а то старое сломалось. Мать Нэннеке прочитала и похвалила меня, что правильно. И велела написать, что я послушная, и чтобы ты не волновался. Не волнуйся, Геральт.

У меня снова есть время, так пишу, что случилось. Когда мы кормили индюшей, я, и Иоля, и Катье, то один большой индюш ка-а-ак нападет на нас, шея у него краснющая, и был он ужасненько страшный. Сначала напал на Иолю, а потом хотел напасть на меня, но я не испугалась, потому что он был все равно меньше и не такой быстрый, как маятник. Я сделала финт и пируэт и хлестнула его два раза прутком, так что он сбежал. Мать Нэннеке не позволяет мне тут носить мой меч, жаль, а то я бы тому индюшу показала, чему научилась в Каэр Морхене. Я уже знаю, что правильно Старшими Рунами надо писать *Saer a'Muirehen*, что значит Крепость Старого Моря. Или Замок. Верно, потому там везде ракушки и улитки, а также рыбы, оттиснутые на камнях. А „Цинтра“ правильно пишется *Xin'trea*. А мое имя происходит от *Zireael*, потому что это значит „Ласточка“, а это значит, что...»

— Читаете?

— Читаю. — Он поднял голову. — А что? Случилось что-то? Кто-то что-то заметил?

— Да нет, ничего, — ответил шкипер, вытирая руки о кожаный кафтан. — На воде покой. Но ведь туман, мы уже близко от Журавлиной Кущи.

— Знаю. Шестой раз плыву туда, Гладыш, да пять раз — обратно. Успел познакомиться с трассой. Глаза открыты, не бойся.

Шкипер кивнул, отошел к носу, перешагивая через громоздящиеся всюду тюки и кули пассажиров. Сбившиеся в середине палубы лошади фыркали и били подковами о доски палубы. Барка, пропахивая носом поля кувшинок, шла по фарватеру в плотном тумане, разводя на стороны заросли. Геральт снова взялся за письмо.

«...у меня эльфовское имя. Но я же не эльфка. Геральт, тут у нас тоже говорят о белках. Иногда даже солдаты приезжают и выпытывают и говорят, что раненых эльфов нельзя лечить. Я ни словечка не пискнула о том, что было весной, не бойся. И о том, чтобы тренироваться, тоже помню, не думай. Хожу в парк и тренируюсь, когда есть время. Но не всегда, потому что надо на кухне работать и в саду, как всем девочкам. Да и учебы тоже ужасненько много. Но это ничего, буду учиться. Ты ведь тоже учился в Храме, мне об этом сказала мать Нэннеке. И еще сказала, что мечом размахивать может каждый дурак, для этого ума не надо, а ведьмачка должна быть умной.

Геральт, ты обещал приехать. Приезжай.

Твоя Цири.

PS. Приезжай, приезжай же.

PS2. Мать Нэннеке велела написать тебе в конце.

Хвала Великой Мелитэле, да будет с тобой вечно ее благословение. И чтобы с тобой ничего не случилось.

Цири».

«Поехал бы я в Элландер, — подумал он, пряча письмо. — Но это опасно. Могу навести их на след... Да и с письмами тоже пора кончать. Нэннеке пользуется жреческой почтой. Однако... Нет, черт побери, слишком рискованно».

— Хм... Хм...

— Что там еще, Гладыш? Журавлиную Куцу уже прошли.

— И хвала богам, без приключений, — вздохнул шкипер. — Да, милсдарь Геральт, снова, похоже, спокойный будет рейс. Туман вот-вот подымется, а как солнце выглянет, тут и страхам конец. Чудище при солнце не вынырнет.

— Буду только рад.

— Я думаю, — криво усмехнулся Гладыш. — Компания платит вам за рейс. Случись чего аль нет — мощна пополняется. Верно?

— Будто не знаешь? Неужто завидки берут? Мол, зарабатываю, опершись о борт и любуясь чайками? А тебе за что платят? За то же самое. За то, что валандаешься по палубе. Ежели все идет гладко, так тебе делать нечего, шмонаешься от носа до кормы, лыбишься пассажирам или

пробуешь расколоть купцов на стакашек. Меня тоже наняли, чтобы был на палубе. На всякий случай. Безопасная переправа, потому что ведьмак в охране. Расходы на ведьмака включены в стоимость провоза, так?

— Оно, конечно, правда, — вздохнул шкипер. — Компания не внакладе. Я-то их хорошо знаю. Плаваю по Дельте пятый год, от Пены до Новиграда, от Новиграда до Пены. Ну, за дело, милсдарь ведьмак. Вы опирайтесь о борт, я пойду пройду до кормы.

Туман немного поредел. Геральт вынул из сумки второе письмо, которое недавно доставил странный посланец. Читал он это письмо уже раз тридцать. От письма шел аромат сирени и крыжовника.

«Дорогой друг...»

Ведьмак тихо выругался, глядя на четкие, ровные, угловатые, вычерченные энергичным движением пера руны, однозначно отражающие настроение автора. Геральту — уже в тридцать первый раз — непреодолимо захотелось укунить себя со злости в зад. Когда месяц назад он писал чародейке, то две ночи кряду размышлял, как начать письмо. Наконец остановился на «Дорогой подруге». И теперь получил свое.

«Дорогой друг, меня чудовищно обрадовало твое нежданное письмо, полученное всего лишь через неполных три года после нашей последней встречи. Радость моя была тем безмернее, что на каждом углу трепачи гудели о твоей неожиданной и браваурной смерти. Ты правильно поступил, решив опровергнуть сплетни, хорошо также, что сделал это так скоро. Из твоего письма следует, что ты вел жизнь спокойную, размеренную, роскошно нудную и лишенную каких бы то ни было событий. В нынешние времена такая жизнь — недопустимый шик, дорогой друг, и я рада, что тебе это удалось.

Меня тронула твоя неожиданная забота о моем здоровье, которую ты, дорогой друг, соизволил проявить. Спешу известить, что я действительно чувствую себя уже хорошо, период недомогания позади, я разделалась с хлопотами, описанием которых не хочу тебя утруждать.

Меня сильно волнует и беспокоит, что подарок, нежданно-негаданно полученный от Судьбы, доставляет тебе столько хлопот. Ты абсолютно прав, предположив, что здесь необходима профессиональная помощь. Хотя описание трудностей, с

которыми ты столкнулся, выглядит довольно загадочно, что вполне понятно, тем не менее я убеждена, что знаю источник проблемы. И согласна с тем, что совершенно необходимо вмешательство еще одной чародейки. Я горжусь тем, что оказалась именно второй из тех, к которым ты обращаешься. И чем же я заслужила столь высокое положение в списке?

Будь спокоен, дорогой друг, а если ты уже собрался обратиться за помощью к другим чародейкам, не делай этого, ибо нет нужды. Я отправлюсь незамедлительно, еду прямо к тому месту, которое ты указал несколько туманно, но для меня понятно. Естественно, я отправлюсь тайно и с соблюдением всех предосторожностей. На месте сориентируюсь в сути вопроса и сделаю все, что в моих силах, чтобы усмирить вышедший из берегов источник. Ты понимаешь, о чем я. При этом постараюсь оказаться не хуже иных дам, к которым ты уже обращался, обращаешься либо намерен был обратиться с „покорными просьбами“. Как-никак я ведь твоя дорогая подруга. Мне слишком дорога твоя дорогая дружба, чтобы я решилась подвести тебя, дорогой друг. Ибо это может дорого обойтись всем нам.

Если в течение ближайших нескольких лет ты пожелаешь написать мне, не колеблись ни минуты. Письмам твоим я неизменно рада.

Твоя дорогая подруга Йеннифэр».

Письмо пахло сиренью и крыжовником.

Геральт чертыхнулся.

Из задумчивости его вырвало неожиданное движение на палубе и покачивание барки, говорящее о смене курса. Часть пассажиров облепила правый борт. Шкипер Гладыш выкрикивал с носа команды, барка медленно и неохотно сходила с фарватера, уступая дорогу двум выплывающим из тумана судам. Ведьмак взглянул на них с интересом.

Первым шел большой, не меньше семидесяти сажен, трехмачтовый галеас, над которым развевался амарантовый флаг с серебряным орлом. За ним ритмично двигалась небольшая стройная сорокавесельная галера, украшенная красно-золотым шевроном на черном поле стяга.

— А ведь хороши, дьяволы! — сказал Гладыш, подходя к ведьмаку. — Реку пашут, аж волна кипит.

— Интересно, — буркнул Геральт. — Галеас идет под реданским флагом, а галера — из Аэдирна.

— Точно, из Аэдирна, — подтвердил шкипер. — И несет вымпелы наместника в Хагге. Но заметьте, оба судна килевые, почти две сажени погружения. Значит, плывут они не до самой Хагги, потому что через пороги и мели в верховьях реки им не пройти. Плывут в Пену или до Белого Моста. А гляньте-ка, на борту полно солдат. Это не купцы, это военные суда, милсдарь Геральт.

— На галеасе идет кто-то важный. Раскинули на палубе шатер.

— Ну да, ныне так вельможи путешествуют, — кивнул Гладыш, ковыряя в зубах щепочкой, оторванной от борта. — Рекой оно безопасней. По лесам бригады эльфов валандаются, никогда не знаешь, из-за какого дерева полетит стрела. А на воде не страшно. Эльф — что твой кот, воды не любит. Предпочитает в зарослях отсиживаться...

— Кто-то действительно важный. Шатер богатый.

— Запросто может быть. А вдруг да сам король Визимир осчастливил реку? Разный народ теперь путешествует... А коль уж мы об этом заговорили, вы просили в Пене, чтобы я понюхал, не любопытствует ли кто о вас, не расспрашивает ли. Так вот, вон того недотепу видите?

— Не тычь пальцем, Гладыш. Кто таков?

— Я знаю? Сами спросите, ведь к вам идет. Гляньте-ка, как раскачивается! А вода — само зеркало, зараза, чуть рябь пойдет, он точно на карачки встанет, растяпа.

Растяпой оказался невысокий худощавый мужчина неопределенного возраста в шерстяном просторном костюме и не очень чистом плаще, сколотом круглой латунной брошью. Шпильку броши, по-видимому потерянную, заменял кривой гвоздь с расклепанной шляпкой. Мужчина подошел, кашлянул, прищурил близорукие глаза.

— Хм... Имею ли я удовольствие лицезреть господина Геральта из Ривии, ведьмака?

— Да, глубокоуважаемый. Имеете.

— Разрешите представиться: Линус Питт, магистр бакалавр, преподаватель естественной истории в Оксенфуртской академии.

— Чрезвычайно приятно.

— Хм. Мне сказали, что вы, милсдарь, по заданию Компании Малатиуса и Грока охраняете перевозки. Якобы из-за опасности нападения какого-то монстра. Меня интересует, о каком именно монстре может идти речь?

— Меня и самого это интересует. — Ведьмак оперся о борт, глядя на

маячащие в тумане темные очертания прибрежных заливных лугов на темерской стороне. — И я прихожу к выводу, что наняли меня скорее на случай нападения бригады скоя'таэлей, которые вроде бы шатаются поблизости. Я, понимаете, плаваю между Пеной и Новиградом уже шестой раз, а жагница не появилась ни разу.

— Жагница? Какое-то местное название. Желательно пользоваться научной терминологией. Хм... Жагница... Нет, не знаю, какой именно вид, простите за случайный каламбур, вы имеете в виду...

— Я имею в виду шершавое чудище, длиной в две сажени, напоминающее обросший водорослями пенёк с десятью лапами и челюстями словно пилы.

— Описание оставляет желать лучшего с точки зрения научной точности. Может быть, какой-либо вид из семейства *Nyphyridae*?

— Не исключаю, — вздохнул Геральт. — Жагница, насколько мне известно, входит в исключительно паршивую семейку, причем ни одно название для этой семейки не может быть слишком обидным. Дело в том, уважаемый бакалавр, что, кажется, один из членов этого преотвратного семейства две недели назад напал на барку Компании. Здесь, в Дельте, неподалеку от места, в котором мы сейчас находимся.

— Кто так говорит, — скрипуче засмеялся Линус Питт, — тот лжец либо невежа. В смысле — невежда. Ничего подобного произойти не могло. Я прекрасно знаю фауну Дельты. Семейство *Nyphyridae* вообще здесь не наблюдалось. И ни одна другая, столь же опасная, хищная разновидность. Значительное осолонение и нетипичный химический состав воды, особенно во время прилива...

— Во время прилива, — прервал Геральт, — после того как вода пройдет через каналы Новиграда, в Дельте вообще не остается воды в научном смысле слова. А наблюдается некая субстанция, состоящая из отходов, обмылков, жира и дохлых крыс.

— Увы, увы, — погрузстнел магистр бакалавр. — Деградация среды... Вы не поверите, но из почти двух тысяч видов рыб, которые обитали в этой реке еще пятьдесят лет назад, осталось не больше девятисот. Это неимоверно печально.

Оба оперлись о релинг и молча глядели на зеленую мутную топь. Прилив уже начинался, и вода воняла все сильнее. Появились первые дохлые крысы.

— Полностью вымер белокаменник белоплавниковый, — прервал молчание Линус Питт. — Исчезли кефаль, змееглав, султанохвостка, полосатый вьюн, марена, пескарь длиннотубый, зубатка королевская...

Саженьях в десяти от борта вода забурлила. На мгновение появился более чем двадцатифунтовый экземпляр зубатки королевской, которая заглотала дохлую крысу и скрылась в глубине, изящно махнув хвостовыми плавниками.

— Что это было? — вздрогнул магистр.

— Не знаю. — Геральт глянул на небо. — Не пингвин ли?

Ученый покосился на него, стиснув зубы.

— Уж наверняка не ваша легендарная жагница! Мне говорили, якобы ведьмаки слывут серьезными знатоками некоторых редких видов. А вы мало того что повторяете сплетни и сказки, так еще и пытаетесь вульгарно насмеяться надо мной... Вы вообще-то меня слушаете?

— Туман не поднимется, — тихо сказал Геральт.

— Э?

— Ветер слишком слаб. Когда мы войдем в рукава между островами, он еще больше послабеет. Мгла продержится до самого Новиграда.

— Я плыву не в Новиград, а в Оксенфурт, — сухо известил Питт. — А туман? Не настолько уж он плотен, чтобы прикрыть навигацию, как вы думаете?

Мальчонка в шапочке с пером пробежал мимо них, сильно высунулся, пытаясь прутиком подцепить быющуюся о борт крысу. Геральт подошел, вырвал у него прутик.

— Пшел отсюда! Не подходи к борту!

— Ма-а-а-а-а!

— Эверетт! Сейчас же ко мне!

Магистр бакалавр выпрямился, проницательно глянул на ведьмака.

— Вы, похоже, действительно верите, что нам что-то угрожает?

— Господин Питт, — сказал Геральт как можно спокойнее. — Две недели назад что-то стащило двух человек с палубы одной из барок Компании. В тумане. Не знаю, что это было. Может, как раз ваша гифибра или как ее там. Может, пескарь длинноусый. Но я думаю, жагница.

Ученый надулся.

— Предположения, — менторским тоном заметил он, — должны зиждиться на солидном научном фундаменте, а не на болтовне и сплетнях. Я же говорю, гифибра, которую вы упорно именуете жагницей, в водах Дельты не наблюдается. Она была уничтожена добрых полвека назад, в частности, благодаря деятельности вам подобных персон, готовых незамедлительно убивать все, что уродливо выглядит, не размышляя, без исследований, без наблюдений, не думая об экологической нише.

Геральту вдруг захотелось честно ответить, что он думает о жагнице и

ее экологической нише, но он раздумал, а вместо этого спокойно сказал:

— Господин бакалавр. Одной из тех, кого утащили с палубы, была молодая беременная женщина. Она хотела охладить в воде опухшие ноги. Теоретически рассуждая, ее ребенок когда-нибудь мог бы стать ректором вашего многоуважаемого учебного заведения. Что вы скажете о таком подходе к экологии?

— Антинаучный, эмоциональный и субъективный подход. Природа руководствуется собственными законами, и хоть законы сии жестоки и бескомпромиссны, исправлять их не следует. Это борьба за существование! — Магистр перегнулся через релинг и сплюнул в воду. — А уничтожение видов, даже хищных, оправдать нельзя ничем. Что скажете?

— Скажу, что высовываться опасно. Неподалеку может оказаться жагница. Хотите на собственном опыте проверить, каким образом жагница борется за существование?

Линус Питт отпустил релинг и быстро отскочил. Слегка побледнел, но самообладание тут же вернулось к нему. Он снова надул губы.

— Надо думать, вы много знаете об этих фантастических жагницах, милсдарь ведьмак?

— Несомненно меньше, чем вы. А не воспользоваться ли нам оказией? Просветите меня малость, господин бакалавр, сообщите немного сведений о водных хищниках. Охотно послушаю, не так будет тянуться путешествие.

— Смеемся?

— Ни в коем разе. Я действительно хотел бы заполнить пробелы в образовании.

— Хм... Если действительно... Почему бы и нет. Тогда послушайте. Семейство *Hyphrydridae*, входящее в отряд *Amphipoda*, или Обоеногих, охватывает четыре известных науке вида. Два из них живут исключительно в тропических водах. В нашей климатической зоне встречается, в настоящее время довольно редко, лишь небольшая *Hyphrydra longicauda*, а также достигающая нескольких больших размеров *Hyphrydra marginata*. Обителью обоих видов являются стоячие либо медленнотекущие воды. Это действительно хищные виды, использующие в качестве пищи теплокровных существ... Хотите что-либо добавить?

— Пока нет. Слушаю затаив дыхание.

— М-да... В книгах можно найти упоминание о подвиде *Pseudohyphrydra*, живущем в болотистых водах Ангrena. Однако в последнее время ученый Бумблер из Альдесберга доказал, что это совершенно самостоятельный вид из семейства *Mordidae*, иначе Загрызцев. Представители этого вида питаются исключительно рыбами и малыми

земноводными. Их называли *Ichtyovorax bumbleri*.

— Повезло же чуду, — усмехнулся ведьмак. — Уже в третий раз называли.

— То есть?

— Существо, о котором вы говорите, это жряк, на Старшей Речи носящий название *cinerea*. И если ученый Бумблер утверждает, будто жряк питается исключительно рыбами, то отсюда я могу сделать вывод, что этот ученый муж никогда не купался в озерке, в котором обитает жряк. Но в одном Бумблер прав: с жагницей у жряка столько же общего, сколько у меня с лисой. Оба любим курочек и уток.

— Какая *cinerea*?! — воскликнул бакалавр. — *Cinerea* — мифическое существо! Нет, меня искренне разочаровывает ваше неведение. Воистину, я поражен...

— Знаю, — прервал Геральт. — Я многое теряю при ближайшем знакомстве. Тем не менее позволю себе сделать несколько замечаний к вашим теориям, глубокоуважаемый господин Питт. Так вот, жагницы всегда жили в Дельте и продолжают тут жить. Правда, было время, когда казалось, что они вымерли. Потому что они питались маленькими тюленями...

— Карликовыми морскими свиньями, обитающими в реках, — поправил магистр. — Не будьте невеждой. Не путайте тюленей с...

— ...питались морскими свиньями, а морских свиней истребили, так как они походили на тюленей, и поставляли тюлений мех и жир. Позже в верховьях реки прорыли каналы, понастроили дамб и плотин. Течение ослабло, Дельта заилилась и заросла. А жагница мутировала. Приспособилась.

— Не понял?

— Люди восстановили ее пищевую цепочку. Дали ей других теплокровных существ вместо морских свиней. По Дельте стали возить овец, крупный рогатый скот, свиней. Жагницы мгновенно сообразили, что любая плывущая по Дельте барка, баржа, плот или коменга — это одно огромное блюдо со жратвой.

— А мутация? Вы говорили о мутации?

— Это вот, выражаясь по-научному, жидкое дерьмо, — Геральт указал на зеленую воду, — кажется, жагнице по вкусу. Стимулирует рост. Эта стерва, похоже, может достигать таких размеров, что запросто стаскивает с плота корову. А уж стянуть с палубы человека — для нее пустяк. Особенно с палуб тех барок, которые Компания использует для перевозки пассажиров. Сами видите, как глубоко она сидит в воде.

Магистр бакалавр быстренько, насколько возможно и как того

позволяли телеги и багаж, попятился от борта.

— Я слышал всплеск, — шепнул он, всматриваясь в туман между группами растительности. — Милсдарь ведьмак! Я слышал...

— Спокойнее. Кроме плеска, слышен еще и скрип весел в уключинах. Это таможенники с реданского берега. Увидите, сейчас они тут появятся и устроят такую бучу, какую не сумели бы сотворить три, а то и четыре жагницы.

Мимо пробежал Гладыш. Громко выругался, пытаясь не придавить мальчонку в шапочке с пером, который путался у него под ногами. Пассажиры и купцы, страшно взволнованные, шебуршили свое имущество и пытались спрятать контрабанду.

Немного погодя о борт стукнулась большая лодка, и на палубу барки прыгнули четверо юрких, злых и очень шумливых мужчин. Они сразу же взяли шкипера в кольцо и принялись грозно кричать, пытаясь придать своим персонам и функциям видимость значительности, а затем активно накинудись на багаж и имущество пассажиров.

— Досматривают еще до того, как мы причалили! — посетовал Гладыш, подходя к ведьмаку и магистру. — Противозаконно, разве нет? Ведь мы еще не на реданской земле. Редания на правом берегу в полуверсте отсюда!

— Нет, — возразил бакалавр. — Граница между Реданией и Темерией проходит по фарватеру Понтара.

— А как тут, мать его, этот фарватер найти? Это Дельта! Островки, заливные луга постоянно меняют положение, фарватер что ни день другой. Кара господня! Эй! Сукин кот, поставь на место багор, не то я тебе задницу надеру! Благородная госпожа! Глядите за ребенком! Кара господня!

— Эверетт! Брось, испачкаешься!

— Что в сундуке? — верещали таможенники. — Эй, развязывай тюк. Это чья телега? Валюта есть? Есть, говорю, валюта? Темерские или нильфгаардские деньги?

— Вот так выглядит таможенная война, — прокомментировал кутерьму Линус Питт, делая умную мину. — Визимир заставил Новиград ввести у себя право склада. Фольтест из Темерии ответил реторсионным, то есть абсолютным, правом склада в Выземе и Горс Велене и тем самым здорово подсек реданских купцов. Тогда Визимир поднял пошлины на темерские изделия. Защищает, видите ли, реданское хозяйство. Темерию заполняют дешевые товары из нильфгаардских мануфактур, а ремесленникам конкуренции не выдержать.

— Короче говоря, — усмехнулся Геральт, — Нильфгаард товаром и

золотом помаленьку подбирает под себя то, чего не смог взять оружием. Темерия не защищается? Фольтест не вводит блокады южных границ?

— А как? Товар идет через Махакам, через Бругге, через Вердэн, через порты Цидариса. Купцов интересует исключительно прибыль, а не политика. Если король Фольтест закроет границу, купеческие гильдии поднимут дикий крик...

— Валюта есть? — буркнул, подходя, заросший щетиной таможенник с кроваво-красными глазами. — Что-нибудь для досмотра?

— Я ученый!

— Да хоть князь! Спрашиваю: что ввозите?

— Оставь их, Боратек, — сказал начальник группы, высокий и плечистый таможенник с длинными усами. — Ведьмака не признал? Привет, Геральт. Это твой знакомый ученый? В Оксенфурт, стало быть? И без багажа?

— Верно. В Оксенфурт. И без багажа.

Таможенник вытащил из рукава огромный платок, протер лоб, усы и шею.

— Ну и как нынче, Геральт? Чудовище объявлялось?

— Нет. А ты, Ольсен, может, что видел?

— Мне глазеть недосуг. Я работаю.

— Мой папка, — встрял бесшумно подкравшийся Эверетт, — рыцарь короля Фольтеста! У него усы еще длиннее! Во какие!

— Топай отсюда, молокосос, — шуганул его Ольсен и тяжело вздохнул. — Может, есть малость водки, Геральт?

— Нет.

— У меня есть, — удивил всех ученый муж из академии, вытаскивая из саквояжика плоский бурдючок.

— А у меня закусь, — похвалился Гладыш, появляясь как из-под земли. — Копченые налимы!

— А у моего папки...

— Брысь отседова, малек!

Уселись на бухтах канатов в тени одного из стоящих посередине палубы возов, поочередно прикладываясь к бурдючку и закусывая налимом. Ольсену пришлось их ненадолго покинуть, потому что разразился скандал. Купец-краснолюд из Махакама требовал сбавить пошлину, пытаясь убедить таможенников, что ввозимые им меха — это шкурки не чернобурых лисиц, а кошек. Исключительно крупных. Мать же юркого и прилипчивого Эверетта вообще не желала подвергаться досмотру, плаксиво ссылаясь на ранг мужа и привилегии, которые дает знатное

происхождение.

Барка медленно двигалась по широкой протоке меж покрытых кустарником островов, волоча за собой по бортам косы кувшинок, водяных лилий и гореца. В камышах грозно гудели слепни и посвистывали морские черепахи. Цапли, стоя на одной ноге, со стоическим спокойствием глядели в воду, зная, что горячиться вовсе ни к чему — рано или поздно рыба подплывет сама.

— Итак, милсдарь Геральт, — бросил Гладыш, вылизывая налимью кожицу. — Еще один спокойный рейс? Знаете, что я вам скажу? Это чудище — не дурак. Оно знает, что вы на него затаились. У нас в селе была, понимаешь, речка, выдра в ней проживала. На дворы прокрадывалась, курей душила. А такая была хитрющая, что никогда не залазила, ежели в дому был отец либо я с братьями. Только тогда появлялась, когда оставался дедок. Один-одинешенек. А дедуля наш, понимаешь, был маленько того, умишком слабоват, да и ноги у него паралич хлопнул. Выдра, песья мать, словно знала. Ну и однажды отец...

— Десять процентов *ad valorem*! — раскричался с середины палубы краснопольский купец, размахивая лисьей шкуркой. — Сколько положено и сверх того ни медяка не заплачу!

— Так конфискую все! — зло рявкнул Ольсен. — И новиградской страже сообщу, а уж тогда в кутузку пойдешь вместе с этим своим Адвалором! Боратек, забирай все до гроша! Эй, мне-то хоть оставили?

— Садись, Ольсен. — Геральт освободил место на канатах. — Нервная у тебя, погляжу, работенка.

— У меня она уже в печенках сидит. — Таможенник вздохнул, отхлебнул из бурдючка, вытер усы. — Брошу к чертовой матери, вернусь в Аэдирн. Я, потомственный венгербержец, потащился за сестрой и шурином в Реданию, а теперь возвращаюсь. Знаешь, Геральт, думаю записаться в армию. Король Демавенд вроде бы объявил набор в специальные войска. Полгода учебы в лагере, а уж потом пойдет деньга в три раза больше, чем я тут получаю, даже вместе со взятками. Пересолен твой налим.

— Слышал я о том специальном войске, — подтвердил Гладыш. — Это супротив белок задумано, потому как со скотоельскими бригадами легулярное войско не управляется. Охотнее всего туда принимают, я слышал, полуэльфов. Но тот лагерь, где их воевать учат, это навроде, понимаешь, истинного пекла. Оттедова половина на половину выходят, одни на жалованье, другие на жальник. Ногами вперед.

— Так надо, — сказал таможенник. — Специальные войска, шкипер, это тебе не хухры-мухры! Это не засратые щитоносцы, которым важно

только знать, каким концом пика колет. Специальное войско должно уметь биться!

— Такой уж ты суровый вояка, Ольсен? А белок не боится? Что тебе задницу стрелами утыкают?

— И-эх! Я небось тоже знаю, как тетиву натягивать. Уж воевал с Нильфгаардом, так что мне эльфы? Тьфу!

— Говорят, — вздрогнул Гладыш, — ежели кто живьем в руки попадет энтим скотоелям... Так лучше б ему не родиться. Замучают вусмерть.

— А, заткнись, шкипер. Плетешь, как баба какая, невесть чего. Война есть война. То ты врагу, то он тебе пинка под зад даст. Наши пойманных эльфов тоже не шибко жалуют.

— Тактика террора. — Линус Питт выкинул за борт голову и хребет налима. — Насилие порождает насилие. Ненависть поселилась в сердцах... и отравила кровь побратима...

— Чего-чего? — скривился Ольсен. — Балакайте по-людски...

— Тяжкие времена настали.

— Это уж точно, — подтвердил Гладыш. — Не иначе, понимаешь, большая война будет. Вороны каждый день густо по небу летают, похоже, пададь им уже видится. А прорицательница Итлина конец света предрекла. Белый, говорит, Свет придет, а за ним, понимаешь, Белый Хлад. Либо наоборот, забыл, как там было. А людишки треплются, мол, были уже знаки на небе...

— Ты лучше на фарватер гляди, шкипер, чем на небо-то зыриться, а то, глядь, на мели заползет твой корабль, не приведи Господи. Ну вот и Оксенфурт. Гляньте-ка, уже Бочку видно!

Туман явно поредел, так что стали видны на правом берегу поля и участок акведука.

— Это, милостивые государи, экспериментальная установка для очистки стоков, — похвалился магистр бакалавр, отказавшись от очередного глотка водки. — Великий прогресс науки, огромное достижение академии. Мы отремонтировали бывший эльфов акведук, каналы и отстойник, уже очищаем стоки со всего университета, городка, ближних сел и ферм. То, что вы называете Бочкой, и есть отстойник. Огромный успех науки...

— Головы ниже, головы... — бросил Ольсен, прячась за фальшбортом. — В прошлом годе, когда эта штуковина взорвалась, так говно занесло аж до Журавлиной Кущи.

Барка вошла в протоку между островами, приземистая башня и акведук скрылись в тумане. Все облегченно вздохнули.

— Ты плывешь по Оксенфуртскому рукаву, Гладыш? — спросил Ольсен.

— Сначала заверну в Грабовую Бухту. За рыботорговцами и купцами с темерской стороны.

— Хм, — почесал шею таможенник. — В бухту... Слушай-ка, Геральт, у тебя, случайно, нет ли каких конфликтов с темерцами?

— А что? Кто-то обо мне спрашивал?

— В том-то и дело. Я, понимаешь, не забыл твоей просьбы вылавливать таких, что тобой любопытствуют. Так вот, испытывала о тебе темерская стража. Мне о том донесли темерские таможенники, у меня с ними дружба. Чем-то тут, Геральт, пахнет.

— От воды? — беспокоился Линус Питт, оглянувшись на акведук и «колоссальный успех науки».

— От того говнюка? — ткнул Гладыш пальцем в Эверетта, постоянно вертевшегося поблизости.

— Я не о том, — поморщился таможенник. — Послушай, Геральт, темерские таможенники говорили, что стражники задавали странные вопросы. Они знают, что ты плаваешь на барках Малатиуса и Грока. Пытались, в одиночку ли. Не возишь ли с собой... А, черт, только не смейся! Их интересовала какая-то несовершеннолетняя девчонка, которую якобы выдвигали в твоём обществе.

Гладыш захохотал. Линус Питт глянул на ведьмака полным неприязни взглядом, каким и полагается смотреть на седовласых мужчин, заинтересовавших закон склонностью к несовершеннолетним девочкам.

— Поэтому, — откашлялся Ольсен, — таможенники посчитали, что скорее всего это частные сыщики. Личные счета, в которые кто-то впутывает стражу. Вроде бы... Ну, семья девчонки или жених. Ну, таможенники попробовали выяснить, кто за этим стоит. И выяснили... Какой-то дворянин вроде бы, языкастый, не бедный и не скупой, велящий именовать себя... Риенсом... или вроде того. На левой щеке у него красное пятно вроде ожога. Знаешь такого?

Геральт встал.

— Гладыш, я сойду в Грабовой Бухте.

— Чего это? А как же чудище?

— Это ваши заботы.

— Кстати о заботах, — прервал Ольсен, — глянь-ка на правый борт. Легки на помине.

Из-за острова, из быстро поднимающегося тумана возник баркас, на мачте которого лениво трепыхался черный флаг, украшенный серебряными

лилиями. Экипаж судна состоял из нескольких человек в островерхих шапках темерских стражников.

Геральт быстро схватился за сумку, вытащил оба письма — от Цири и от Йеннифэр. Скоренько порвал их на мелкие кусочки и выкинул в реку. Таможенник молча наблюдал за ним.

— Что ты творишь, позволь узнать?

— Не позволю. Гладыш, присмотри за моей лошастью.

— Ты хочешь... — поморщился Ольсен. — Ты намерен...

— Мое дело, что я намерен... Не вмешивайся, не то случится пограничный инцидент. Они плывут под темерским флагом.

— Трахал я их флаг. — Таможенник передвинул корд поудобнее, протер рукавом эмалированную пластинку на груди с изображением орла на красном поле. — Если я на палубе и занят досмотром, значит, здесь Редания. Я не позволю...

— Ольсен, — схватил его за рукав ведьмак, — не вмешивайся, прошу тебя. Того, обожженного, на баркасе нет. А мне необходимо знать, кто он таков и чего хочет. Мне необходимо с ним встретиться.

— Хочешь, чтоб в колодки заковали? Не дури! Если это личные счеты, месть по частному поручению, то сразу же за островом, на Глубине, полетишь за борт с якорем на шее. Встретишься с раками на дне!

— Это темерская стража, не бандиты!

— Да? Ты только глянь на их морды! Впрочем, я мигом узнаю, кто они такие в натуре. Увидишь.

Баркас быстро подошел и пристал к борту барки. Один из стражников бросил канат, другой зацепил релинг багром.

— Я шкипер! — Гладыш загородил дорогу трем запрыгнувшим на палубу людям. — Это судно Компании Малатиуса и Грока! В чем дело...

Один из людей, коренастый и лысый, бесцеремонно оттолкнул его рукой, толстой, как ветвь дуба.

— Некий Геральт, именуемый Геральтом из Ривии, — загремел он, измеряя шкипера взглядом. — Есть таковой на борту?

— Нету.

— Это я. — Ведьмак переступил через сумки и тюки, подошел. — Это я Геральт, именуемый Геральтом. В чем дело?

— Именем закона вы арестованы. — Лысый окинул взглядом толпу пассажиров. — Где девчонка?

— Я один.

— Бреешь!

— Минутку, минутку. — Из-за спины ведьмака вышел Ольсен,

положил руку ему на плечо. — Спокойнее, без крика. Опоздали, темерцы. Он уже арестован, и тоже именем закона. Я схватил. За контрабанду. В соответствии с приказом забираю его в кордегардию в Оксенфурте.

— Вон как? — поморщился лысый. — А девчонка?

— Здесь нет и не было никакой девчонки.

Стражники растерянно переглянулись. Ольсен широко улыбнулся, подкрутил черные усы, фыркнул.

— Знаете, что мы сделаем? Плывите с нами до Оксенфурта. Мы с вами — люди простые, где уж нам разбираться в законах? А комендант оксенфуртской кордегардии — человек неглупый и бывалый, он нас рассудит. Ведь вы знаете нашего коменданта, а? Он, к примеру, вашего, из Бухты, прекрасно знает. Выложите ему ваше дело... Покажете приказ и печати... У вас же, как положено, есть приказ с печатями?

Лысый молчал, угрюмо глядя на таможенника. Наконец бросил:

— Нет у меня ни времени, ни желания плыть в Оксенфурт! Забираю пташку на наш берег, и вся недолга! Стран, Витек! А ну осмотрите барку! Отыщите девку, мигом!

— Тихо. Помаленьку. — Ольсен, не обращая внимания на крик, цедил слова медленно и четко. — Вы на реданской стороне Дельты, темерцы. Нет ли у вас чего для досмотра? Иль какой контрабанды? Сейчас проверим. Поищем. А чего найдем, так придется вам потопать в Оксенфурт. А мы, ежели хотим, завсегда чего-нить найдем. Парни! Ко мне!

— Мой папка, — неожиданно пропищал Эверетт, неведомо когда появившийся рядом с лысым, — рыцарь! У него нож еще побольше!

Лысый мгновенно хватил паренька за бобровый воротник, поднял над палубой, сорвал шапчонку с перышком. Перехватил его в поясе рукой, приставил мальчонке к горлу охотничий нож.

— Назад! — рявкнул он. — Назад! Перережу глотку сопляку!!!

— Эвере-е-етт! — взвыла матрона.

— Любопытные методы, — медленно проговорил ведьмак, — применяет темерская стража. Воистину, настолько любопытные, что прямо-таки верить не хочется, что это действительно пограничная стража.

— Заткнись! — взвился лысый, трясая визжащего как поросенок Эверетта. — Стран, Витек, хватайте его! В путы и на баркас. А вы — назад! Где девчонка, спрашиваю? Давай ее сюда, а то прирежу говнюка!

— Давай режь, — процедил Ольсен, вытаскивая корд и подавая знак своим таможенникам. — Мой он, что ли? А когда уж прирежешь, поболтаем.

— Не лезь! — Геральт кинул меч на палубу, жестом удержал

таможенников и матросов Гладыша. — Я твой, господин лжестражник. Отпусти ребенка.

— На баркас! — Лысый, не отпуская Эверетта, попятился к борту, ухватился за канат. — Витек, вяжи его! А вы все — назад! Если кто пошевелится, щенок сдохнет!

— Ты спятил, Геральт? — буркнул Ольсен.

— Не вмешивайся!

— Эвере-е-етт!

Темерский баркас вдруг покачнулся, отскочил от барки. Вода взбурлила, и из нее с громким плеском выскочили две длинные зеленые шершавые лапы, усеянные шипами, словно конечности богомола. Лапы схватили стражника с гарпуном и мгновенно утащили под воду. Лысый дико завыл, отпустил Эверетта и вцепился в канаты, свисающие с борта баркаса. Эверетт свалился в воду, которая уже успела покраснеть. Все — и на барке, и на баркасе — принялись кричать как сумасшедшие.

Геральт вырвался из рук пытавшихся связать его стражников. Одного ударил кулаком в подбородок и выкинул за борт. Второй замахнулся на него железным крюком, но обмяк в объятиях Ольсена. Под ребра ему по рукоять был всажен корд.

Ведьмак перемахнул через низкий релинг. Не успела еще густая от водорослей вода сомкнуться у него над головой, как он услышал крик Линуса Питта, преподавателя естественной истории в Оксенфуртской академии, магистра бакалавра:

— Что это? Что за вид? Таких животных нет и быть не может!!!

Геральт нырнул у самого борта темерского баркаса, чудом избежав удара острогой, которой его пытался ткнуть один из людей лысого. Стражник собрался было ударить снова, но свалился в воду со стрелой в горле. Геральт схватил упущенную острогу, оттолкнулся ногами от борта, кинулся в клубящуюся круговерть, с размаха ткнул во что-то, надеясь, что это не Эверетт.

— Невероятно! — слышал он крик бакалавра. — Такое животное существовать не может! Во всяком случае, не должно!

«Полностью согласен с последним утверждением», — подумал ведьмак, тыча острогой в твердый, усеянный шипами панцирь жагницы. Труп темерского стражника бессильно подергивался в серповидных челюстях чудовища. Жагница резко взмахнула плоским хвостом, нырнула на дно, вздымая тучи ила.

Геральт услышал тонкий крик: Эверетт, колотя по воде руками, словно щенок лапами, ухватился за ноги лысого, пытающегося взобраться на

баркас по свисающим с борта канатам. Канаты оборвались, стражник и мальчик, пуская пузыри, скрылись под водой. Геральт кинулся в их сторону, нырнул. То, что он почти тут же наткнулся пальцами на бобровый воротник мальчонки, было полнейшей случайностью. Ведьмак вырвал Эверетта из опутывающих его водорослей, вынырнул спиной вниз и, молотя ногами, подплыл к барке.

— Здесь, Геральт! Здесь! — слышал он перебивающие друг друга крики и рев. — Давай его! Канат! Хватай канат! Зара-а-аза! Канат! Геральт, острой! Мое ди-и-итя!!!

Кто-то вырвал мальчика у него из рук, поволок наверх. В тот же момент кто-то другой ухватил его сзади, саданул по затылку, накрыл собой и толкнул под воду. Геральт упустил острогу, развернулся, вцепился нападающему в пояс. Второй рукой хотел ухватить за волосы, но из этого ничего не получилось. Человек был тот самый — лысый.

Оба вынырнули. Только на мгновение. Темерский баркас уже немного отошел от барки. Сцепившиеся в схватке Геральт и лысый оказались посередине. Лысый схватил ведьмака за горло, тот сунул ему большой палец в глаз. Стражник завыл, отпустил его, отплыл. Геральт не мог отплыть, что-то держало его за ногу и тянуло вниз. Рядом пробкой выскочила в воздух половина тела. Он уже знал, что его держит, разъяснения Линуса Питта, орущего с борта барки, ему были ни к чему.

— Это членистоногое! Отряд Amphipoda! Класс Крупножвальные!

Геральт яростно заколотил руками по воде, пытаясь вырвать ногу из клещей жагницы, тащивших его к мерно щелкающим жвалам. Магистр бакалавр снова оказался прав. Жвалы были немалые.

— Хватай канат! — кричал Ольсен. — Канат хватай!

Над ухом ведьмака просвистела острога, с треском врезалась в вынырнувший, обросший водорослями и ракушками панцирь чудовища. Геральт ухватился за древко, надавил, сильно оттолкнулся, поджал свободную ногу и с размаху ударил по жагнице. Вырвался из ее шипастых лап, оставив в них башмак, большую часть брюк и немало кожи. В воздухе, в основном мимо цели, засвистели новые остроги и гарпуны. Жагница убрала лапы, махнула хвостом, грациозно нырнула в зеленую глубь.

Геральт ухватился за канат, который свалился ему прямо на лицо. Багор, болезненно поранив бок, подцепил его за пояс. Он почувствовал рывок, поехал вверх, подхваченный множеством рук, перевалился через релинг и рухнул на доски палубы, истекая водой, илом и кровью. Рядом толпились пассажиры, экипаж барки и таможенники. Краснолюд, везший меха «особо крупных чернобурых кошек», и Ольсен стреляли из луков,

перегнувшись через фальшборт. Эверетт, мокрый и зеленый от водорослей, стучал зубами в объятиях матери, ревел и объяснял всем, что он не хотел.

— Милсдарь Геральт! — кричал у него над ухом Гладыш. — Вы живы?

— Черт побери... — Ведьмак выплюнул водоросли. — Стар я уже для этого... Слишком стар...

Рядом краснолюд спустил тетиву, и Ольсен радостно заорал:

— Прямо в брюхо! О-хо-хо! Прекрасный выстрел, господин арбалетчик! Эй, Боратек, верни ему деньги! Своим выстрелом он заработал таможенную скидку!

— Пойдите... — прохрипел ведьмак, тщетно пытаясь встать. — Не поубивайте всех, черт побери! Мне нужен хоть один живой!

— Одного-то мы оставили, — заверил таможенник. — Того, лысого, что со мной препирался. Остальных перестреляли. А плешивый — вон он, там плышет. Щас выловим. Давайте гарпун!

— Открытие! Великое открытие! — кричал Линус Питт, прыгая у борта. — Совсем новый, неизвестный науке вид! Совершеннейший уникам! Ах, как я вам благодарен, милсдарь ведьмак! Отныне этот вид будет фигурировать в книгах как... как *Geraltia maxillosa pittii*!

— Уважаемый бакалавр, — щелкнул зубами Геральт. — Если вы взаправду хотите меня отблагодарить... то пусть эта холера называется *Everetia*.

— Тоже красиво, — согласился ученый. — Ах, какое открытие! Какой уникальный, изумительный образец! Наверняка единственный живущий в Дельте!

— Нет, — неожиданно угрюмо сказал Гладыш. — Не единственный! Гляньте!

Прилегающий к недалекому островку ковер желтых кувшинок дрогнул, резко заколыхался. Они увидели волну, а потом — огромное, продолговатое, напоминающее гнилой ствол тело, быстро перебирающее многочисленными конечностями и щелкающее челюстями. Лысый оглянулся, дико взвыл и поплыл, колошматя по воде руками и ногами.

— Какой экземпляр, какой экземпляр! — быстро записывал возбужденный до предела Питт. — Головные хватательные конечности, четыре пары челюстеножек... Сильный хвостовой веер... Острые клещи...

Лысый снова оглянулся и завыл еще пронзительнее. А *Everetia maxillosa pittii* вытянула хватательные головные конечности и сильнее взмахнула хвостовым веером. Лысый поднял фонтаны брызг в отчаянной и безнадежной попытке спастись.

— Да будет вода ему водкой, — сказал Ольсен. Но шапки не снял.
— М-мой пап-пка, — защелкал зубами Эверетт, — умеет плавать быстрее, ч-чем тот дядя!
— Уберите ребенка, — буркнул ведьмак.
Чудовище раззявило клещи, щелкнуло челюстями. Линус Питт побледнел и отвернулся.
Лысый коротко вскрикнул, захлебнулся и скрылся под водой. Вода запульсировала темным кармином.
— Зараза. — Геральт тяжело опустился на палубу. Сел. — Слишком уж я стар для этого... Чересчур стар...

Что уж тут говорить — Лютик был прямо-таки влюблен в городок Оксенфурт.

Территорию университета окружали стены, а вокруг стен раскинулось второе кольцо — большое, шумное, пыхтящее, бурлящее и галдящее кольцо городка. Деревянного, пестроцветного городка Оксенфурт с узкими улочками и островерхими крышами, городка Оксенфурт, который жил Академией, жаками, преподавателями, учеными, исследователями и их гостями, жил наукой и за счет науки и знаний, жил тем, что обычно сопутствует процессу познания, ибо из отходов и осколков теории в городке Оксенфурт рождались практика, сделки и доходы.

Поэт медленно ехал по грязной, забитой народом улочке, минуя мастерские, лавки, магазины и магазинчики, в которых благодаря Академии изготавливали и продавали десятки тысяч изделий и прелестей, недоступных в других уголках мира, изготовление которых в других уголках мира считалось невозможным либо нерентабельным. Он миновал трактиры, кабаки, лотки, будки, ларьки, стойки и переносные прилавки, источавшие захватывающие дух ароматы экзотических, неведомых в других уголках мира блюд, приготовленных неведомыми в других уголках мира способами, с добавками и приправами, которых в других уголках мира и не знали, и не использовали. Это был Оксенфурт, пестрый, веселый, шумный и ароматный городок чудес, в которые ловкие и инициативные люди ухитрялись превратить сухую и бесполезную, казалось бы, теорию, понемногу просачивающуюся сквозь университетские стены. Был это также и городок увеселений, вечерних гуляний, постоянного праздника и непрекращающегося кутежа. Улочки днем и ночью гремели музыкой,

пением, звоном бокалов и стуком кружек, ибо известно — ничто так не усиливает жажды, как процесс усвоения знаний. Несмотря на то что распоряжением ректора студентам и бакалаврам запрещалось пить и гулять до наступления темноты, в Оксенфурте пили и гуляли круглые сутки, поскольку известно, что если что-то и может усилить жажду еще больше, нежели процесс усвоения знаний, так это именно полный либо частичный запрет употреблять горячительное.

Лютик подбодрил своего темно-гнедого мерина и поехал дальше, пробиваясь сквозь заполняющие улочки толпы. Перекупщики, лоточники и бродячие мошенники шумно рекламировали свои товары и услуги, еще больше усиливая и без того царящий вокруг беспредельный хаос.

— Кальмары! А вот кому жареные кальмары?!

— Мазь от коросты! Только у меня! Надежная, изумительная мазь!

— Коты ловчие, коты чародейские! Только послушайте, добрые люди, как они мяучат!

— Амулеты! Эликсиры! Любовные фильтры! Приворотные средства! Любисточки и афродизиаки с гарантией! От одной щепотки даже покойник воспрянет! Кому, кому?!

— Зубы рву почти безболезненно! Дешево! Дешево!

— Что значит «дешево»? — заинтересовался Лютик, грызя надетого на прутик жесткого как подошва кальмара.

— Два геллера в час!

Поэт вздрогнул, пнул мерина ногой, украдкой оглянулся. Два типа, следовавшие за ним от самой ратуши, остановились около цирюльни, прикидываясь, будто их заинтересовали цены цирюльничьих услуг, выписанные мелом на доске. Лютик не дал себя обмануть: знал, что их действительно интересует.

Он проехал мимо огромного здания борделя «Под Розовым Бутоном», где, как было известно всем, предлагались изысканные, неведомые либо непопулярные в других уголках мира улады. Искушение заглянуть на часок вызвало кратковременную, но интенсивную борьбу холодного Лютикового рассудка с его же поэтическим характером. Победил рассудок. Лютик вздохнул и двинулся к Академии, стараясь не замечать кабаков, из которых вырывались веселые и призывные звуки.

Нет, что ни говори, а трубадур любил городок Оксенфурт.

Он снова оглянулся. Два соглядатая так и не воспользовались услугами цирюльника, хотя вроде бы намеревались. Теперь они стояли у магазинчика с музыкальными инструментами, делая вид, будто заинтересовались глиняными окаринами. Продавец из кожи вон лез, расхваливая товар в

надежде заработать. Лютик знал, что пыжился он напрасно.

Он направил коня к главным воротам Академии — Воротам Философов. Быстро разделался с формальностями, сводившимися к тому, чтобы расписаться в гостевой книге и отвести мерина в конюшню.

За Воротами Философов его встретил иной мир. Территория учебного заведения ничем не походила на кварталы обычной городской застройки, в противоположность городку она не была полем упорных боев за каждую пядь пространства. Здесь все было почти так, как оставили эльфы. Широкие, посыпанные мелким цветным гравием аллеи между изящными, радующими глаз особняками, ажурные ограды, заборчики, живые изгороди, каналы, мостики, клумбы и зеленые скверики только в немногих местах были придавлены каким-нибудь огромным угрюмым домом, построенным в более поздние, постэльфыи времена. Везде было чисто, спокойно и благородно — здесь запрещались любые формы торговли и платных услуг, не говоря уж об увеселениях духа или плотских утех.

По аллеям парка прогуливались жаки, уставившиеся в книги, свитки и пергаменты. Другие, устроившись на скамеечках, газонах и клумбах, излагали друг другу задания, дискутировали, а то и незаметно играли в «чет-нечет», «козла», «пьяницу» либо другие, требующие наличия столь же высокого интеллекта игры. Здесь же вальяжно и с достоинством совершали променады профессора, погруженные в глубокомысленные беседы либо научные споры. Крутились юные бакалавры, вперив взоры в соблазнительные попочки студенток. Лютик с удовольствием отметил, что с его времен в Академии ничего не изменилось.

С Дельты повеял ветер, принесся сладкий аромат моря и несколько более сильный дух сероводорода со стороны величественного здания Кафедры Алхимии, возвышающегося над каналом. В кустах прилегающего к студенческим общежитиям парка посвистывали серо-желтые зеленушки, а на тополе сидел орангутан, сбегавший, вероятно, из зверинца при Кафедре Естественной Истории.

Не теряя времени, поэт быстренько углубился в лабиринт аллеек и живых изгородей. Территорию он знал как свои пять пальцев, и неудивительно — учился здесь четыре года, а потом целый год преподавал на Кафедре Труверства и Поэзии. Должность преподавателя ему предложили, когда он, блестяще сдав последний экзамен, заставил профессоров онеметь, поскольку за время занятий снискал репутацию лентяя, гуляки и идиота. Позже, когда после нескольких лет скитаний по стране с лютней его слава менестреля разошлась далеко и широко, Академия принялась усиленно добиваться его визита и гостевых лекций.

Лютик изредка позволял себя упросить, поскольку любовь к бродяжничеству в нем непрестанно боролась с влечением к удобству, роскоши и постоянному доходу. Ну и, конечно, с симпатией к Оксенфурту.

Он оглянулся. Два типа, которые так и не приобрели ни окарин, ни свирелей, ни гуслей, следовали за ним на некотором отдалении, внимательно рассматривая верхушки деревьев и фасады домов.

Беззаботно посвистывая, поэт свернул с центральной аллеи и направился к особняку, в котором размещалась Кафедра Медицины и Траволечения. Аллейка, ведущая к Кафедре, была полна студенток в характерных светло-зеленых одеждах. Лютик внимательно осматривался в поисках знакомых лиц.

— Шани!

Молоденькая медичка с темно-рыжими подстриженными чуть ниже ушей волосами оторвалась от анатомического атласа, встала со скамейки.

— Лютик! — улыбнулась она, щуря веселые карие глаза. — Сто лет тебя не видела! Иди, представлю тебя подругам. Они влюблены в твои стихи.

— Потом, — шепнул бард. — Взгляни незаметно, Шани. Видишь тех двоих?

— Шпики. — Медичка сморщила курносый носик, фыркнула, не впервой изумляя Лютика тем, как легко жаки распознают разведчиков, шпионов и осведомителей. Антипатия, испытываемая студенческой братией к секретным службам, была притчей во языцех, хоть и не вполне поддавалась рациональному объяснению. Университет пользовался экстерриториальностью, а студенты и преподаватели — неприкосновенностью. Службы, которые занимались выкорчевыванием любой и всяческой крамолы, не осмеливались докучать «академикам».

— Идут за мной от самого рынка, — сказал Лютик, делая вид, будто заигрывает с медичкой. — Можешь что-нибудь для меня сделать?

— Смотря что. — Девушка покрутила шейкой, как испуганная серна. — Если ты снова влип в какую-то дурную историю...

— Нет, нет, — быстро успокоил он. — Я только хочу передать сообщение, а сам не могу из-за того дерьма, что прилипло к моим каблукам...

— Крикнуть ребят? Одно слово — и шпииков как ветром сдует.

— Утихомирься. Хочешь, чтобы начались беспорядки? Едва-едва кончились скандалы из-за торговых мест для нелюдей, а тебе уже новых захотелось? К тому же я не люблю насилия. Со шпииками я управлюсь, а вот ты, если можешь...

Он приблизил губы к волосам девушки, некоторое время что-то шептал. Глаза Шани расширились.

— Ведьмак? Настоящий ведьмак?

— Тише ты. Сделаешь?

— Конечно. — Медичка с готовностью улыбнулась. — Хотя бы просто из любопытства. Увидеть вблизи известного...

— Я же просил — тише. Только помни — никому ни словечка.

— Врачебная тайна. — Шани улыбнулась еще милее, а Лютику опять захотелось в конце концов сложить балладу о таких вот девочках — не очень ладных, но прекрасных, таких, которые снятся по ночам, в то время как классически красивые девы забываются через пять минут.

— Спасибо, Шани.

— Пустяки, Лютик. До скорого. Привет.

Обцеловав, как положено, друг другу щеки, поэт и медичка резво направились в противоположные стороны: она — к Кафедре, он — к Парку Мыслителей.

Пройдя мимо современного угрюмого здания Кафедры Техники, носящего у жаков название «Deus ex machina», он свернул к Мосту Гильденштерна. Далеко уйти не удалось. За поворотом аллеики, у клумбы с бронзовым бюстом Никодемуса де Боота, первого ректора Академии, его поджидали оба шпики. По обычаю всех шпииков мира они старались не глядеть собеседнику в глаза, и, как у всех шпииков мира, у них были самые обыкновенные, ничего не говорящие физиономии, которым они усиленно пытались придать умное выражение, благодаря чему здорово напоминали душевнобольных.

— Привет от Дийкстры, — бросил один из шпииков. — Идемте.

— Взаимно, — нахально ответил бард. — Идите.

Шпионы переглянулись, затем, не двинувшись с места, уставились на нецензурное слово, которое кто-то накорябал углем на цоколе ректорского бюста. Лютик вздохнул.

— Так я и думал, — сказал он, поправляя лютню. — Стало быть, мне непременно придется куда-то идти с уважаемыми господами? Что делать? Пошли. Вы — впереди, я — сзади. В данном конкретном случае возраст должен уступить красоте почетное место в строю.

Дийкстра, шеф секретных служб короля Визимира Реданского, на

шпиона не походил. Особенно далеко он отступал от стереотипа, в соответствии с которым шпион непременно должен быть невысоким, тощим, с крысоподобной мордочкой и маленькими пронизательными глазками, зыркающими из-под черного капюшона. Дийкстра, как было известно Лютику, капюшонов никогда не носил и отдавал предпочтение одежде светлых тонов. В нем было почти семь футов росту, а весил он, вероятно, ненамного меньше тринадцати пудов. Когда он скрещивал руки на груди — а скрещивать их он любил, — это выглядело так, словно два кашалота пристроились на ките. Что касается черт лица, прически и цвета волос, то он походил на свежееотмытого борова. Лютик знал очень немногих людей, внешность которых была бы столь обманчива, как у Дийкстры. Потому что этот боровоподобный гигант, казавшийся вечно сонным, разбухшим кретином, обладал необычайно живым умом. И немалым авторитетом. Популярная при дворе короля Визимира поговорка гласила, что если Дийкстра утверждает, что на улице полдень, хотя там стоит непроглядная темень, значит, следует беспокоиться судьбами солнца.

Однако сейчас Лютика волновало — и не без оснований — другое.

— Лютик, — сонно проговорил Дийкстра, скрещивая кашалотов на ките. — Ты дурья башка. Ты законченный идиот. Неужто тебе обязательно надо испоганить все, за что бы ты ни взялся? Хотя один-единственный раз в жизни ты можешь сделать что-нибудь нормально? Мне известно, что тебе около сорока, выглядишь ты на тридцать, думаешь, будто тебе немногим больше двадцати, а поступаешь так, якобы тебе всего лишь десять. Я это понимаю, поэтому-то, как правило, даю тебе точнейшие указания. Я говорю тебе, когда, как и что ты должен сделать. И у меня постоянно такое ощущение, словно я говорю в пустоту.

— А у меня, — ответил поэт, набравшись наглости, — постоянно такое ощущение, будто ты раскрываешь рот исключительно ради тренировки губ и языка. Давай переходи к конкретным вопросам, исключай из речи риторические построения и никчемное красноречие. В чем дело на сей раз?

Они сидели за большим дубовым столом, меж заставленных книгами и заваленных рулонами пергамента шкафов, на самом верхнем этаже ректората, в арендуемых помещениях, которые Дийкстра игриво именовал Кафедрой Новейшей Истории, а Лютик — Кафедрой Практического Шпионажа и Прикладной Диверсии. Было их, включая поэта, четверо: кроме Дийкстры в беседе участвовали еще две персоны. Одной из этих персон был, как обычно, Ори Ройвен, седой и вечно простуженный

секретарь шефа реданских шпионов. Вторая была персоной не вполне обычной.

— Ты прекрасно знаешь, о чем я, — холодно сказал Дийкстра. — Однако, поскольку тебе доставляет удовольствие прикидываться идиотом, я не стану портить тебе настроения и разъясню понятными словами. А может, пожелаешь воспользоваться такой возможностью ты, Филиппа?

Лютик кинул взгляд на молчавшую до того четвертую, не вполне обычную, персону. Филиппа Эйльхарт, видимо, прибыла в Оксенфурт недавно либо собиралась вскоре уехать, потому что была не в платье, не в привычном ярком макияже и без любимой бижутерии из черных агатов. На ней была короткая мужская курточка, брюки в обтяжку и высокие сапоги — одежда, которую поэт именовал «полевой». Темные волосы чародейки, обычно распущенные и пребывающие в художественном беспорядке, сейчас были зачесаны назад и перевязаны на затылке тесемкой.

— Жаль терять время, — сказала она, поднимая красивые брови. — Лютик прав. Пора отказаться от ложного красноречия и эффектной, но пустой болтовни. Стоящая перед нами проблема проста и банальна.

— О да, — усмехнулся Дийкстра. — Банальна. Опасный нильфгаардский агент, который уже мог бы банально сидеть в моей наилучшей третогорской тюрьме, банально сбежал, банально предупрежденный и спугнутый банальной дурью господ Лютика и Геральта. Мне доводилось видеть людей, отправляющихся на эшафот за значительно меньшие банальности. Почему ты не уведомил о подготовленной вами засаде, Лютик? Разве я не приказал информировать меня о всех намерениях ведьмака?

— Я ничего не знал о планах Геральта, — убежденно солгал Лютик. — Я же тебе говорил, что он отправился в Темерию и Содден на поиски Риенса. Я также сообщил тебе, когда он вернулся. Я был уверен, что он смирился с проигрышем. Риенс буквально растворился в воздухе, ведьмак не нашел ни малейших его следов, об этом, если помнишь, я тебе тоже говорил...

— Врал, — холодно сказал шпион. — Ведьмак нашел следы Риенса. В виде трупов. И тогда решил изменить тактику. Вместо того чтобы гоняться за Риенсом — подождать, пока тот найдет его сам. Нанялся на барки Компании Малатиуса и Грока в качестве сопровождающего. Сделал так, зная, что Компания широко объявит об этом, Риенс узнает и что-нибудь предпримет. И господин Риенс предпринял. Станный, неуловимый господин Риенс. Наглый, самоуверенный господин Риенс, которому не хочется даже пользоваться фальшивыми именами или переименовывать свое.

Господин Риенс, от которого за версту несет дымом из нильфгаардского камина и смердит чародеем-ренегатом. Правда, Филиппа?

Чародейка не сказала ни «да», ни «нет». Она молчала, изучающе и проницательно глядя на Лютика. Поэт опустил глаза, неуверенно кашлянул. Он не любил таких взглядов.

Привлекательных женщин, в том числе и чародеек, Лютик делил на чрезвычайно приятных, просто приятных, неприятных и очень неприятных. Чрезвычайно приятные на предложение отправиться в постель отвечали радостным согласием, просто приятные — веселым смехом. Реакцию неприятных предсказать было затруднительно. К очень неприятным трубадур относил тех, в отношении которых уже одна мысль о соответствующем предложении вызывала дрожь и слабость в коленках.

Филиппа Эйльхарт, хоть и весьма привлекательная, была очень неприятной.

Кроме того, Филиппа Эйльхарт была важной персоной в Совете Чародеев и пользовалась полным доверием в качестве придворной магички короля Визимира. Магичкой она была очень способной. Молва гласила, что она была одной из немногих, владеющих искусством полиморфизма. Выглядела она лет на тридцать. В действительности же ей было никак не меньше трехсот.

Дийкстра, сплетя пальцы пухлых рук на животе, крутил мельницу большими пальцами. Филиппа по-прежнему молчала. Ори Ройвен кашлял, хлюпал носом, беспрерывно поправлял просторную тогу. Тога походила на профессорскую покроем, но выглядела так, словно Ори получил ее не от Сената, а откопал на свалке.

— Однако твой ведьмак, — вдруг буркнул супершпион, — недооценил господина Риенса. Засаду-то он устроил, но при этом показал полнейшее отсутствие ума, предположив, будто Риенс заявится к нему лично. Риенс, как полагал ведьмак, должен был чувствовать себя в безопасности. Не мог унюхать подвоха, обнаружить подкарауливающих его людей господина Дийкстры. Потому что, видите ли, маэстро Лютик по приказу ведьмака не пикнул господину Дийкстре о расставленной ловушке. А ведь, выполняя распоряжение, маэстро Лютик обязан был это сделать. Маэстро Лютик имел на сей счет вполне четкие и однозначные приказы, которые он, понимаете ли, почел за благо пропустить мимо ушей.

— Я не твой подчиненный, — надулся поэт. — И не обязан выполнять твои распоряжения и приказы. Время от времени я помогаю тебе, но делаю это по собственной воле, из патриотических побуждений, чтобы не бездействовать, видя приближающиеся изменения...

— Ты шпионишь на всех, кто тебе платит, — холодно прервал Дийкстра. — Доносишь всем, у кого ты на крючке. А у меня на тебя несколько недурных крючочков, Лютик. Так что не дерзи.

— Я шантажа не боюсь!

— А может, поспорим?

— Господа. — Филиппа Эйльхарт подняла руку. — Будьте серьезнее, прошу вас. Не отклоняйтесь от темы.

— Верно. — Шпион раскинулся в кресле. — Послушай, поэт. Что с возу упало, то пропало. Риенса предупредили, и второй раз он будет осторожнее. Но я не могу допустить, чтобы подобное повторилось. Поэтому хочу встретиться с ведьмаком. Приведи его ко мне. Перестань блуждать по городу и не пытайся обмануть моих агентов. Иди прямо к Геральту и приведи его сюда, на Кафедру. Мне необходимо с ним поговорить. Лично и без свидетелей. Без шума и огласки, которые, несомненно, возникнут, если я захочу ведьмака арестовать. Приведи его ко мне, Лютик. Это все, что от тебя сейчас требуется.

— Геральт выехал, — спокойно соврал бард.

Дийкстра взглянул на чародейку. Лютик напрягся в ожидании зондирующего импульса, но ничего не почувствовал. Филиппа смотрела на него, прищулив глаза, однако не похоже было, чтобы она пыталась чарами проверить его искренность.

— Дождусь его возвращения, — вздохнул Дийкстра, прикинувшись, будто верит. — У меня к нему серьезное дело, придется кое-что изменить в моих планах и подождать. Как только ведьмак вернется, приведи. Чем скорее, тем лучше. Лучше для многих.

— Возможны осложнения, — поморщился Лютик. — Трудно будет убедить Геральта прийти сюда. Он, понимаешь ли, испытывает необъяснимую антипатию к шпионам. Хотя, кажется, понимает, что ваша работа не хуже других, и все-таки брезгует теми, кто ею занимается. Патриотические побуждения, говорит он, штука хорошая, но в шпионы обычно идут конченные подлецы и последние...

— Хватит, хватит. — Дийкстра небрежно махнул рукой. — Попрошу без словесных красот. Надоело. Они, понимаешь ли, довольно грубоваты.

— Я тоже так считаю, — фыркнул трубадур. — Но ведьмак — простодушный и прямолинейный в суждениях добряк. Куда ему до нас, светских львов. Он просто терпеть не может шпионов и, я знаю, не захочет с тобой разговаривать, а уж о том, чтобы помогать секретным службам, и речи быть не может. Да и крючочка на него у тебя нет.

— Ошибаешься, — сказал шпион. — Есть. И не один. Для начала

вполне достаточно заварушки на барке под Грабовой Бухтой. Знаешь, кто поднялся на борт? Вовсе не люди Риенса.

— Тоже мне, удивил, — спокойно сказал поэт. — Уверен, это были несколько бездельников, каких полно в темерской страже. Риенс выспрашивал о ведьмаке, за сведения о нем, кажется, обещал кругленькую сумму. Любому понятно, что ведьмак ему очень даже нужен. Вот несколько пройдох и попытались сцапать Геральта, запереть, а потом продать Риенсу, диктуя свои условия и выторговав сколько удастся. Потому что за голую информацию о нем они получили бы мало, а то и вовсе ничего.

— Хвалю за сообразительность. Ясное дело, ведьмака, не тебя. Ты бы не додумался. Но все гораздо сложнее, чем кажется. Дело в том, что моих коллег, людей из секретной службы короля Фольтеста, тоже, оказывается, интересуется господин Риенс. Они разгадали план пройдох, как ты их назвал. Это они вошли на барку, они намеревались сцапать ведьмака. Возможно, в качестве приманки для Риенса, а может, с другой целью. Ведьмак под Грабовой Бухтой уделал темерских агентов, Лютик. Их шеф очень, очень зол. Так, говоришь, Геральт выехал? Надеюсь, не в Темерию? Оттуда он может не вернуться.

— Это и есть твой крючок?

— А как же! Именно. Я могу замять дело с темерцами. Но не даром. Куда выехал Геральт, Лютик?

— В Новиград. — Глазом не сморгнув солгал трубадур. — Риенса искать.

— Ошибка, ошибка, — усмехнулся шпион, делая вид, будто не заметил лжи. — Понимаешь, жаль все-таки, что он не поборол неприязни к шпионам и не связался со мной. Я бы ему помог сэкономить время и силы. В Новиграде Риенса нет. Зато темерских агентов там пруд пруди. Вероятнее всего, ожидают ведьмака. Они уже уразумели то, о чем я знаю давно. А именно, что если ведьмака Геральта из Ривии спросить определенным образом, он ответит на множество вопросов. Вопросы, которые начинают задавать себе секретные службы всех Четырех Королевств. Уговор прост: ведьмак приходит сюда, на Кафедру, и отвечает на эти вопросы мне. Вот и все. Я угомоню темерцев и обеспечу Геральту безопасность.

— Что за вопросы? Может, я смогу на них ответить?

— Не смейся, Лютик.

— И все же, — вдруг проговорила Филиппа Эйльхарт, — возможно, мог бы. Может, он помог бы нам сэкономить время? Не забывай, Дийкстра, наш поэт увяз в этой афере по уши, и он здесь, у нас, а ведьмака-то еще нет. Где ребенок, с которым Геральта видели в Каэдвене? Девочка с серыми

волосами и зелеными глазами? Та, о которой Риенс пытал тебя тогда, в Темерии, когда прихватил в борделе? А, Лютик? Что тебе известно о девочке? Где ведьмак ее спрятал? Куда поехала Йеннифэр, получив письмо Геральта? Где скрывается Трисс Меригольд и какие у нее причины скрываться?

Дийкстра не пошевелился, но по тому, как он взглянул на чародейку, Лютик понял, что шпион удивлен. Вопросы были заданы явно преждевременно. И не тому, кому следовало. Это казалось опрометчивым и неосторожным, однако Филиппу Эйльхарт можно было заподозрить в чем угодно, только не в опрометчивости и неосторожности.

— Сожалею, — ответил Лютик, — но ни на один из твоих вопросов у меня ответов нет. Я помог бы, если б сумел. Но не сумею.

— Лютик, — процедила Филиппа, глядя ему в глаза, — если ты знаешь, где находится девочка, скажи. Ручаюсь, мы с Дийкстрой заботимся исключительно о ее безопасности. О безопасности, которой... угрожает... опасность.

— Не сомневаюсь, — солгал поэт, — что именно это вас волнует. Но я действительно не знаю, в чем дело. В жизни не видел ребенка, который вас так интересуется. А Геральт...

— Геральт, — прервал Дийкстра, — не подпустил тебя к тайне, не пикнул ни словечка, хоть, не сомневаюсь, ты закидал его вопросами. Интересно почему, как ты думаешь, Лютик? Неужто твой простодушный и брезгающий шпионами добряк почуял, что ты есть такое в действительности? Оставь его в покое, Филиппа, не трать даром времени. Он ничего не знает, не дай обмануть себя его умничаньем и многозначительными ухмылками. Он может нам помочь исключительно в одном — когда ведьмак вынырнет из укрытия, он свяжется с ним, больше ни с кем. Представь себе, Геральт считает его другом.

— Именно, — медленно поднял голову Лютик. — Он считает меня другом. И представь себе, Дийкстра, не без оснований. Прими наконец это к сведению и сделай выводы. Сделал? Ну вот. Теперь можешь начинать шантажировать.

— Ну, ну, — усмехнулся шпион. — Да у тебя прямо-таки аллергия на дела. Не обижайся, поэт. Я шутил. Шантаж? Между нами, друзьями? И речи быть не может. А твоему ведьмаку, поверь, я зла не желаю и мешать не думаю. Кто знает, может, даже договорюсь с ним к общей выгоде. Но чтобы такое случилось, мне надо с ним встретиться. Когда он появится, приведи его ко мне. Крепко тебя прошу, Лютик. Очень. Ты понял, насколько крепко?

— Понял, как крепко, — фыркнул трубадур.
— Хотелось бы верить, что это правда. Ну а теперь иди. Ори, проводи трубадура к выходу.
— Бывай. — Лютик встал. — Желаю успеха в труде и личной жизни. Мое почтение, Филиппа. Ах да, Дийкстра! Агенты, которые за мной ползают. Отзови их, пожалуйста.
— Само собой, — солгал шпион. — Отзову. Неужели ты мне не веришь?
— Верю, — солгал поэт. — Я тебе верю.

Лютик задержался на территории Академии до вечера. Все время внимательно осматривался, но шпигов не заметил. И именно это беспокоило его особенно.

На Кафедре Труверства он прослушал лекцию о классической поэзии. Затем сладко выпался на семинаре по поэзии современной. Разбудил его знакомый бакалавр, и они отправились на Кафедру Философии, чтобы принять участие в затянувшемся, но бурном диспуте на тему «Сущность и происхождение жизни». Еще не успело стемнеть, как половина дискутантов была пьяна в стельку, а остальные рвались в рукопашную, пытаясь перекричать друг друга и создавая невообразимый шум и гам. Все это было поэту на руку.

Он незаметно выбрался на чердак, вылез через чердачное оконце, спустился по водосточной трубе на крышу библиотеки, перескочил, чуть не сломав ног, на крышу прозекторской. Оттуда добрался до забора, прилегающего к стене сада. За густыми зарослями крыжовника отыскал дыру, которую расширил сам, будучи студентом. Дальше раскинулся городок Оксенфурт.

Лютик смешался с толпой, потом быстро прошмыгнул боковыми переулками, петляя, словно преследуемый гончими заяц. Добравшись до каретного сарая, укрылся в тени. Переждав добрых полчаса и не заметив ничего подозрительного, забрался по лестнице на чердак, перескочил на крышу дома знакомого пивовара, Вольфганга Амадея Козлобородика. Цепляясь за обросшие мхом черепицы, добрался до окна нужной мансарды. В комнатке за окном горела масляная лампа. Нетвердо стоя на водосточном желобе, Лютик постучал в свинцовый переплет. Окно не было закрыто и поддалось при легком нажиме.

— Геральт! Эй, Геральт!

— Лютик? Погоди... Пожалуйста, не входи...

— Что значит — не входи? Как так — не входи? — Поэт толкнул окно. — Ты не один, что ли? Может, аккурат трахаешь кого?

Не дождавшись ответа, да и не ожидая его, он перебрался на подоконник, свалив лежащие там яблоки и луковицы.

— Геральт... — засопел он и тут же умолк. А потом чертыхнулся вполголоса, глядя на светло-зеленую одежду медички, валяющуюся на полу. Раскрыл от удивления рот и чертыхнулся снова. Всего он мог ожидать. Только не этого. — Шани, — покрутил он головой. — А, чтоб меня...

— Попрошу без комментариев.

Ведьмак сел на кровати, а Шани подтянула простыню под самый нос.

— Ну входи уж. — Геральт потянулся за брюками. — Коли влез через окно, значит, дело серьезное. Потому как если не серьезное, я немедленно выкину тебя через то же окно.

Лютик слез с подоконника, сбросив оставшиеся луковицы. Сел, придвинув ногой табурет. Ведьмак поднял с пола одежду свою и Шани. Мина у него была сконфуженная. Одевался он молча. Медичка, прячась у него за спиной, возилась с рубашкой. Поэт нахально рассматривал ее, мысленно подыскивая сравнения и рифмы к форме маленьких грудок и золотистому при свете масляной лампы цвету ее кожи.

— Ну в чем дело, Лютик. — Ведьмак щелкнул застегками высоких ботинок. — Выкладывай.

— Собирайся, — сухо ответил поэт. — Надо срочно выехать.

— Сколь срочно?

— Невероятно срочно.

— Шани... — кашлянул Геральт, — Шани сказала мне о шпиках, которые за тобой следили. Надо понимать, ты не потерял их?

— Ничего ты не понимаешь.

— Риенс?

— Хуже.

— В таком случае действительно не понимаю... Минутку. Реданцы? Третогор? Дийкстра?

— Угадал.

— Это еще не повод...

— Это уже повод, — прервал Лютик. — Их интересует не Риенс, Геральт. Их интересует девочка и Йеннифэр. Дийкстра желает знать, где они. Он заставит тебя выдать ему это. Теперь понимаешь?

— Теперь да. Смываемся вместе. Через окно?
— Обязательно. Шани? Справишься?
— Не первое окно в моей жизни. — Медичка одернула на себе одежду.
— Не сомневаюсь, — внимательно глянул на нее поэт, рассчитывая на то, что обнаружит достойный рифм и метафор румянец, но просчитался. Веселье в глазах и наглая ухмылка — вот и все, что он увидел.

На подоконник беззвучно опустилась большая серая сова. Шани тихо вскрикнула. Геральт потянулся за мечом.

— Не дури, Филиппа, — сказал Лютик.

Сова исчезла, а на ее месте возникла неловко присевшая Филиппа Эйльхарт. Чародейка тут же спрыгнула в комнату, разглаживая волосы и одежду.

— Добрый вечер, — сказала она холодно. — Представь меня, Лютик.

— Геральт из Ривии, Шани с медицинского. А сова, которая так ловко летела следом за мной, вовсе и не сова, а Филиппа Эйльхарт из Совета Чародеев, в настоящее время — на службе у короля Визимира, украшение третогорского двора. Жаль, у нас только один стул.

— Вполне достаточно. — Чародейка уселась на освобожденный трубадуром табурет, окинула присутствующих томным взглядом, немного подольше остановившись на Шани. Медичка, к удивлению Лютика, вдруг зарделась.

— В принципе то, с чем я прибыла, касается исключительно Геральта из Ривии, — начала Филиппа после недолгого молчания. — Однако я сознаю, что удалять отсюда кого-либо было бы бестактно, а посему...

— Я могу выйти, — неуверенно сказала Шани.

— Не можешь, — проворчал Геральт. — Никто не может, пока ситуация не прояснится. Я прав, милсдарыня Эйльхарт?

— Для тебя — просто Филиппа, — улыбнулась чародейка. — Сейчас не до правил хорошего тона. И никому не надо выходить, никто мне не мешает. В крайнем случае — удивляет. Ну что ж, жизнь — непрерывная цепь неожиданностей... как говаривала одна моя знакомая... Наша общая знакомая, Геральт. Изучаешь медицину, Шани? Который курс?

— Третий, — пробормотала девушка.

— Ах. — Филиппа Эйльхарт смотрела не на нее, а на ведьмака. — Семнадцать годков — какой прекрасный возраст! Йеннифэр многое бы дала за то, чтобы ей снова было столько же. Как думаешь, Геральт? Впрочем, при случае я сама ее спрошу.

Ведьмак очень неприятно улыбнулся.

— Спросишь. Не сомневаюсь. Не сомневаюсь и в том, что

сопроводишь свой вопрос комментариями. Не сомневаюсь также, что это тебя здорово развеселит. А теперь перейдем к делу. Прошу.

— И верно, — кивнула чародейка. — Самое время. А времени у тебя совсем немного. Лютик, вероятно, уже успел передать, что Дийкстра вдруг вспылал желанием встретиться с тобой и побеседовать относительно местопребывания некоей девицы. Дийкстра получил соответствующие распоряжения от короля Визимира, поэтому, я думаю, он станет настойчиво просить тебя указать ему это место.

— Ясно. Благодарю за предостережение. Одно только немного удивляет. Ты говоришь, Дийкстра получил приказы от короля. А ты не получила никаких? Как ни говори, а в Совете Визимира ты тоже занимаешь не последнее место.

— Верно. — Чародейка не обратила внимания на прозвучавшую в голосе Геральта издевку. — Занимаю. И серьезно отношусь к своим обязанностям, состоящим в том, чтобы предупреждать возможные ошибки короля. Порой, как в данном конкретном случае, я не могу напрямую сказать королю, что он ошибается, и отговорить его от поспешных действий. Я просто должна помешать ему совершить ошибку. Ты меня понимаешь?

Ведьмак утвердительно кивнул. Лютик усомнился, действительно ли Геральт понимает. Он-то знал, что Филиппа лгала как по нотам.

— Итак, я вижу, — медленно сказал Геральт, доказывая, что прекрасно все понял, — Совет Чародеев тоже интересуется моей подопечной. Чародеи желают знать, где моя подопечная пребывает. И хотят добраться до нее прежде, чем это сделает Визимир либо кто-нибудь другой. Почему, Филиппа? Что такое есть в моей подопечной? Чем она вызвала такой интерес?

Глаза чародейки сузились.

— Ты не знаешь? — прошипела она. — Ты так мало знаешь о своей подопечной? Не хотелось бы делать опрометчивых выводов, но подобное неведение, похоже, указывает на то, что как опекун ты гроша ломаного не стоишь. Воистину меня удивляет, как, будучи настолько незнающим и плохо информированным, ты решился на опеку. Мало того, решился лишить права на опеку других, тех, у кого имеется и соответствующая квалификация, и право. И при этом ты еще спрашиваешь — почему. Гляди, Геральт, как бы невежество тебя не погубило. Берегись. И береги этого ребенка, черт побери! Береги девочку как зеницу ока. А если сам не в силах, попроси других!

Какое-то время Лютик думал, что ведьмак напомнит о роли, которую

взяла на себя Йеннифэр. Он ничем не рисковал, зато выбил бы из рук Филиппы аргументы. Но Геральт молчал. Поэт догадался о причинах. Филиппа знала обо всем. Филиппа предупредила. И ведьмак понял предупреждение.

Лютик сосредоточился на наблюдении за глазами и лицами, раздумывая, не связывало ли их что-либо в прошлом. Лютик знал, что подобные, доказывающие взаимное влечение словесные поединки, которые вел порою ведьмак с чародейками, очень часто оканчивались в постели. Но наблюдение, как обычно, ничего не дало. Для того чтобы узнать, связывает ли ведьмака с кем-либо что-либо, существовал только один-единственный способ: в соответствующий момент влезть в соответствующее окно.

— Опекать, — помолчав, проговорила чародейка, — значит принять на себя ответственность за безопасность существа, не способного самостоятельно обеспечить свою безопасность. Если ты поставишь под угрозу свою подопечную... Если с ней приключится несчастье, ответственность падет на тебя, Геральт. Только на тебя.

— Знаю.

— Боюсь, ты все еще мало знаешь.

— Ну так просвети меня. Чего ради столько персон вдруг вознамерились снять с меня груз ответственности, пожелали принять на себя мои обязанности и взять под покровительство мою воспитанницу? Чего хочет от Цири Совет Чародеев? Чего хочет от нее некий Риенс, который в Соддене и Темерии уже прикончил троих, два года назад контактировавших со мной и с девочкой? Который чуть было не убил Лютика, пытаясь добыть от него сведения о ней? Кто он — этот Риенс, Филиппа?

— Не знаю, — сказала чародейка. — Не знаю, кто такой Риенс. Но, как и ты, очень хотела бы узнать.

— А у этого Риенса, — неожиданно проговорила Шани, — нет ли, случайно, на лице шрама после ожога третьей степени? Если да, то я знаю, кто он. И знаю, где он.

В наступившей тишине стало слышно, как за окном по водосточному желобу застучали первые капли дождя.

Глава 6

Убийство — всегда убийство, независимо от мотивов и обстоятельств. Посему те, кто убивает либо подготавливает убийство, суть преступники и разбойники, невзирая на то, кто они: короли, князья, маршалы или судьи. Никто из задумавших и совершивших насилие не может считаться лучше обыкновенного преступника. Ибо любое насилие по природе своей неизбежно ведет к преступлению.

Никодемус де Боот. «Размышления о жизни, счастье и благополучии»

— Не надо совершать ошибки, — сказал король Редании Визимир, запуская унизанные перстнями пальцы в волосы на виске. — Мы не имеем права на просчет или ошибку.

Собравшиеся молчали. Демавенд, повелитель Аэдирна, сидел, развалившись в кресле и вперившись в кубок с пивом, стоящий у него на животе. Фольтест, король Темерии, Понтара, Махакама и Соддена, а с недавних пор и сеньор-протектор Бругге, демонстрировал всем свой благородный профиль, отвернувшись к окну. На противоположной стороне стола сидел Хенсельт, король Каэдвена, и водил по участникам совещания маленькими пронизательными глазками, горевшими на бородатой, типично разбойничьей физиономии. Мэва, королева Лирии, задумчиво перебирала огромные рубины ожерелья, время от времени многозначительно кривя красивые полные губы.

— Не надо совершать ошибки, — повторил Визимир. — Ибо ошибка может обойтись нам слишком дорого. Воспользуемся чужим опытом. Когда пятьсот лет назад наши предки высадились на пляжах, эльфы тоже прятали головы в песок. Мы выдирали у них страну по клочкам, а они отступали, все время считая, что вот она, последняя граница, и дальше мы не пойдем. Будем умнее! Ибо теперь пришел наш черед. Теперь мы — эльфы. Нильфгаард стоит на Яруге, а я здесь слышу: «Ну и пусть стоит». Слышу: «Дальше они не пойдут». Но они пойдут. Повторяю, не надо повторять ошибку, которую совершили эльфы!

По оконным стеклам снова задробили капли дождя. Завыл ветер.

Королева Мэва подняла голову. Ей показалось, что она слышит карканье воронья. Но это был всего лишь ветер. Ветер и дождь.

— Не сравнивай нас с эльфами, — сказал Хенсельт из Каэдвена. — Таким сравнением ты унижаешь нас. Эльфы не умели воевать, отступали перед нашими предками, прятались в горах и лесах. Эльфы отдали нашим предкам Содден. А мы показали нильфгаардцам, что значит драться с нами. Не пугай нас Нильфгаардом, Визимир, не занимайся пустой пропагандой. Говоришь, Нильфгаард стоит на Яруге? А я говорю, нильфгаардцы сидят за рекой и нос боятся высунуть! Ибо под Содденом мы перебили им хребет! Сломали их в военном, но главное — в моральном отношении. Не знаю, правда ли, что Эмгыр вар Эмрейс возражал тогда против агрессии такого масштаба, и нападение на Цинтру было делом рук какой-то враждебной ему партии. Ручаюсь, если б тогда ему удалось нас победить, он кричал бы «браво!», раздавал бы привилегии и поместья. Но после Соддена вдруг оказалось, что он был против, и всему виной своеволие его маршалов. И полетели головы. Эшафоты залила кровь. Это точные сведения, никакие не слухи. Восемь показательных казней, гораздо больше — более скромных. Несколько на первый взгляд естественных, но тем не менее загадочных смертей, масса неожиданных отставок. Говорю вам: Эмгыр взбесился и практически уничтожил собственные командирские кадры. Кто ж теперь поведет его армии? Сотники?

— Нет, не сотники, — холодно сказал Демавенд Аэдирнский. — А молодые и способные командиры, которые долго ждали такого случая и которых Эмгыр загодя обучал. Те, кого престарелые маршалы не подпускали к командованию, не давали расти. Молодые, способные командиры, о которых уже говорят. Те, что задавили восстания в Метинне и Назаире и за короткое время разбили мятежников в Эббинге. Командиры, которые понимают роль неожиданных глубоких маневров, кавалерийских рейдов, молниеносных бросков пехоты, десантов с моря. Применяющие разгромные удары на узких направлениях, использующие при осаде крепостей современную технику вместо сомнительной магии. Их недооценивать нельзя. Они рвутся форсировать Яругу и доказать, что кое-чему научились на ошибках престарелых маршалов.

— Ежели чему-то научились, — пожал плечами Хенсельт, — то Яругу не перейдут. Устье реки на границе Цинтры и Вердэна по-прежнему контролирует Эрвилл и три его крепости: Настрог, Розрог и Бодрога. Эти крепости невозможно захватить с марша, тут никакая современная техника не поможет. Наш фланг защищает также флот Этайна из Цидариса, поэтому, а также благодаря пиратам из Скеллиге, мы господствуем над

побережьем. Ярл Крах ан Крайт, как помните, не подписал с нильфгаардцами перемирия, регулярно их покусывает, нападает на них и сжигает приморские поселения и форты в провинциях. Нильфгаардцы прозвали его Тырт ыс Муиром, Морским Вепрем. Им пугают детей.

— Робость нильфгаардских детей, — криво усмехнулся Визимир, — не обеспечит нам безопасности.

— Конечно, — согласился Хенсельт. — Ее обеспечит нечто иное. Не владея устьем реки и берегом, при открытом фланге Эмгыр вар Эмрейс не сможет снабжать оружием и провиантом отряды, которые переправились бы на правый берег Яруги. Какие еще молниеносные переброски, какие кавалерийские рейды? Смешно! Через три дня после форсирования реки их армии остановятся. Половина осадит крепости, остальные расползутся, чтобы грабить, искать фураж и провизию. А когда их блистательная кавалерия сожрет большую часть собственных лошадей, мы устроим им второй Содден. Черт побери, хотелось бы, чтобы они форсировали реку! Но — увы и ах! — не форсируют.

— Допустим, — вдруг сказала Мэва из Лирии, — Яругу они не форсируют. Допустим, Нильфгаард просто будет выжидать. Однако подумаем, кому это на руку — нам или им? Кто может себе позволить выжидать в бездействии, а кто нет?

— Именно! — подхватил Визимир. — Мэва, как всегда, говорит мало, но бьет в яблочко. У Эмгыра есть время, братья... короли, прости, Мэва. А у нас его нет. Разве вы не видите, что творится? Три года назад Нильфгаард сдвинул камушек на склоне горы и теперь спокойно ждет лавины. Попросту ждет, а с кручи скатываются все новые и новые камушки. Потому что тот, первый, оказался тем камнем, трогать который было нельзя. А когда выяснилось, что достаточно его тронуть, чтобы он покатился, так тут же нашлись другие, которым лавина по душе. От Синих Гор до Бремервоорда по лесам шастают эльфы рабочие бригады, это уже не маленькая партизанская, а самая настоящая большая война. Не успеем мы охнуть, как в бой кинутся свободные эльфы из Доли Блатанны. В Махакаме уже бунтуют краснолюды, брокилонские дриады все больше наглеют. Это война, война крупномасштабная. Война внутренняя. Гражданская. Наша. А Нильфгаард ждет... На кого работает время, как думаете? В бригадах скоя'таэлей дерутся тридцати-сорокалетние эльфы. Но они живут по триста лет! У них время есть. У нас его нет!

— Скоя'таэли, — согласился Хенсельт, — стали истинным тернием в заднице. Парализуют мне торговлю и транспорт, терроризируют фермеров. С этим надо кончать!

— Если нелюди хотят войны, они ее получают, — вставил Фольтест из Темерии. — Я всегда был сторонником дружбы и мирного сосуществования, но если они предпочитают пробу сил, посмотрим, кто сильнее. Я готов. В Темерии и Соддене берусь уничтожить белок за шесть месяцев. Однажды эти земли наши предки уже залили кровью эльфов. Я считаю это трагедией, но выхода не вижу, трагедия повторится. Эльфов необходимо... пацифицировать.

— Твои войска двинутся на эльфов, если ты отдашь им приказ, — кивнул Демавенд. — Но пойдут ли они на людей? На кметов, из которых ты набираешь пехоту? На цеховиков? На свободные города? Визимир, говоря о ская'таэлях, назвал только один камушек из лавины. Да, да, господа, не таращите на меня глаза! По деревням и городкам уже начинают болтать, что на захваченных Нильфгаардом землях кметам, фермерам и ремесленникам живется легче, свободнее и богаче, что купеческие гильдии получили больше привилегий... Нильфгаардские мануфактуры заваливают нас товарами. В Бругге и Вердэне их деньги вытесняют местную валюту. Если мы будем сидеть сложа руки, то погибнем, переругавшись и запутавшись в конфликтах, увязнув в усмирении восстаний и бунтов, постепенно попадая в зависимость от экономической мощи Нильфгаарда. Мы погибнем, задохнувшись в собственном затхлом закутке, потому что, поймите, Нильфгаард перекрывает нам дорогу на Юг, а нам необходимо развиваться. К тому же экспансивно, в противном случае нашим внукам не будет здесь места!

Собравшиеся молчали. Визимир Реданский глубоко вздохнул, схватил один из стоявших на столе кубков, пил долго. Молчание затягивалось, дождь стучал в окна, ветер выл и хлопал ставнями.

— Всеми сложностями, о которых мы говорим, — сказал наконец Хенсельт, — мы обязаны Нильфгаарду. Эмиссары Эмгыра подзуживают нелюдей и призывают к беспорядкам. Это они разбрасываются золотом и сулят баронам и дюкам высокие должности в провинциях, которые создадут на месте наших королевств. Не знаю, как у вас, а в Каэдвене ни с того ни с сего расплодилось множество монахов, ворожеек и им подобных паршивых мистиков, возвещающих конец света...

— У меня то же самое, — подтвердил Фольтест. — Черт побери, сколько лет был покой! С тех пор как мой дед указал монахам их место, их ряды здорово поредели, а оставшиеся служители божьи взялись за полезные дела. Изучали книги, заботились об убогих, хворых и бездомных, обучали детишек. В политику не вмешивались. А теперь вдруг очнулись и в храмах выкрикивают бредни внимающему им сброду, а сброд слушает и

наконец-то понимает, почему ему так скверно живется. Я терплю, я не такой порывистый, как мой дед, и почти не чувствителен ко всему, что подрывает мой королевский авторитет и достоинство. В конце концов, что это за достоинство и авторитет, если их может подорвать визг какого-то спятившего фанатика. Но и моему терпению приходит конец. Последнее время главной темой проповедей стал Спаситель, коий грядет с Юга. С Юга, понимаете? Из-за Яруги!

— Белое Пламя, — буркнул Демавенд. — И приидет Белый Хлад, а за ним Белый Свет. А потом мир возродится с помощью Белого Пламени и Белой Королевы... Тоже слышал. Это изложение пророчеств Ithlinne aер Aevenien, эльфовой предсказательницы. Я велел поймать одного монаха, который кричал об этом на рынке в Венгерберге, и палач долго и упорно пытался у него, сколько золота пророк получил от Эмгыра... Но прорицатель только плел байки о Белом Пламени и Белой Королеве... До самого своего конца.

— Осторожнее, Демавенд, — поморщился Визимир. — Не плоди мучеников, ведь именно это-то Эмгыру и нужно. Лови нильфгаардских агентов, но священнослужителей не трогай, последствия могут быть непредсказуемы. Они по-прежнему пользуются в народе влиянием и уважением. Нам достаточно головной боли с белками. Не хватает еще волнений в городах или крестьянских войн.

— К черту! — фыркнул Фольтест. — Этого не делай, этим не рискуй, того нельзя... Разве мы собрались, чтобы перечислять, чего делать не можем? Или ты, Демавенд, притащил нас в Хаггу, чтобы мы лили слезы и стонали над собственной слабостью и немощью? Начнем наконец действовать! Надо что-то делать! Надо прервать то, что творится!

— Я с самого начала именно это и предлагаю. — Визимир выпрямился. — Именно действовать.

— Как?

— Что мы можем сделать?

Снова наступило молчание. Ветер шумел, ставни хлопали по стене замка.

— Почему, — вдруг проговорила Мэва, — все вы смотрите на меня?

— Восхищаемся твоей красотой, — пробурчал Хенсельт из глубин кубка.

— И этим тоже, — поддакнул Визимир. — Мэва, все мы знаем, что ты исхитряешься отыскать выход из любого положения. У тебя женская интуиция, ты мудрая женщина...

— Перестань кадить. — Королева Лирии сплела руки на подоле,

загляделась на потемневшие гобелены с охотничьими сценами. Гончие, вытянувшись в прыжках, задирали морды к бокам убегающего белого единорога. «Никогда не видела живого единорога, — подумала Мэва. — Никогда. И, пожалуй, уже никогда не увижу».

— Наше положение, — заговорила она после долгого молчания, оторвав взгляд от гобелена, — напоминает мне долгие зимние вечера в ривском замке. Тогда что-то висело в воздухе. Мой муж раздумывал, как бы ему завалить очередную фрейлину. Маршал комбинировал, как бы поскорее начать войну, чтобы побыстрее прославиться. Чародей воображал, будто он-то и есть владыка. Лакеям не хотелось услуживать, шут ходил грустный, угрюмый и до ужаса нудный, собаки были в меланхолии, а коты спали, начихав на мышей, разгуливавших по столу в поисках чего бы поесть. Все чего-то ждали. Все украдкой поглядывали на меня. А я... Я им тогда показала. Показала всем, на что способна, так что аж стены тряслись, а окрестные медведи просыпались в берлогах. И глупые мысли мигом вылетели из голов. Неожиданно все поняли, кто тут командует.

Мужчины не произнесли ни слова. Ветер взвыл сильнее. Лениво перекликались стражники на стенах. Удары капель о стекла в свинцовых рамках перешли в сумасшедшее стаккато.

— Нильфгаард смотрит и ждет, — медленно тянула Мэва, поигрывая ожерельем. — Нильфгаард наблюдает. Что-то висит в воздухе, а во многих головах рождаются глупые мысли. Так давайте покажем всем, на что мы способны. Покажем, кто здесь настоящий король. Тряхнем стенами погруженного в зимний маразм замка!

— Уничтожить белок, — быстро сказал Хенсельт. — Начать крупную совместную военную операцию. Устроить нелюдям кровавую баню. Пусть Понтар, Гвенллек и Буйна зайдутся кровью от истоков до устьев!

— Прижать карательной экспедицией свободных эльфов в их Доле Блатанне, — добавил, собрав лоб в складки, Демавенд. — Ввести экспедиционный корпус в Махакам. Позволить наконец Эрвиллу из Вердэна взяться за дриад в Брокилоне! Да, кровавая баня! А тех, кто выживет, — в резервации!

— Науськать Крах ан Крайта на нильфгаардское побережье, — подхватил Визимир. — Поддержать его флотом Этайна из Цидариса, пусть поднимет пожар от Яруги до Эббинга! Демонстрация силы...

— Мало, — покрутил головой Фольтест. — Всего этого слишком мало. Надо... Знаю, что надо.

— Так говори же!

— Цинтра.

— Что?

— Отобрать у нильфгаардцев Цинтру. Форсируем Яругу, ударим первыми. Сейчас, когда они не ожидают. Выкинем их снова за Марнададь.

— Как? Мы только что говорили, что Яруга для войск непреодолима...

— Для нильфгаардских. Но мы реку контролируем. У нас в руках устье, пути снабжения, наш фланг — под защитой Скеллиге, Цидариса и крепости в Вердэне. Для Нильфгаарда переброска через реку сорокапятидесяти тысяч человек — серьезное усилие. Мы можем переправить на левый берег Яруги значительно больше. Не разевай рот, Визимир. Ты хотел сделать нечто такое, что прервет выжидание? Что-нибудь эффектное, такое, что снова сделает нас настоящими королями? Этим «чем-нибудь» станет Цинтра. Цинтра объединит нас, ибо Цинтра — это символ. Вспомните Содден! Если б не резня в городе и не мученическая смерть Калантэ, не было бы тогда такой победы. Силы были равны, никто не рассчитывал на то, что мы разобьем их наголову. Но наши войска бросились им на горло, как волки, как бешеные псы, чтобы отомстить за Львицу из Цинтры. А есть среди нас и такие, ярости которых не утолила кровь, пролитая на содденском поле. Вспомните Крах ан Крайта, Морского Вепря.

— Это верно, — кивнул Демавенд. — Крах поклялся отомстить Нильфгаарду кровью. За Эйста Турсеаха, убитого у Марнадаля. И за Калантэ. Если мы атакуем левый берег, Крах поддержит нас силами Скеллиге. Да, тут есть шансы на удачу! Я поддерживаю Фольтест! Нечего ждать, ударим первыми, вызволим Цинтру, выгоним сукиных сынов за перевал Амелл.

— Спокойнее, — буркнул Хенсельт. — Не спешите дергать льва за усы, он еще не сдох. Это во-первых. Во-вторых, если мы ударим первыми, то окажемся агрессорами. Нарушим перемирие, которое сами же скрепили печатями. Нас не поддержит Недамир с его Лигой, не поддержит Эстерад Тиссен. Не знаю, как поведет себя Этайн из Цидариса. Против агрессивной войны выскажутся наши цехи, купечество, знать... А прежде всего чародеи. Не забывайте о чародеях!

— Чародеи не поддержат нападения на левый берег, — подтвердил Визимир. — Перемирие было делом рук Вильгефорца из Роггевеена. Известно, что по его идее перемирие должно было постепенно перерасти в постоянный и устойчивый мир. Нет, Вильгефорц не поддержит войну. А Капитул, можете мне верить, сделает то, что захочет Вильгефорц. После боев за Содден он — первый в Капитуле. Что бы ни говорили другие маги, первую скрипку там играет Вильгефорц.

— Вильгефорц, Вильгефорц! — воскликнул Фольтест. — Уж очень он

у нас возвысился, этот магик. Меня начинает раздражать, что мы вынуждены считаться с планами Вильгефорца и Капитула, планами, которых, кстати, я толком не знаю и не понимаю. Но есть, господа короли, средство и против этого. А ежели нападение совершит Нильфгаард? Например, в Доль Ангре? На Аэдирн и Лирию? Это можно бы организовать... Инсценировать. Этакая небольшая провокация... Пограничный инцидент, вызванный ими? Допустим, нападение на пограничный форт? Естественно, мы будем готовы,отреагируем мгновенно и решительно, при полной поддержке всех, даже Вильгефорца и их Чародейского Капитула. И тогда Эмгыр вар Эмрейс оторвет взор от Соддена и Заречья, о своей стране напомнят цинтрийцы. Эмигранты и беженцы встанут в Бругге под знамена Виссегерда. У них почти восемь тысяч вооруженных людей. Разве можно найти лучшее острие меча? Они живут надеждой обрести страну, из которой им пришлось бежать. Рвутся в бой. Готовы ударить по левому берегу. Ждут только клича.

— Клича, — подтвердила Мэва, — и обещания, что их поддержат. Потому что с восемью-то тысячами Эмгыр управится силами пограничных гарнизонов, ему даже перебрасывать подкреплений не придется. Виссегерд прекрасно об этом знает и не тронется с места, пока не будет уверен, что следом высадутся твои, Фольтест, войска, поддержанные реданскими корпусами. Но прежде всего Виссегерду нужен Львенок из Цинтры. Кажется, внучка королевы уцелела во время бойни. Говорят, кто-то видел ее среди беглецов, но потом ребенок таинственным образом исчез. Эмигранты ее активно разыскивают... Потому что на восстановленный престол Цинтры им нужен человек королевских кровей. Из рода Калантэ.

— Чушь, — холодно сказал Фольтест. — Прошло больше двух лет. Если ребенок не найден до сих пор, значит, он мертв. Об этой легенде можно забыть. Нет уже Калантэ, нет никакого Львенка, нет королевской крови, которой принадлежит трон. Цинтра... никогда уже не будет тем, чем была при жизни Львицы. Конечно, эмигрантам Виссегерда этого знать не положено.

— Стало быть, пошлешь цинтрийских партизан на смерть? — прищурилась Мэва. — На передовую линию? Не сказав, что Цинтра может возродиться только как вассальная страна под твоим сеньоратом? Ты предлагаешь нам напасть на Цинтру... ради тебя? Ты подчинил себе Содден и Бругге, теперь востришь зубы на Вердэн... И тебе видится Цинтра, да?

— Согласись, Фольтест, — буркнул Хенсельт, — ведь Мэва права? Именно поэтому ты подбиваешь нас на авантюру?

— Успокойтесь. — Король Темерии сморщил благородную физиономию, гневно крикнул. — Не превращайте меня в завоевателя, которому привиделась империя. В чем дело? Содден и Бругге? Эккехард из Соддена был двоюродным братом моей матери. Вас удивляет, что после его смерти Свободные Земли поднесли корону мне, его родственнику? Кровь — не водица! А Вензлав из Бругге принес мне вассальную присягу, но без принуждения! Он поступил так, чтобы спасти страну! Потому что при ясной погоде он видит, как поблескивают нильфгаардские копья на левом берегу Яруги!

— Мы как раз и говорим о левом берегу, — процедила королева Лирии. — О берегу, по которому намерены ударить. А левый берег — это Цинтра. Разрушенная, сожженная, лежащая в руинах, оккупированная, обезлюдевшая, но по-прежнему остающаяся Цинтрой. Цинтрийцы не поднесут тебе короны, Фольтест, и не присягнут на верность, как вассалы. Цинтра не согласится быть вассальным государством. Кровь — не водица!

— Цинтра, если ее... Когда мы ее освободим, должна стать нашим совместным протекторатом, — сказал Демавенд из Аэдирна. — Цинтра — это устье Яруги, слишком важный стратегический пункт, чтобы потерять контроль над ним.

— Это должна быть свободная страна, — возразил Визимир. — Свободная, независимая и сильная. Страна, которая будет железными воротами, предместьем Севера, а не полосой выжженной земли, на которой будет брать разгон нильфгаардская конница!

— Удастся ли восстановить такую Цинтру? Без Калантэ?

— Не горячись, Фольтест, — надула губки Мэва. — Я тебе уже сказала, цинтрийцы никогда не признают ни протектората, ни чужой крови на троне. Если ты попытаешься навязать им себя в качестве сеньора, то положение изменится. Виссегерд снова начнет собирать отряды для борьбы, на этот раз, однако, под крылом Эмгыра. И в один прекрасный день его отряды кинутся на нас, как штурмовой авангард нильфгаардцев, острие пики, как ты недавно красочно выразился.

— Фольтест об этом знает, — фыркнул Визимир. — Поэтому так усиленно разыскивает Львенка, внуку Калантэ. Не понимаете? Кровь — не водица. Корона через замужество. Достаточно найти девочку и заставить ее выйти за него замуж.

— Ты спятил? — чуть не подавился слюной король Темерии. — Львенок мертв! Я вовсе не ищу девочку, но если даже... У меня и в мыслях не было принуждать ее к чему-нибудь...

— А тебе и не пришлось бы ее принуждать, — прервала Мэва, мило

улыбнувшись. — Ты все еще вполне недурен, родственничек. А в Львенке течет кровь Калантэ. Очень горячая кровь. Я знала Калю, когда еще была молодой. Ей достаточно было увидеть парня, как она тут же начинала сучить ножками, да так, что если б хвороста куда надо подкинуть, он в тот же миг занялся бы живым огнем! Ее дочка, Паветта, мать Львенка, была один к одному такая же. Скорее всего и Львенок недалеко ушел от маменьки. Чутьочку усилий, Фольтест, и девушка долго не выстоит. На это ты и рассчитываешь, верно?

— Именно на это он и рассчитывает, — захохотал Демавенд. — Ну и хитрый планчик нарисовал наш королек! Мы ударим по левому берегу и еще не успеем обернуться, как Фольтест отыщет Львенка и завоюет девичье сердце, у него будет молодая женушка, которую он возведет на престол Цинтры, а тамошний люд примется слезы лить от радости и писаться в штаны от счастья. Ведь у них будет своя королева, кровь от крови и плоть от плоти Калантэ. Будет у них королева... только в том-то и дело, что вместе с королем. Королем Фольтестом.

— Ну и чепуху же вы несете! — воскликнул Фольтест, то краснея, то бледнея. — Что вам в голову ударило? Во всем этом нет ни на грош смысла!

— В этом уйма смысла, — сухо сказал Визимир. — Мне известно, что ребенка кто-то усиленно разыскивает. Кто, Фольтест?

— Ясно же! Виссегерд и цинтрийцы!

— Нет, не они. Во всяком случае, не только... Кто-то еще. Кто-то, чья дорога помечена трупами. Кто-то, кто не отступает перед шантажом, подкупам и пытками... Коли уж мы заговорили об этом, то хотелось бы знать, не состоит ли при ком-нибудь из вас тип по имени Риенс. Так, по минам вижу, что либо не состоит, либо вы не признаетесь. А это одно на одно выходит. Повторяю: внучку Калантэ ищут, ищут такими методами, которые заставляют задуматься. Кто ее ищет, спрашиваю?

— К черту! — Фольтест треснул кулаком по столу. — Не я! Мне и в голову не приходило жениться на каком-то там ребенке ради какого-то там трона! Ведь я...

— Ведь ты вот уже четыре года тайно сожительствуешь с баронессой Ла Валеттой, — снова усмехнулась Мэва. — Лобызаетесь будто голубочки, только того и ждете, чтобы старый барон наконец копыта откинул. Что так смотришь? Все мы об этом знаем. За что, думаешь, шпикам платим? Но ради трона Цинтры, дорогуша, не один король рад бы пожертвовать личным счастьем...

— Минутку. — Хенсельт с хрустом поскреб бороду. — Говорите, не

один король? Тогда на минутку оставьте Фольтеста в покое. Есть и другие. Верно, в свое время Калантэ собиралась выдать внучку за сына Эрвилла из Вердэна. Эрвиллу тоже может показаться Цинтра. И не только ему...

— Хм, — буркнул Визимир. — Оно, конечно, так. У Эрвилла трое сыновей. А как относительно тех из нас, кого боги не обделили потомками мужеского пола? А, Мэва? Ты, случаем, не пускаешь нам пыль в глаза?

— Меня можете исключить. — Королева Лирии улыбнулась еще очаровательнее. — Правда, по миру валандаются два моих отпрыска... Плоды канувшего в небытие прекрасного прошлого... Если только их до сих пор не повесили. Вряд ли кому из них вдруг приспичит царствовать. У них не было к тому ни предрасположения, ни влечения. Оба были глупее даже собственного папеньки, да будет земля ему пухом. Кто знал покойного, тот понимает, о чем я...

— Факт, — подтвердил король Редании. — Я его знал. Неужто сыновья еще глупее? Холера, я думал, глупее не бывает... Прости, Мэва...

— Пустое, Визимир.

— Кто еще богат сыновьями?

— Ты, Хенсельт.

— Мой женат!

— А на что яд? Кто-то из нас справедливо заметил, мол, ради трона Цинтры нашлись бы охотники пожертвовать собственным счастьем. Был бы смысл!

— Категорически отвергаю подобные инсинуации! И прекратите! У других тоже есть сыновья!

— У Недамира из Хенгфорса — двое. Да и сам он вдовец. Не забывайте об Эстераде Тиссене из Ковира.

— Я бы их исключил, — покрутил головой Визимир. — Хенгфорская Лига и Ковир планируют династический союз. Цинтра и Юг их не интересуют... Хм. Но вот Эрвилл из Вердэна... Это, пожалуй, реально.

— Есть некто не менее... реальный, — вдруг заметил Демавенд.

— Кто?

— Эмгыр вар Эмрейс. Он не женат. И помоложе тебя, Фольтест.

— Черт побери, — наморщил лоб король Редании. — Если это правда... Эмгыр поймел бы нас без мыла! Ясно: народ и дворяне Цинтры всегда пойдут за кровью Калантэ. Представляете себе, что будет, если Эмгыр поймает Львенка?! Этого нам только не хватало! Королева Цинтры и императрица Нильфгаарда! Да уж!

— Императрица! — фыркнул Хенсельт. — Ну тут-то ты явно перебрал. На кой черт Эмгыру девчонка, зачем ему жениться? Ради трона

Цинтры? Цинтра уже и так под Эмгыром! Он захватил страну и сделал из нее нильфгаардскую провинцию! Сидит на троне всей своей Эмгыровой задницей и там еще хватит места, чтобы повертеться!

— Во-первых, — заметил Фольтест, — Эмгыр владеет Цинтрой по праву, точнее, по бесправию агрессора. А поймай он девчонку и женись на ней, его царствование стало бы легальным. Понимаешь? Нильфгаард, связанный супружеством с королевской кровью Калантэ, — это уже не Нильфгаард-завоеватель, на которого скалит зубы весь Север. Это уже Нильфгаард-сосед, с которым надлежит считаться. Как ты вытужишь такой Нильфгаард за Марнададь, за перевалы Амелл? Напав на королевство, на троне которого легально сидит Львенок, внучка Львицы из Цинтры? Дьявольщина! Не знаю, кто ищет ребенка. Я не искал. Но заявляю, что теперь начну. Я по-прежнему считаю, что девочка мертва, но рисковать нам нельзя. Выходит, она слишком важная персона. Если она выжила, мы должны ее отыскать!

— И сразу же решить, за кого выдадим, когда отыщем? — поморщился Хенсельт. — Такие решения не следует доверять случаю. Конечно, мы могли бы вручить ее бравым партизанам Виссегерда в качестве боевого штандарта, привязанного к длинному древку, пусть несут перед строем, атакуя противоположный берег. Но если мы хотим, чтобы вновь обретенная Цинтра послужила нам всем... Надеюсь, вы понимаете, о чем я? Если мы нападём на Нильфгаард и отобьём Цинтру, тогда можно будет посадить Львенка на трон. Но у Львенка может быть только один муж, который сумеет обеспечить наши интересы в устье Яруги. Кто из присутствующих согласится на это?

— Я — нет, — съехидничала Мэва. — Отказываюсь от такой возможности.

— А я не исключал бы и отсутствующих, — серьезно проговорил Демавенд. — Ни Эрвилла, ни Недамира, ни Тиссенидов. А этакий Виссегерд, подумайте сами, может нас удивить и получить неожиданную пользу от штандарта, привязанного к длинному древку. Вам доводилось слышать о морганатических браках? Виссегерд стар и дурен, как коровья лепешка, но если Львенка напоить отварами из полыни и тернеры, она может нежданно-негаданно в него влюбиться! А для короля Виссегерда в наших планах тоже найдется местечко?

— Нет, — буркнул Фольтест. — В моих — не найдется.

— Хм... — замялся Визимир. — В моих, пожалуй, тоже нет. Виссегерд — орудие, а не партнер, и именно такую, а никак не иную роль должен сыграть в наших планах нападения на Нильфгаард. Кроме того,

если именно Эмгыр вар Эмрейс так активно разыскивает Львенка, то рисковать мы не можем.

— Никак не можем, — поддакнул Фольтест. — Львенок не должен попасть в руки Эмгыра. И вообще — в чьи-либо... неподходящие руки... Живой.

— Детоубийство? — поморщилась Мэва. — Скверное решение, милостивые государи короли. Недостойное. И, пожалуй, неоправданно жестокое. Вначале необходимо девочку найти, ведь пока еще ее у нас нет. А когда найдем, отдайте ее мне. Я подержу ее годика два в каком-нибудь замке в горах, выдам за одного из моих рыцарей, и когда вы ее снова увидите, у нее уже будут двое детей и во-от такой живот.

— То есть, если я верно понял, как минимум трое будущих претендентов и самозванцев? — кивнул Визимир. — Нет, Мэва. Конечно, ничего приятного в этом нет, но Львенок, если она выжила, теперь должна умереть. Высшие государственные интересы... Как вы на это, короли?

Дождь колотил в окна. Между башнями замка Хагги выл ветер.

Короли молчали.

— Визимир, Фольтест, Демавенд, Хенсельт и Мэва, — проговорил маршал, — встретились на секретном совещании в Хагге над Понтаром. Совещались втайне.

— Какая символика, — сказал, не оборачиваясь, щуплый черноволосый мужчина в лосевом кафтане со следами от оружия и пятнами ржавчины. — Ведь именно под Хаггой неполных сорок лет назад Вирфурил разбил армию Меделла, закрепив свою власть в долине Понтара и установив теперешние границы между Аэдирном и Темерией. А сегодня, извольте, Демавенд, сын Вирфурила, приглашает в Хаггу Фольтеста, сына Меделла, притянув туда же для комплекта Визимира из Третогора, Хенсельта из Ард Каррайга и веселую вдовушку Мэву из Лирии. Сидят и тайно совещаются. Догадываешься, о чем, Коегоорн?

— Догадываюсь, — кратко ответил маршал. Он знал, что стоявший к нему спиной мужчина не терпит, чтобы в его присутствии похвалялись красноречием и комментировали очевидные истины.

— Этайна из Цидариса не пригласили. — Мужчина в лосевом кафтане повернулся, заложил руки за спину, медленно прошелся от окна к столу и обратно. — Эрвилла из Вердэна тоже. Не пригласили ни Эстерада Тиссена,

ни Недамира. Значит, либо они слишком самоуверенны, либо слишком неуверенны. Не пригласили никого из Чародейского Капитула. Это интересно. И знаменательно. Коегоорн, постарайся, чтобы чародеям стало известно о совещании. Пусть знают, что монархи не считают их равными себе. Сдается мне, чародеи из Капитула все еще сомневаются в этом. Развей их сомнения.

— Слушаюсь.

— Есть что-нибудь новое от Риенса?

— Ничего.

Мужчина остановился у окна и долго стоял, глядя на мокнущие под дождем холмы. Коегоорн ждал, нервно сжимая и разжимая руку, лежавшую на оголовье меча: опасался, что его ждет долгий монолог. Маршал знал, что стоящий у окна мужчина почитает такие монологи беседой, а беседу рассматривает как честь и доказательство доверия. Он знал об этом, но монологи выслушивать не любил.

— Как ты находишь эту страну, наместник? Удалось полюбить свою новую провинцию?

Маршал вздрогнул, застигнутый врасплох. Такого вопроса он не ожидал. Но долго над ответом не задумывался. Неискренность и нерешительность могли обойтись слишком дорого.

— Нет, ваше величество. Не полюбил. Страна какая-то... угрюмая.

— Некогда она была другой. Увидишь. Еще будет прекрасная, радостная Цинтра, Коегоорн. Обещаю. Но не грусти, я тебя здесь долго не продержу. Другой займет кресло наместника провинции. Ты нужен мне в Доле Анг्रे. Немедленно отправишься, чтобы подавить смуту. Мне в Доль Анг्रे нужен ответственный человек, который не даст себя спровоцировать. Приструнишь молодых офицеров. Остудишь горячие головы. Позволишь себя спровоцировать, только когда я прикажу. Не раньше.

— Слушаюсь!

Из передней долетел звон оружия, звяканье шпор и возбужденные голоса. В дверь постучали. Мужчина в лосевом кафтане отвернулся от окна, кивнул. Маршал слегка поклонился и вышел.

Мужчина вернулся к столу, сел, склонился над картами. Долго глядел на них, наконец оперся лбом на сплетенные пальцы. Огромный бриллиант в перстне заискрился, отражая тысячами блесков огоньки свечей.

— Ваше высочество, позвольте, — вернулся маршал.

Мужчина не изменил позы. Но маршал заметил, что руки у него дрогнули. Угадал по искоркам бриллианта. Осторожно и тихо прикрыл за собой дверь.

— Вести, Коегоорн? От Риенса?

— Нет, ваше величество. Но вести хорошие. Восстание в провинции подавлено. Мы разбили бунтовщиков. Очень немногим удалось сбежать в Вердэн. Мы поймали вожака, дюка Виндхальма из Аттре.

— Хорошо, — помолчав, сказал мужчина, по-прежнему не поднимая головы. — Виндхальм из Аттре... Прикажи обезглавить. Нет. Не обезглавить. Казнить по-другому. Эффектно, долго и жестоко. И, разумеется, публично. Необходим пример. Что-нибудь такое, что испугает других. Только, пожалуйста, Коегоорн, избавь меня от подробностей. Никаких красочных описаний в рапортах. Не нахожу в этом ничего приятного.

Маршал, кивнув, сглотнул. Он тоже не находил в этом ничего приятного. Ну совершенно ничего. Поэтому решил поручить исполнение казни специалистам. Он не собирался расспрашивать специалистов о деталях. И уж тем более присутствовать при экзекуции.

— Будешь присутствовать при казни. — Мужчина поднял голову, взял со стола письмо, сломал печать. — Официально. Как мой наместник в провинции Цинтра. Заменишь меня. Я не желаю смотреть. Это приказ, Коегоорн.

— Слушаюсь! — Маршал даже не пытался скрыть смущение и недовольство. Перед мужчиной, который отдал приказ, нельзя было ничего скрывать. Да и редко кому это удавалось.

Мужчина взглянул на письмо и почти тут же кинул его в огонь камина.

— Коегоорн!

— Слушаю, ваше величество!

— Я не стану ждать рапорта Риенса. Подними на ноги магиков, пусть подготовят устный приказ, который незамедлительно должен быть передан Риенсу: перестать цацкаться с ведьмаком. Это может скверно кончиться. С ведьмаком играть нельзя. Я его знаю, Коегоорн. Он слишком хитер, чтобы навести Риенса на след. Повторяю, Риенс должен немедленно организовать покушение, незамедлительно вывести ведьмака из игры. Убить. А потом исчезнуть, затаиться и ждать распоряжений. А если он раньше нападет на след чародейки, пусть оставит ее в покое. У Йеннифэр волос не должен с головы упасть. Запомнил, Коегоорн?

— Так точно.

— Телепатосвязь должна быть зашифрована и жестко застрахована от возможности магического прочтения. Предупреди чародеев. Ежели они дело испоганят, если те, кому не положено, узнают о содержании распоряжения, я всю ответственность возложу на них.

— Так точно. — Маршал кашлянул.

— Что еще, Коегоорн?

— Граф... уже здесь, ваше величество. Прибыл в соответствии с приказом.

— Так быстро? — усмехнулся мужчина. — Поразительная поспешность. Надеюсь, он не загнал того вороного, из-за которого ему все так завидовали. Пусть войдет.

— Мне присутствовать, ваше величество?

— Разумеется, наместник Цинтры.

Вызванный из передней рыцарь вошел в комнату энергичным, уверенным, четким шагом, скрипя черными латами. Остановился, гордо выпрямился, отбросил с плеча за спину мокрый, покрытый грязью черный плащ, положил руку на рукоять огромного меча. Прижал к бедру черный шлем, украшенный крыльями хищной птицы. Коегоорн взглянул рыцарю в лицо. Увидел жесткую воинственную гордость и дерзость. Но не обнаружил ничего такого, что следовало бы увидеть на лице человека, который последние два года провел в башне, откуда, как все о том говорили, выйти мог только на эшафот. Маршал усмехнулся в усы. Он знал, что презрение к смерти и бесшабашная храбрость юности проистекали исключительно из отсутствия воображения. Прекрасно знал. Сам когда-то был таким.

Сидевший за столом мужчина положил подбородок на сплетенные пальцы и внимательно взглянул на рыцаря. Рыцарь напрягся как струна.

— Чтобы все было ясно, — обратился к нему мужчина из-за стола. — Знай, оплошность, которую ты допустил в этом городе два года назад, тебе не прощена. Я предоставлю тебе еще один шанс. Ты получишь еще один приказ. От того, как ты его исполнишь, будет зависеть мое решение касательно твоей дальнейшей судьбы.

Лицо молодого рыцаря даже не дрогнуло, ни одно перышко не шелохнулось на крыльях, украшающих прижатый к бедру шлем.

— Я никогда никого не обманываю, не сулю несбыточных надежд, — продолжал мужчина. — Поэтому знай, в какой-то степени надеяться ты можешь только на то, что твоей шеи не коснется топор палача, да и то лишь в том случае, если на этот раз ты снова не совершишь ошибки. На полное помилование шансов у тебя мало. На то, что я забуду и прощу — никаких.

Юный рыцарь в черных латах и на этот раз не дрогнул, но Коегоорн заметил, как сверкнули его глаза. «Не верит, — подумал он. — Не верит и заблуждается. Совершает огромную ошибку».

— Приказываю быть максимально внимательным, — продолжал

мужчина. — Тебе тоже, Коегоорн. Приказы будут касаться и тебя. Те, что я сейчас отдам. Через минуту. Мне надо немного подумать над их содержанием и формой.

Маршал Мэнно Коегоорн, наместник провинции Цинтра и будущий главнокомандующий армией Доль Ангра, поднял голову, выпрямился, положил руку на головку меча. Точно такую же позу принял рыцарь в черных доспехах и шлеме с крыльями хищной птицы. Оба ждали. В тишине. Терпеливо. Как и надлежало ждать приказов, над содержанием и формой которых задумался император Нильфгаарда, Emhyr var Emreis, Deithwen Addan yn Carn aep Morvudd, Эмгыр вар Эмрейс, Белое Пламя, пляшущее на Курганах Врагов.

Цири проснулась.

Она лежала, вернее, полусидела, положив голову на несколько хорошо взбитых подушек. Компрессы на лбу были уже теплыми и лишь чуточку влажными. Она сбросила их, не в состоянии переносить неприятной тяжести и жжения. Дышала она с трудом. Горло пересохло, нос почти полностью забила запекшаяся кровь. Но эликсиры и заклинания подействовали — боль, которая несколько часов туманила взгляд и, казалось, разрывала череп, исчезла, отступила, осталась лишь тупая пульсация и давление в висках.

Цири осторожно потрогала нос.

«Ну и странный же был сон, — подумала она. — Первый сон за столько дней. Первый, в котором я не чувствовала страха. Первый, который касался не меня. Я была... наблюдателем. Видела все как бы с горы, с вышины... Так, словно была птицей... Ночной птицей...

Сон, в котором я видела Геральта.

В этом сне была ночь. И дождь, который покрывал рябью воду канала, шумел в гонтах крыш, стропилах сараев, блестел на досках помостов и мостиков, на палубах лодок и барж... И там был Геральт. Не один. С ним был мужчина в смешной шапочке с пером, обвисшим от влаги. И худощавая девушка в зеленом плаще с капюшоном... Все трое медленно и осторожно шли по мокрому помосту... А я видела их сверху. Так, словно была птицей. Ночной птицей...

Геральт остановился. Спросил: „Далеко еще?“ „Нет, — сказала худощавая девушка, стряхивая воду с зеленого плаща. — Мы уже почти

пришли...” „А где, черт побери, Филиппа? Ведь я только что ее видел, она летела вдоль канала... Ну и отвратная погодка... Пошли. Веди, Шани. А, кстати, откуда ты знаешь этого знахаря?” „Я иногда продаю ему лекарства, которые умыкаю из лаборатории. Что так смотришь? Отчим с трудом наскребает на мое учение... Бывает, деньги нужны... А знахарь, получив настоящие лекарства, лечит людей... Или хотя бы не травит их... Ну пошли же“.

Странный сон, — подумала Цири. — Жаль, проснулась. Хотелось бы увидеть, что дальше... Узнать, что они там делают. Куда идут...»

Из соседней комнаты донеслись голоса, которые ее разбудили. Мать Нэннеке говорила быстро, она была явно возбуждена, зла и взбодоражена.

— Ты обманула мое доверие, — говорила она. — Не следовало этого позволять. Можно было догадаться, что твоя антипатия к ней приведет к несчастью. Я не должна была разрешать тебе. Ведь я тебя знаю. Ты бездушна, ты жестока, а ко всему прочему еще оказалась безответственной и неосторожной. Ты безжалостно терзаешь ребенка, принуждаешь к усилиям, которые она не в состоянии совершить. Ты бессердечна. У тебя действительно нет сердца, Йеннифэр.

Цири прислушалась, чтобы уловить ответ чародейки, ее холодный, жесткий и звучный голос. Хотела услышать, как она отреагирует, как посмеется над жрицей, как высмеет ее чрезмерную заботливость. Как скажет то, что говорит обычно, — быть чародейкой не шуточки, занятие не для кисейных барышень, сделанных из фарфора или праздничных яичек, выдутых из тонкого стекла. Но Йеннифэр ответила тихо. Так тихо, что девочка не только не поняла, но даже не расслышала слов.

«Усну, — подумала она, осторожно и нежно ощупывая нос, все еще болезненно чуткий, забитый засохшей кровью. — Вернусь в свой сон. Посмотрю, что делает Геральт там, в ночи, под дождем, у канала...»

Йеннифэр держала ее за руку. Они шли по длинному коридору, между каменными колоннами, а может, статуями, Цири не могла разглядеть. Мешал плотный мрак. Но в темноте кто-то был, кто-то скрывался там и наблюдал за ними. Она слышала шепотки, тихие, как дуновение ветерка.

Йеннифэр держала ее за руку, а она шла быстро и уверенно, полная решимости, так что Цири едва поспевала за ней. Бесконечное множество дверей открывалось перед ними. Одна за другой. Одна за другой. Бесконечное множество дверей с гигантскими, тяжелыми створками бесшумно открывалось перед ними.

Мрак густел. Впереди Цири снова увидела двери. Йеннифэр не замедлила шага, но Цири вдруг поняла, что эти двери перед ними сами не

раскроются. И тут же обрела поразительную уверенность, что отворять их нельзя. Что нельзя в них пройти. Что за этими дверями что-то ее ждет...

Она остановилась, попыталась вырваться, но рука Йеннифэр не поддавалась, а сильно и неумолимо тащила ее вперед. И Цири наконец поняла, что ее предали, обманули, продали. Что все время с первой встречи, с самого начала, с первого дня она была лишь марионеткой, куклой на ниточках. Она дернулась сильнее, вырвалась из рук Йеннифэр. Мрак заколебался словно дым, шепотки в темноте неожиданно оборвались. Чародейка сделала шаг вперед, остановилась, повернулась, взглянула на нее.

Если боишься, вернись.

Эти двери открывать нельзя. Ты об этом знаешь.

Знаю.

И все-таки ведешь меня туда.

Если боишься — вернись. Есть еще время вернуться. Еще не поздно.

А ты?

Мне уже поздно.

Цири осмотрелась. Сквозь всеобъемлющий мрак она видела двери, и те, которые они только что миновали, и те, что уже остались далеко позади. И оттуда, издалека, из тьмы, слышала...

Цокот подков. Скрежет черных доспехов. И шум крыльев хищной птицы. И голос. Тихий, пронизывающий мозг голос...

Ты ошиблась. Ты перепутала небо со звездами, отраженными ночью в поверхности пруда.

Она проснулась. Резко подняла голову, сбросила примочку, свежую — примочка была мокрой и холодной. Ее заливал пот, в висках опять звенела и билась тупая боль. Йеннифэр сидела рядом на кровати, отвернувшись так, что Цири не видела ее лица. Видела только бурю черных волос.

— Я видела сон... — шепнула Цири. — В этом сне...

— Знаю, — сказала чародейка странным, не своим голосом. — Поэтому я здесь. Рядом с тобой.

За окном, во тьме, дождь шумел в листве деревьев.

— А, черт, — проворчал Лютик, отряхивая воду с намокших под дождем полей шляпы. — Не дом — крепость. Чего этот знахарь боится, раз так огордился?

Лодки и баржи, пришвартованные к набережной, лениво покачивались на морщинистой от дождя воде, сталкивались с тихим стуком, скрипели, позвякивая цепями.

— Портовый район, — пояснила Шани. — Тут полно бандюг и подонков — и местных, и пришлых. К Мырману ходит множество людей, приносят деньги... Все об этом знают. Как и о том, что живет он один. Вот он и бережется. Удивляетесь?

— Ничуть. — Геральт взглянул на постройки, возведенные на вбитых в дно канала сваях саженьях в пяти от набережной. — Думаю, как попасть на этот остров. В его надводную хатку. Вероятно, придется втихую позаимствовать одну из лодок...

— Нет нужды, — сказала медичка. — Там подъемный мостик.

— А как ты уговоришь знахаря опустить его? К тому же там еще и двери, а тарана мы не прихватили...

— Предоставьте это мне.

Большая серая сова беззвучно опустилась на перила помоста, тряхнула крыльями, встопорщилась и обратилась в Филиппу Эйльхарт, столь же встопорщенную и мокрую.

— Я-то что тут делаю? — раздраженно пробормотала чародейка. — Я-то что тут с вами делаю, черт меня побери? Балансирую на мокрой палке. И на грани государственной измены. Если Дийкстра узнает, что я вам помогаю... Вдобавок ко всему еще и моросит! Не люблю летать в дождь. Это здесь? Это, что ли, дом Мырмана?

— Да, — подтвердил Геральт. — Послушай, Шани. Давай попробуем...

Они сбились в плотную кучку и начали шептаться, невидимые во тьме под камышовым навесом. Из таверны на противоположной стороне канала упала на воду полоса света. Послышалось пение, смех и крики. На набережную вывалились трое плотогонов. Двое ругались, дергая и толкая друг друга, без усталости повторяя одни и те же проклятия. Третий, опершись о столб, отливал в канал, фальшиво насвистывая.

Донг! — металлически звякнула железная тарелка, подвешенная к столбику на помосте. — *Донг!*

Знахарь Мырман отворил оконце и выглянул. Фонарь в руке только слепил его, он его отставил.

— Кой черт там звонит ночью? — рявкнул он. — Стукни себя по пустому лбу, засранец, бандюга, ежели тебе приспичило стучать! Вон, пошли прочь, пьянь сволочная! А ну быстро! Тут у меня самострел натянут! Кому там не терпится получить шесть вершков стрелы в задницу?

— Господин Мырман! Это я, Шани!

— Что? — Знахарь высунулся сильнее. — Мазель Шани? Сейчас? Ночью? С чего бы это?

— Опустите мостик, господин Мырман! Я принесла, что вы просили!

— Именно теперь, в темень? Не могли днем, мазель?

— Днем слишком много глаз. — Худощавая фигурка в зеленом плаще замаячила на помосте. — Если увидят, что я вам ношу, меня выкинут из Академии. Опустите мостик, я не хочу стоять под дождем, у меня туфельки промокли.

— Вы не одна, мазель? — подозрительно бросил знахарь. — Обычно приходите одна. Кто там с вами еще?

— Друг. Как и я — жак. Одной, что ли, мне тащиться ночью в ваш заразный район? Мне что, невинность не дорога, или как? Пустите меня наконец, черт побери!

Бормоча себе под нос, Мырман освободил собачку воротка, мостик, со скрипом опустившись, стукнул о доски помоста. Знахарь прошел к двери, отодвинул засов. Не убирая заряженного арбалета, осторожно выглянул.

Он не заметил метящего в висок кулака в черной, утыканной серебряными набивками перчатке. Зато, хоть ночь и была темной, безлунной, а небо — затянуто тучами, вдруг увидел десятки тысяч ослепительно ярких звезд.

Тубланк Мишеле еще раз провел бруском по острию меча. Видно было, что это действие поглощает его без остатка.

— Итак, мы должны для вас убить человека. — Он отложил брусок, протер рукоять кусочком намазанной жиром кроличьей шкурки и критически осмотрел лезвие. — Обычного человека, который шлендается в одиночку по улицам Оксенфурта, без гвардии, без эскорта, без телохранителей. Даже без слуг. И чтобы его прикончить, нам не надо будет ни в храмы врываться, ни в ратуши, замки или гарнизонную крепость... Так, милсдарь Риенс? Я верно вас понял?

Мужчина с лицом, изуродованным рубцом, оставшимся после ожога, утвердительно кивнул, слегка прищурив темные влажные глаза с неприятным выражением.

— Кроме того, — продолжал Тубланк, — когда мы убьем этого типа, нам не будет нужды прятаться где-нибудь ближайшие полгода, потому что

никто не станет за нами гоняться или нас разыскивать? Никто не напустит на нас выпивох или любителей заработать наградные? Мы не станем объектами родовой вражды либо кровной мести? Иначе говоря, милсдарь Риенс, нам предстоит замочить для вас обыкновеннейшего, ничем не примечательного, не имеющего никакого веса фраера?

Мужчина со шрамом не ответил. Тубланк глянул на неподвижно сидевших на скамейке братьев. Рицци, Флавиус и Лодовико, как всегда, молчали. В этой троице на их долю приходилась работа, а разговоры разговаривать было делом Тубланка. Потому что только Тубланк посещал в свое время храмовую школу. Убивал он ничуть не хуже братьев, но сверх того еще умел читать и писать. Ну и молоть языком.

— И вот, чтобы убить такую серь, милсдарь Риенс, вы нанимаете не первого попавшегося портового пьянчужку, а нас, братьев Мишеле? За сто новиградских крон?

— Ваша обычная ставка, — процедил мужчина с рубцом. — Верно?

— Неверно, — холодно возразил Тубланк. — Мы промышляем не тем, что замачиваем обычных фраеров. А коли уж беремся... Милсдарь Риенс, гусь, которого вам желательно видеть трупом, обойдется вам в двести. Двести честных, блестящих крон с вычеканенной меткой новиградского монетного двора. Знаете почему? Потому что в этом дельце имеется запашок, милостивый государь. Не говорите мне, какой именно, обойдемся. Но за него надо заплатить. Двести, я сказал. Ну по рукам, и можете считать, что ваш... дружок испекся. Не хотите — ищите кого другого.

В воняющем гнилью и прокисшим вином подвале повисла тишина. По глиняному полу, быстро перебирая лапками, бежал таракан. Флавиус Мишеле с треском растоптал его молниеносным движением ноги, почти не изменив позы и совершенно не изменив выражения лица.

— Согласен, — сказал Риенс. — Получите двести. Пошли.

Тубланк Мишеле, с пятнадцати лет промышляющий убийствами, ничем не выдал удивления. Он не надеялся выторговать больше ста двадцати, ну ста пятидесяти. И тут сообразил, что низковато оценил сочившийся от этого дельца «запашок».

Знахарь Мырман очнулся на полу собственного дома. Он лежал на спине, спеленутый, как баран. Сильно болел затылок. Он помнил, что, падая, ударился головой о дверной косяк. Болел висок, по которому его

стукнули. Пошевелиться он не мог, потому что на грудь тяжело и безжалостно давил высокий, застегнутый на крючки ботинок. Знахарь, щурясь, глянул вверх. Ботинок принадлежал высокому мужчине с белыми, как молоко, волосами. Лица Мырман не видел, оно скрывалось во мраке, которого не пробивал стоявший на столе фонарь.

— Не отнимайте жизнь... — простонал Мырман. — Пощадите ради богов... Деньги отдам... Все отдам... Покажу, где спрятаны...

— Где Риенс, Мырман?

При звуке этого голоса знахарь затрясся. Он был не из пугливых, и его мало чем можно было пронять, но в голосе беловолосого было все то небольшое, что пронять могло. И нечто большее.

Нечеловеческим усилием воли знахарь переборол страх, ползающий по внутренностям отвратным слизняком.

— А? — Он прикинулся изумленным. — Что? Кто? Как вы сказали?

Мужчина наклонился, и теперь Мырман увидел его лицо. Увидел глаза. И желудок ушел у него аж до прямой кишки.

— Не крути, Мырман, не верти хвостом, — слышался из тени знакомый голос Шани, медички из Академии. — Когда я была у тебя три дня назад, то здесь, на этом вот табурете, за этим самым столом сидел субъект в плаще, подбитом ондатрой. Он пил вино, а ведь ты никогда никого не угощаешь, только самых близких друзей. Он подъезжал ко мне, нагло уговаривал пойти потанцевать в «Три Звоночка». И даже задумал было лапаться. Пришлось дать по рукам. А ты сказал: «Оставь ее, милсдарь Риенс, не пугай. Мне с академичками надо жить в мире и крутить интересы». И вы оба хохотали, ты и твой милсдарь Риенс с ошпаренной мордой. Так что не разыгрывай идиота, потому что эти люди не глупее тебя. Давай выкладывай, пока вежливо просят.

«Ах ты, шклярка заумная, — подумал знахарь. — Ах ты, гадина предательская, ты, харя рыжая, уж я тебя найду, уж я тебе заплачу... Только бы выбраться из этой истории...»

— Какой Риенс? — заныл он, извиваясь и тщетно пытаясь высвободиться из-под давящего на грудь башмака. — И откуда мне знать, кто он и где он? Мало ли кто сюда приходит, всякие разные, так что же я...

Беловолосый наклонился еще больше, медленно вытащил кинжал из-за голенища второго ботинка, а первым сильнее нажал на грудь знахаря.

— Мырман, — сказал он тихо. — Хочешь, верь, хочешь, не верь. Но если ты сейчас же не скажешь, где находится Риенс... Если немедленно не раскроешь, как связываешься с ним... то я тебя по кусочкам скормлю угрям

в канале. Начну с ушей.

В голосе беловолосого было нечто такое, что заставило знахаря тут же поверить каждому его слову. Он глядел на клинок и знал, что он острее тех ножей, которыми сам вскрывал язвы и чирьи. Его так затрясло, что упирающийся в грудь ботинок стал нервно подпрыгивать. Но он молчал. Вынужден был молчать. Пока что. Потому что если Риенс вернется и спросит, почему он его выдал, Мырману придется показать почему. «Одно ухо, — подумал он, — одно ухо я должен выдержать. Потом скажу...»

— Зачем терять время и пачкаться кровью? — неожиданно послышался из мрака мягкий женский альт. — Зачем рисковать? Ведь он начнет крутить и врать. Позвольте мне применить свои методы. Заговорит так быстро, что искушает себе язык. Придержите-ка его.

Знахарь взвыл и дернулся в путах, но белоголовый прижал его коленом к полу, схватил за волосы и вывернул голову. Рядом кто-то опустил на колени. Мырман почувствовал запах духов и мокрых птичьих перьев, ощутил прикосновение пальцев к виску. Хотел крикнуть, но горло ему перехватил ужас, и он сумел только пискнуть.

— Ты уже намерен кричать? — по-кошачьему замурлыкал мягкий альт у самого его уха. — Рановато, Мырман, рановато. Я еще не начинала. Но сейчас начну. Если эволюция создала в твоем мозгу какие-нибудь извилины, то я их сейчас тебе немного углублю. Вот тогда ты узнаешь, как можно кричать.

— Итак, — сказал Вильгефорц, выслушав донесение, — наши короли начали думать самостоятельно. Самостоятельно планировать, поразительно быстро эволюционируя от мышления тактического к стратегическому. Любопытно. Еще недавно, под Содденом, единственное, что они умели, так это, размахивая мечом, галопировать с диким гиканьем во главе отряда, даже не интересуясь, не остался ли этот отряд позади, а может, вообще скачет совсем в другую сторону. А сегодня, извольте, в Хаггенском замке они решают судьбы мира. Любопытно. Очень любопытно. Но, если быть откровенным, я этого ожидал.

— Знаем, — согласился Артауд Терранова. — И помним: ты предостерегал. Поэтому тебе и сообщаем.

— Благодарю за память, — усмехнулся чародей, а Тиссая де Врие тут же поняла, что о сообщенных фактах он знал давно. Но смолчала.

Выпрямившись в кресле, она подровняла кружевные манжеты, поскольку левый лежал несколько иначе, чем правый. Почувствовала на себе неприязненный взгляд Терранова и веселый — Вильгефорца. Она знала, что всех или нервирует, или забавляет ее ставший притчей во языцех педантизм. Но это ее совершенно не волновало. — Что скажет на это Капитул?

— Для начала, — ответил Терранова, — мы хотели бы услышать твое мнение, Вильгефорц.

— Для начала, — улыбнулся чародей, — надо немного выпить и перекусить. Времени у нас достаточно, позвольте мне быть добрым хозяином. Вижу, вы озябли и утомлены. Сколько пересадок в телепортах, можно узнать?

— Три, — пожала плечами Тиссая де Врие.

— Я был ближе, — потянулся Артауд. — Мне хватило двух. Но сложных, признаюсь.

— Везде такая паскудная погода?

— Везде.

— Ну так давайте подкрепимся едой и старым красным вином из Цидариса. Лидия, можно тебя попросить?

Лидия ван Бредевоорт, ассистентка и личный секретарь Вильгефорца, возникла из-за портьеры словно легкое привидение, глазами улыбнулась Тиссае де Врие. Тиссая, хорошо владея лицом, ответила милой улыбкой и наклоном головы. Артауд Терранова встал, почтительно поклонился. Он тоже прекрасно владел лицом. Лидию он знал.

Две служанки, спеша и шелестя юбками, быстро накрыли на стол. Лидия ван Бредевоорт зажгла свечи в подсвечниках, тонко выколдовав изящный огонек между большим и указательным пальцами. Тиссая заметила у нее на руке пятнышко масляной краски. Зафиксировала это в памяти, чтобы после ужина попросить молодую чародейку показать новое произведение. Лидия была способной художницей.

Вечеряли в молчании. Артауд Терранова, не стесняясь, лез в тарелки и, пожалуй, чересчур часто и без приглашения со стороны хозяина позвякивал серебряной крышечкой графина с красным вином. Тиссая де Врие ела не спеша, больше внимания уделяя не пище, а тому, чтобы создавать правильные композиции из тарелочек, столовых приборов и салфеток, которые, по ее мнению, все время лежали неровно и травмировали ее приверженность к порядку и чувство эстетики. Пила она сдержанно. Вильгефорц ел и пил еще сдержаннее. Лидия, естественно, не пила и не ела вообще.

Пламечко свечей колебалось длинными желто-красными язычками. По оконным витражам звенели капли дождя.

— Ну, Вильгефорц, — наконец проговорил Терранова, ковыряя вилкой в блюде в поисках достаточно жирного куска свинины. — Что думаешь относительно начинаний наших монархов? Хен Гедымдейт и Франческа прислали нас, ибо желают знать твое мнение. Меня и Тиссаю это тоже интересует. Капитул хочет в этом вопросе занять соответствующую позицию. А если дело дойдет до действий, то действовать мы также хотели бы согласно. Итак, что ты посоветуешь?

— Весьма польщен, — Вильгефорц жестом поблагодарил Лидию, которая хотела добавить ему на тарелку порцию брокколи, — тем, что мое мнение может быть решающим для Капитула.

— Этого никто не сказал. — Артауд снова подлил себе вина. — Решение мы в любом случае примем коллегиально, когда Капитул соберется. Но хотелось бы, чтобы каждый мог предварительно высказаться, дабы мы сориентировались. Итак — слушаем.

Если с ужином покончено, то, может быть, перейдем в лабораторию, — телепатически предложила Лидия, улыбаясь глазами. Терранова взглянул на ее улыбку и быстро допил то, что оставалось в кубке. До дна.

— Прекрасная мысль. — Вильгефорц вытер пальцы салфеткой. — Будет удобнее, к тому же там надежнее защита от магического подслушивания. Пошли. Можешь прихватить графин, Артауд.

— Не премину. Это мой любимый год.

Перешли в лабораторию. Тиссая не могла удержаться, чтобы не кинуть взгляд на стол, уставленный ретортами, тиглями, пробирками, кварцевыми сосудами и неисчислимой магической утварью. Все было защищено камуфлирующим заклятием, но Тиссая де Врие была Архимагистром, не существовало заслона, сквозь который она не могла бы пробиться. А ее немного интересовало, чем занимается маг последнее время. Она мгновенно сориентировалась в конфигурации недавно применявшейся аппаратуры, которую обычно использовали, когда надо было обнаружить место пребывания исчезнувших людей и для психовидения методом «хрусталь-металл-камень». Чародей или кого-то разыскивал, или разрешал теоретическую логистическую проблему. Вильгефорц из Рогтевеена слыл крупным любителем подобных проблем.

Расселись по резным карлам красного дерева. Лидия взглянула на Вильгефорца, поймала данный взглядом знак и тут же вышла. Тиссая незаметно вздохнула.

Все знали, что Лидия ван Бредевоорт любит Вильгефорца из Роггевеена, и любит давно, тихой, упорной, неотступной любовью. Чародей, конечно, тоже об этом знал, но делал вид, будто не знает. Лидия облегчала ему задачу, ни разу не выдав своих чувств — никогда не сделав ни малейшего шага или жеста, не подав знака мыслью, а если б даже могла говорить, не сказала бы ни слова. Она была слишком горда для этого. Вильгефорц тоже ничего не предпринимал, потому что Лидию не любил. Он мог, разумеется, запросто сделать ее своею любовницей и тем самым еще сильнее привязать к себе, а как знать, может, и осчастливить. Находились такие, кто это ему советовал. Но Вильгефорц к подобным советам не прислушивался. Он был слишком горд и чересчур принципиален. Так что положение оставалось безнадежным, но стабильным, и это в равной степени устраивало обоих.

— Итак, — прервал тишину молодой чародей. — Капитул не знает, что предпринять в отношении инициатив и планов наших государей? И совершенно напрасно мучается. Эти планы следует просто проигнорировать.

— Как-как? — Артауд Терранова замер с кубком в левой и графином в правой руке. — Уж не ослышался ли я? Бездействовать? Позволить...

— Мы и без того уже позволили, — прервал Вильгефорц. — Ведь никто у нас разрешения не просил. И не попросит. Повторяю: следует делать вид, будто мы ни о чем не догадываемся. Это единственно разумное поведение.

— То, что они надумали, грозит войной, к тому же крупномасштабной.

— То, что они надумали, стало нам известно благодаря секретной и неполной информации, исходящей из секретного, весьма сомнительного источника. Сомнительного до такой степени, что упорно напрашивается слово «дезинформация». А если даже это и правда, то их замыслы пока еще пребывают в фазе планирования и долго в этой стадии останутся. А когда выйдут за пределы... Ну что ж, тогда мы... подстроимся к ситуации.

— Ты хотел сказать, — поморщился Терранова, — что запляшем так, как они нам заиграют?

— Да, Артауд. — Вильгефорц взглянул на него, и глаза у него блеснули. — Ты заплешь так, как они тебе заиграют. Либо покинешь танцевальный зал. Потому что подиум для оркестра слишком высок, чтобы ты мог на него забраться и велеть музыкантам играть другую музыку. Пойми же наконец. Если ты считаешь, что существует другое решение, то ошибаешься. Путаешь небо со звездами, отраженными ночью в поверхности пруда.

«Капитул сделает то, что он прикажет, скрывая приказ под видимостью совета, — подумала Тиссая де Врие. — Все мы пешки на его шахматной доске. Он пошел в гору, вырос, затмил нас своим блеском, подчинил себе. Мы — пешки в его игре. В игре, правил которой не знаем».

Левый манжет опять лег иначе, чем правый. Чародейка тщательно расправила его.

— Планы королей уже находятся на стадии реализации, — проговорила она медленно. — В Каэдвене и Аэдирне начаты операции против скоя'таэлей. Льется кровь эльфской молодежи. Дело доходит до погромов и преследования нелюдей. Говорят о нападении на свободных эльфов в Доль Блатанне и Синих Горах. Это массовое убийство. Так нам что, передать Гедымдейту и Энид Финдабаир, что ты рекомендуешь сидеть сложа ручки? Прикидываться, будто мы ничего не видим?

Вильгефорц повернулся к ней. «Сейчас ты сменишь тактику, — подумала Тиссая. — Ты — игрок, на слух уловил, какие кости катятся по столу. Сменишь тактику. Ударишь в другую сторону».

Вильгефорц не спускал с нее глаз.

— Ты права, — коротко сказал он. — Ты права, Тиссая. Война с Нильфгаардом — одно, но за истреблением нелюдей нельзя наблюдать в бездействии. Предлагаю Большой Сбор, всеобщий Сбор всех, до мэтров третьей степени, а также и тех, кто после Соддена заседает в королевских Советах. На Большом Сборе обратимся к их рассудку и распорядимся унять монархов.

— Такой проект я одобряю, — сказал Терранова. — На Большом Сборе напомним королям, по отношению к кому в первую очередь они обязаны быть лояльными. Учтите, что у королей сейчас в советниках даже некоторые члены нашего Капитула. Королям служат Кардуин, Филиппа Эйльхарт, Феркарт, Радклифф, Йеннифэр...

Услышав последнее имя, Вильгефорц вздрогнул. Внутренне, разумеется. Но Тиссая де Врие была Архимагистром. Тиссая уловила мысль, импульс, перепрыгнувший с магической аппаратуры к двум лежащим на столе книгам. Обе книги были невидимы, укрыты магией. Чародейка сконцентрировалась и пробила заслон.

«Aen Ithlinnespeath», пророчество Ithlinne Aegli aep Aevenien, эльфской прорицательницы. Предсказание конца цивилизации, пророчество гибели и возвращения варварства, коим предстоит прийти одновременно с массами льда,двигающимися с границ вечной мерзлоты. А другая книга... Очень старая... Потрепанная... «Aen Hen Ichaer»... «Старшая Кровь»... Кровь Эльфов?

— Твое мнение, Тисса?

— Поддерживаю. — Чародейка поправила перстень, который повернулся на пальце не в ту сторону. — Поддерживаю предложение Вильгефорца. Нужен Большой Сбор, и как можно скорее.

«Металл-камень-хрусталь, — подумала она. — Ищешь Йеннифэр? Зачем? И что общего у Йеннифэр с пророчеством Итлины? И со Старшей Кровью Эльфов? Что ты задумал, Вильгефорц?»

Простите, — телепатически сказала Лидия ван Бредевоорт, беззвучно входя.

— Простите, — встал чародей, — но это срочно. Я со вчерашнего дня ждал письма. Это отнимет не больше минуты.

Артауд зевнул, сдержал ветры, потянулся к графину. Тиссая взглянула на Лидию. Лидия улыбнулась. Глазами. Иначе она не могла.

Нижняя половина лица Лидии ван Бредевоорт была фантомом.

Четыре года назад по распоряжению Вильгефорца, ее мэтра, Лидия приняла участие в исследовании свойств артефакта, найденного при раскопках древнего некрополя. Артефакт оказался защищенным мощным заклинанием. Активизировался всего один раз. Из пяти участников эксперимента трое чародеев погибли на месте. Четвертый потерял глаза, обе руки и сошел с ума. Лидия отделалась ожогами, искалеченной челюстью и мутацией гортани и горла, до сих пор эффективно сопротивляющейся попыткам регенерации. Поэтому пришлось применить сильнейший фантом, чтобы люди не падали в обморок при виде ее лица. Это был очень сильный, мастерски наложенный фантом, который с трудом пробивали даже избранные.

— Хм... — Вильгефорц отложил письмо. — Благодарю, Лидия.

Посланец ждет ответа, — улыбнулась Лидия.

— Ответа не будет.

Понимаю. Я распорядилась подготовить комнаты для гостей.

— Благодарю. Тиссая, Артауд, простите за несколько минут задержки. Продолжим. На чем мы остановились?

«Ни на чем, — подумала Тиссая де Врие. — Но я тебя внимательно слушаю. Когда-нибудь ты все же дойдешь до вопросов, которые тебя действительно интересуют».

— Ах да, — медленно начал Вильгефорц. — Вспомнил. Речь идет о самых молодых по стажу членах Совета. О Феркарте и Йеннифэр. Насколько мне известно, Феркарт связан с Фольтестом из Темерии и входит в королевский Совет вместе с Трисс Меригольд. А с кем связана Йеннифэр? Ты говорил, Артауд, что она из тех, кто служит королям.

— Артауд преувеличил, — спокойно сказала Тиссая. — Йеннифэр живет в Венгерберге, поэтому Демавенд порой обращается к ней за помощью, но постоянно они не сотрудничают. И уж наверняка нельзя утверждать, будто она выслуживается перед Демавендом.

— Что у нее со зрением? Надеюсь, все в порядке?

— Да.

— Это хорошо. Это очень хорошо. Я беспокоился... Знаете, я хотел с ней связаться, но оказалось, что она выехала. Никто не знает куда.

«Камень-металл-хрусталь, — подумала Тиссая де Врие. — Все, что носит Йеннифэр, активно и не обнаруживается психовидением. Так ты ее не отыщешь, дорогой. Если Йеннифэр не желает, чтобы видели, где она находится, никто и не увидит».

— Напиши ей, — сказала она спокойно, подравнивая манжеты. — И перешли письмо обычным способом. Дойдет обязательно. А Йеннифэр, где бы она ни была, ответит. Она отвечает всегда.

— Йеннифэр, — бросил Артауд, — частенько исчезает. Порой на целые месяцы. Причины бывают скорее всего тривиальные...

Тиссая взглянула на него, поджав губы. Чародей замолчал. Вильгефорц слегка улыбнулся.

— Именно, — сказал он. — Именно об этом я и подумал. В свое время она была крепко связана с... неким ведьмаком. Геральтом, если не ошибаюсь. Похоже, это не была обычная, мимолетная интрижка. Кажется, Йеннифэр довольно сильно увлеклась.

Тиссая де Врие выпрямилась, сжала пальцы на поручнях карла.

— Зачем ты спрашиваешь? Это их личное дело. Что нам до него.

— Конечно. — Вильгефорц взглянул на письмо, брошенное на пюпитр. — Ничего. Но мною руководит не болезненное любопытство, а забота об эмоциональном состоянии члена Совета. Меня удивляет реакция Йеннифэр на сообщение о смерти этого... Геральта. Мне казалось, она могла бы успокоиться, примириться, не впадать в депрессию или излишний траур.

— Несомненно, могла бы, — холодно сказала Тиссая. — Тем более что такие вести доходили до нее не раз. И неизменно оказывались слухами.

— Верно, — подтвердил Терранова. — Геральт, или как его там, умеет справляться с трудностями. И что тут странного? Это мутант, машина для убийств, сконструированная так, чтобы убивать и не дать убить себя. А что до Йеннифэр, не надо преувеличивать значения ее так называемых эмоций. Мы ее знаем. Она эмоциям не поддается. Играла ведьмаком, вот и все. Ее увлекала смерть, с которой этот типус постоянно заигрывает. А когда

наконец доиграется, проблемы исчезнут.

— Пока что, — сухо сказала Тиссая де Врие, — ведьмак жив.

Вильгефорц усмехнулся, снова кинул взгляд на лежащее перед ним письмо.

— Неужто? — сказал он. — Не думаю.

Геральт вздрогнул, сглотнул. Уже миновало первое потрясение после выпитого эликсира, начиналась активная фаза, отмеченная легким, но неприятным головокружением, сопровождающим адаптацию зрения к темноте.

Адаптация протекала быстро. Ночной мрак редел, все вокруг становилось серым, туманные и неясные вначале контуры постепенно делались контрастнее, четче и резче. В выходящей на набережную улочке, только что темной, как внутренность бочки из-под смолы, Геральт уже различал крыс, шествующих по сточной канаве, обнюхивающих лужи и щели в стенах.

Слух тоже обострился под действием ведьмачьего декокта. Путаница вымерших переулков, в которой еще минуту назад было слышно только, как шумит дождь в водостоках, оживала, наполнялась звуками. Теперь он слышал ор дерущихся котов, лай собак за каналом, смех и крики, доносящиеся из кабаков и трактиров Оксенфурта, ругань и пение в корчме плотогонов, далекую трель флейты, наигрывающей синкопированную мелодийку. Ожили темные, казалось, уснувшие дома — Геральт начал различать храп спящих людей, тяжелые шаги волов в заградах, фыркание лошадей в конюшнях. Из одного дома в глубине улочки доносились приглушенные, лихорадочные стоны занимающейся любовью женщины.

Звуки нарастали, набирали силу. Он уже улавливал непристойные слова песенок кутил, узнал имя партнера стонущей женщины, различил прерывистое, нечленораздельное бормотание знахаря, доводимого «ласками» Филиппы Эйльхарт до состояния полного и скорее всего перманентного идиотизма.

Близился рассвет. Дождь наконец перестал, сорвался ветер, разгонявший тучи. Небо на востоке явно светлело.

Крысы в переулке заволновались, прыснули в разные стороны, спрятались меж ящиков и мусора.

Ведьмак услышал шаги: четверо или пятеро. Точнее он пока

определить не мог. Поднял голову, но Филиппы не заметил.

Он мгновенно изменил тактику. Если среди приближающихся находился Риенс, у него было мало шансов его схватить. Сначала пришлось бы драться с эскортом, а этого он не хотел. Во-первых, потому, что находился под действием эликсира, а значит, этим людям суждено было умереть. Во-вторых, потому, что у Риенса появилось бы время сбежать.

Шаги приближались. Геральт вышел из тени.

Из переулка появился Риенс. Ведьмак мгновенно узнал волшебника, хоть никогда раньше не видел. Шрам на щеке, подарок Йеннифэр, прикрывала тень от капюшона.

Риенс был один. Эскорт скрывался в улочке. Почему — Геральт понял сразу же. Риенс знал, кто ждет его у дома знахаря. Он ожидал засады и все же пришел. Ведьмак понял почему. К тому же еще прежде, чем услышал тихий скрип мечей, извлекаемых из ножен. «Добро, — подумал он. — Если вы того хотите, добро».

— Приятно на тебя охотиться, — тихо проговорил Риенс. — Не надо искать. Сам являешься туда, где хотят тебя видеть.

— То же можно сказать и о тебе, — спокойно ответил ведьмак. — Ты явился сюда. Я хотел тебя здесь встретить, и ты пришел.

— Похоже, ты здорово прижал Мырмана, коли он рассказал об амулете и показал, где он спрятан. И как его активировать, чтобы он выслал сигнал. А вот того, что амулет одновременно и уведомляет и предостерегает, Мырман не знал и сказать не мог, даже если б ты стал его поджаривать на раскаленных углях. Я раздал множество таких амулетов. Знал, что рано или поздно ты наткнешься на один из них.

Из-за угла вышли четверо. Они двигались медленно и бесшумно. При этом все время оставались в тени, а обнаженные мечи держали так, чтобы их не выдал блеск клинков. Ведьмак, разумеется, прекрасно все видел. Но никак не отреагировал. «Хорошо, убийцы, — подумал он. — Раз вы этого хотите, получите».

— Я ждал, — продолжал Риенс, не двигаясь с места, — и дождался. Я намерен наконец очистить от тебя землю, паскудный выродок.

— Ах, намерен? Ты переоценил себя. Ты всего лишь оружие. Убийца, нанятый другими любителями мокрых дел. Кто тебя нанял, лакей?

— Слишком много хочешь знать, мутант. Я — лакей? А знаешь, кто ты? Куча дерьма на дороге, которую надо поскорее убрать, потому что люди не желают пачкать о тебя башмаки. Нет, я не скажу, кто именно, хотя и мог бы. Зато скажу кое-что другое, чтобы тебе было над чем подумать по дороге в ад. Я уже знаю, где находится ублюдок, которого ты так

стережешь. И знаю, где затаилась ведьма Йеннифэр. Моих патронов она не интересуется, но я испытываю к этой девке особое отвращение. Вот покончу с тобой и возьмусь за нее. Она еще пожалеет о своих фокусах с огнем. О да, пожалеет. И очень даже.

— А вот этого говорить не следовало, — гаденько усмехнулся ведьмак, чувствуя эйфорию драки, вызванную эликсиром, реагирующим с адреналином. — Пока ты этого не сказал, у тебя еще были шансы выжить. Теперь их нет.

Сильное дрожание амулета предупредило его о внезапном нападении. Он отпрянул, молниеносно выхватив меч, покрытым рунами клинком отбил и свел на нет выпущенную в него резкую, парализующую волну магической энергии. Риенс попятился, поднял руку, но в последний момент струсил. Не пытаясь повторить заклинания, быстро ретировался в глубину переулка. Ведьмак не мог за ним бежать — на него кинулись те четверо, которые думали, будто их скрывает тень. Сверкнули мечи.

Это были профессионалы. Все четверо. Опытные, ловкие, сработавшиеся профессионалы. Они напали на него парами, двое — слева, двое — справа. При этом один всегда скрывался за спиной другого. Ведьмак выбрал тех, что слева. На вызванную эликсиром эйфорию наложилась ярость.

Первый убийца напал финтом с декстера и тут же отскочил, чтобы дать возможность второму, тому, что стоял у него за спиной, нанести предательский удар. Геральт закружился в пируэте, обошел их и рубанул второго сзади самым концом меча через затылок, шею и спину. Он был зол и ударил крепко. Кровь фонтаном брызнула на стену.

Первый молниеносно отступил, дав место следующей паре. Эти разделились, тыча мечами с двух сторон, так, чтобы только один удар можно было парировать — второй должен был попасть в цель. Геральт не парировал, а, кружась в пируэте, вошел между ними. Чтобы не столкнуться, им пришлось сбить сыгранный темп, отшлифованные шаги. Один успел вывернуться в мягком кошащем финте, ловко отскочил. Второй не успел, потерял равновесие, повернулся спиной. Ведьмак, развернувшись обратным пируэтом, с размаху рубанул его по крестцу. Он был зол. Чувствовал, как острый ведьмачий клинок перерубает позвоночник врага. Дикий вой прокатился по улочкам. Два оставшихся бандита напали на него тут же, засыпали ударами, парировать которые ему удавалось с величайшим трудом. Он вошел в разворот, вырвался из-под мелькающих орудий убийства. Но вместо того чтобы опереться спиной о стену и защищаться, напал.

Этого они не ожидали, не успели отскочить и разделиться. Один ответил, но ведьмак ушел от контрудара, закружился, ударил за спину, вслепую, ориентируясь по движению воздуха. И попал. Услышал сдавленный крик, но оглядываться было некогда. Последний из убийц был уже рядом, уже бил быстрым синистром, квартой. Геральт парировал в последний момент, статически, без оборота, квартой из декстера. Убийца, воспользовавшись инерцией парирования, отскочил как пружина и ударил с полуоборота, широко и мощно. Слишком мощно. Геральт уже кружился. Клинок убийцы, значительно более тяжелый, чем клинок ведьмака, прорезал воздух, убийце пришлось последовать за мечом. Инерция развернула его. Геральт вывернулся из полупируэта совсем рядом с ним, очень близко. Увидел его искаженное лицо, изумленные глаза. Он был зол. Ударил. Коротко, но сильно. И не промахнулся. Прямо в глаза.

Он слышал дикий крик Шани, вырывающейся из рук Лютика на мостике, ведущем в домик знахаря.

Риенс, скинув плащ, пятился в глубь улочки, вытянув вперед руки, из которых уже начинал струиться магический свет. Геральт обеими руками стиснул меч и не раздумывая бросился в его сторону. У чародея не выдержали нервы. Не dokonчив заклинания, он кинулся бежать, крича что-то непонятное. Но Геральт понимал. Он видел, что Риенс вызывает помощь, умоляет спасти его.

И спасение пришло. Улочка разгорелась ярким светом, на облупленной, покрытой подтеками стене дома разгорелся огненный овал телепортала. Риенс прыгнул туда. Геральт — следом. Он был чертовски зол.

Тубланк Мишеле застонал, скрючился, сжимая обеими руками распоротый живот. Он чувствовал, как кровь покидает его, быстро стекая между пальцами. Рядом лежал Флавиус. Еще секунду назад он дрожал. Теперь застыл. Тубланк зажмурился, потом открыл глаза. Сова, сидевшая рядом с Флавиусом, явно не была галлюцинацией, потому что не исчезла. Он опять застонал и отвернулся.

Какая-то девка, судя по голосу, очень молодая, дико кричала:

— Отпусти меня! Там раненые! Я должна... Я медичка, Лютик! Пусти меня, слышишь!

— Ты им не поможешь, — глухо ответил тот, кого называли Лютиком. — После удара ведьмачьим мечом... Даже и не подходи. Не

гляди. Прошу тебя, Шани, не гляди.

Тубланк почувствовал, что кто-то опускается рядом. Уловил аромат духов и запах мокрых перьев. Мешал нервнирующий плач и крик молодой девки. Той... медички. Но если кричала медичка, то кто же стоял рядом с ним? Тубланк застонал.

— ...будет хорошо. Все будет хорошо.

— Кур... вин... сын... — простонал он. — Риенс... Сказал нам... Обычный фраер... А... это... был ведьмак... За... пашок... Спаси... те... Мои... кишки...

— Тихо, тихо, сынок. Успокойся. Уже хорошо. Уже не болит. Ведь правда, уже не болит? Скажи, кто вас сюда притащил? Кто связал с Риенсом? Кто его порекомендовал? Кто вас в это впутал? Скажи мне, сынок, прошу тебя. И тогда все будет хорошо. Вот увидишь, будет хорошо. Ну скажи, прошу тебя.

Тубланк почувствовал на губах кровь. Но не в силах был сплюнуть. Прижавшись щекой к влажной земле, раскрыл рот. Кровь текла сама.

Он уже не чувствовал ничего.

— Скажи мне, — повторял мягкий голос. — Скажи, сыночек.

Тубланк Мишеле, профессиональный убийца с четырнадцатилетнего возраста, закрыл глаза, улыбнулся кровавой улыбкой. И прошептал все, что знал.

А когда раскрыл глаза, увидел кинжал с узеньким лезвием и маленькой золотой ручкой.

— Не бойся, — произнес мягкий голос, и острое кинжала коснулось его виска. — Больно не будет.

Действительно, больно не было.

Он нагнал волшебника в последний момент, перед самым телепорталом. Меч он отбросил еще раньше, руки были свободны, вытянутые в прыжке пальцы вцепились в край плаща беглеца. Риенс потерял равновесие, рывок выгнул его, принудил попятиться. Он дернулся. От резкого движения плащ разорвался от застёжки до застёжки, сполз с плеча. Поздно. Слишком поздно.

Геральт развернул его ударом кулака в плечо и тут же ударил левым в шею, под ухом. Риенс покачнулся, но не упал. Ведьмак подлетел к нему мягким прыжком и с силой всадил кулак под ребра. Волшебник охнул и

повис на кулаке. Геральт схватил его за полу куртки, завертел и повалил на землю. Прижатый коленом Риенс вытянул руку, раскрыл рот, чтобы выкрикнуть заклинание. Геральт сжал пальцы в кулак и хватил его сверху. Прямо в губы. Губы лопнули, как спелая смородина.

— Презент от Йеннифэр у тебя уже есть, — прохрипел он. — Теперь получай от меня.

Он ударил еще раз. Голова волшебника дернулась, на лоб и щеки брызнула кровь. Геральт немного удивился — он не почувствовал боли, но, несомненно, тоже получил свое во время стычки. Это была его кровь. Он не обратил на это внимания, к тому же искать рану и заниматься ею было некогда. Он размахнулся снова и ударил Риенса еще раз. Он был зол.

— Кто тебя прислал? Кто тебя нанял?

Риенс плюнул в него кровью. Ведьмак саданул его опять.

— Кто?

Огненный овал телепортала засиял сильнее, пышущий из него свет залил переулок. Ведьмак почувствовал бьющую из овала Силу, почувствовал еще прежде, чем его медальон начал резко, предостерегающе дергаться.

Риенс тоже ощутил истекающую из телепортала энергию, предваряющую близкую помощь. Он крикнул, дернулся, как гигантская рыба. Геральт уперся ему коленями в грудь, поднял голову, сложил пальцы в Знак Аард, нацелился в горящий портал. Это была его ошибка.

Из портала не вышел никто. Из него только вырвалась Сила, и Силу поглотил Риенс.

Выпрямленные пальцы волшебника удлиннились, превратившись в стальные шипы. Они со скрипом врезались в грудь и плечи Геральта. Из шипов вырвалась энергия. Ведьмака отбросило назад. Потрясение было таким, что он явно почувствовал, как хрустят и ломаются стиснутые до боли зубы.

Риенс попытался вскочить, но тут же снова рухнул на колени, и так, на коленях, пополз к телепорталу. Геральт, с трудом хватая воздух, вытащил из-за голенища кинжал. Волшебник обернулся, рывком вскочил. Ведьмак тоже вскочил, но быстрее. Риенс снова оглянулся, взвизгнул. Геральт сжал стилет в руке. Он был зол. Очень зол.

Что-то ухватило его сзади, лишило сил, сковало. Медальон на шее резко задержался, боль в раненом плече лихорадочно запульсировала.

В каких-нибудь десяти шагах от него стояла Филиппа Эйльхарт. Из ее поднятой руки струился матовый свет — две полосы, два луча. Оба касались его спины, стискивали плечи светящимися путами. Он рвался, но

впустую. Не мог двинуться с места. Мог только смотреть, как Риенс неуверенными шагами добирается до телепортала, мигающего молочным полусветом.

Риенс медленно, не спеша вступил в свет телепортала, погрузился в него, как ныряльщик, растворился, исчез. Спустя секунду овал погас, на мгновение накрывая улочку непроницаемой, плотной, бархатной тьмой.

Где-то в закоулках орали дерущиеся коты. Геральт глянул на клинок меча, который поднял, направляясь к чародейке.

— Зачем, Филиппа? Зачем ты это сделала?

Чародейка отступила на шаг. Кинжал, который только что торчал в голове Тубланка Мишеле, теперь был у нее в руке.

— Зачем ты спрашиваешь? Ведь знаешь же.

— Да, — подтвердил он. — Теперь знаю.

— Ты ранен, Геральт. Боли не чувствуешь только потому, что одурманен эликсиром, но смотри, как идет кровь. Ты уже успокоился? Могу я не опасаться подойти и заняться тобой? К дьяволу, не смотри так! И не приближайся ко мне. Еще шаг, и придется... Не приближайся! Прошу! Я не желаю тебе зла, но если ты приблизишься...

— Филиппа! — крикнул Лютик, все еще удерживая рыдающую Шани. — Ты спятила?

— Нет, — с трудом проговорил ведьмак. — Она в своем уме. И прекрасно знает, что делает. Она все время знала, что делает. Использовала нас. Предала. Обманула...

— Успокойся! — повторила Филиппа Эйльхарт. — Тебе этого не понять, да и понимать ни к чему. Я должна была так поступить. И не называй меня предательницей, потому что я поступила так ради дела гораздо более важного, чем ты можешь себе представить. Дела настолько важного, что, оказавшись перед необходимостью выбора, ради него приходится жертвовать делишками мелкими и менее значительными. Послушай, черт возьми, мы тут болтаем, а ты стоишь в луже крови. Успокойся и позволь мне и Шани заняться тобой.

— Она права! — крикнул Лютик. — Ты же ранен, черт побери! Тебя надо перевязать и сматываться отсюда! Лаяться будете потом!

— Ты и твое значительное дело... — Ведьмак, не обращая внимания на трубадура, неловко сделал шаг вперед. — Твое значительное дело,

Филиппа, и твой выбор — это раненый, которого ты хладнокровно пырнула кинжалом, когда он уже сказал тебе все, что ты хотела знать, то, чего мне узнать было нельзя. Твое значительное дело — это Риенс, которому ты позволила сбежать, чтобы он случайно не назвал имени своего работодателя. Чтобы мог убивать. Твое значительное дело — это трупы, которых не должно было быть. Прости, я неверно выразился. Не трупы, незначительные делишки! Мелкие!

— Я знала, что ты не поймешь.

— Не пойму, верно. Никогда. Но в чем дело — знаю. Ваши значительные, ваши великие дела, ваши войны, ваша борьба за спасение мира... Ваша цель, которая оправдывает средства... Прислушайся, Филиппа. Слышишь голоса, крики? Это коты дерутся за свои великие дела. За абсолютную власть над кучей отбросов. Это не шутки, там льется кровь и летят клочья шерсти. Там идет война. Но мне в высшей степени наплевать на все эти войны, кошачьи и твои.

— Тебе только так кажется, — прошипела чародейка. — Все это коснется и тебя, к тому же гораздо раньше, чем ты предполагаешь. Перед тобой необходимость и выбор. Ты впутался в Предназначение, дорогой мой, больше, чем полагал. Ты думал, будто взял под крыло ребенка, маленькую девочку. Ошибаешься. Ты приютил Пламя, от которого в любой момент может вспыхнуть мир. Наш мир. Твой, мой... И тебе придется выбирать. Как и мне. Как Трисс Меригольд. Как пришлось выбирать Йеннифэр. Ибо Йеннифэр уже выбрала. Твое Предназначение в ее руках, ведьмак. Ты сам отдал его в ее руки.

Ведьмак покачнулся. Шани крикнула, вырвалась из рук Лютика. Геральт жестом остановил ее, выпрямился, взглянул прямо в темные глаза Филиппы Эйльхарт.

— Мое Предназначение, — с трудом проговорил он. — Мой выбор. Я скажу тебе, Филиппа, что я выбрал. Я не позволю, чтобы вы впутали в свои грязные махинации Цири. Предупреждаю. Тот, кто посмеет нанести вред Цири, кончит так же, как эти четверо. Я не стану присягать или клясться. Мне не на чем присягать и нечем клясться. Я просто предупреждаю. Ты обвинила меня в том, что я скверный опекун, что не смогу защитить этого ребенка. Я буду защищать. Как умею. Буду убивать. Буду безжалостно убивать...

— Верю, — усмехнулась чародейка. — Верю — будешь. Но не сегодня, Геральт. Не сейчас. Потому что через минуту ты потеряешь сознание от потери крови. Шани, ты готова?

Глава 7

Никто не рождается чародеем. Мы по-прежнему слишком мало знаем о генетике и механизмах наследственности. Явно недостаточно времени и средств мы отдаем исследованиям. К сожалению, опыты по наследственной передаче магических способностей мы постоянно осуществляем методом, я бы так сказала, естественным. Последствия этих псевдоэкспериментов мы чересчур часто обнаруживаем в городских канавах и у стен храмов. Неоправданно много встречается пускающих слюни дебилов и кататоничек, делающих под себя пророков, вещуний, деревенских прорицательниц и чудотворцев, кретинов с мозгами, искалеченными унаследованной, необузданной Силой.

Эти дебилы и кретинки тоже могут давать потомство, передавать свои способности и продолжать вырождаться. Кто-нибудь в состоянии предвидеть, определить, как будет выглядеть последнее звено этой цепи?

Большинство из нас, чародеев, теряет способность к продолжению рода вследствие соматических изменений и функциональных нарушений гипофиза. Некоторым удается стать магами, сохранив производительность гонад. Они могут зачинать и рожать и имеют наглость почитать это счастьем и благословением. А я повторяю: никто не рождается чародеем. И никто не должен им рождаться! Я осознаю значение своих слов, отвечаю на вопрос, поставленный на Большом Сборе в Цидарисе. Отвечаю со всей определенностью: каждая из нас должна решить, кем хочет быть — чародейкой или матерью.

Я требую стерилизовать всех адептов. Без исключения.

Тиссая де Врие. «Отравленный источник»

— Что я вам скажу, — неожиданно проговорила Иоля Вторая, поставив корзинку с зерном на бедро. — Будет война. Так сказал княжеский эконоом, когда приезжал за сырами.

— Война? — Цири откинула волосы со лба. — С кем? С Нильфгаардом?

— Я не расслышала, — призналась послушница. — Но эконоом говорил, что наш князь получил приказ от самого короля Фольтеста, который рассылает грамоты, а на дорогах черным-черно от войска. Ой-ёй! Что будет?

— Если война, — сказала Эурнэйд, — то наверняка с Нильфгаардом. С кем же еще-то? Опять! О боги, это ужасно!

— А ты не перебрала с этой войной, Иоля? — Цири сыпанула зерна курам и цесаркам, толкущимся вокруг них непоседливой, говорливой кучкой. — Может, просто снова облава на скоя'таэлей?

— Мать Нэннеке о том же спросила эконома, — сообщила Иоля Вторая. — А эконоом ответил, что нет, что на этот раз речь идет не о белках. Замки и крепости получили, кажется, приказы накапливать запасы продовольствия на случай осады. А ведь эльфы нападают в лесах, а не осаждают замки! Эконоом спрашивал, может ли храм дать побольше сыров и других продуктов для ихних запасов. И еще требовал гусиных перьев. Им нужно много гусиных перьев, сказал. Для стрел. Чтобы стрелять из луков, понимаете? О боги! У нас будет полно работы! Вот увидите! Работы будет по горлышко!

— Не у всех, — съязвила Эурнэйд. — Некоторые не замарают ручек. Некоторые в работе только два дня на неделе. Им, видите ли, некогда работать: они, понимаете ли, учатся чернокнижеским фокусам. А взаправду-то, наверно, бьют баклуши да бегают по парку и сшибают палкой траву. Ты знаешь, о ком я, Цири, верно?

— Цири, конечно, отправится на войну, — захохотала Иоля Вторая. — Она же вроде бы рыцарская дочка! Великая воительница со страшным мечом! Наконец-то сможет рубить головы вместо крапивы!

— Нет! Она могущественная чародейка! — сморщила носик Эурнэйд. — Она превратит всех врагов в полевых мышек. Цири! Покажи нам какое-нибудь страшное волшебство. Стань невидимой или сделай так, чтобы морковь выросла раньше срока. Или чтобы куры кормились сами. Ну не заставляй себя упрашивать! Крикни заклинание!

— Магия существует не для того, чтобы ее демонстрировать, — зло

сказала Цири. — Магия — не ярмарочные фокусы.

— Конечно, конечно, — рассмеялись послушницы. — Не для этого. А, Иоля? Ну точно говорит не Цири, а эта баба-яга, Йеннифэр!

— Цири все больше начинает походить на нее, — бросила Иоля, презрительно потянув носом. — Даже пахнет так же. Ха, уж точно магические благовония, сделанные из поскрипа или амбры. Ты пользуешься магическими благовониями, Цири?

— Нет! Мылом! Тем, чем вы пользуетесь слишком редко!

— Ого! — поморщилась Эурнэйд. — Какая колючая, какая злая! А как надувается!

— Раньше она такой не была, — насупилась Иоля Вторая. — Стала такой, как только подружилась с той ведьмой. Спит вместе с ней, ест вместе с ней, ни шага от своей Йеннифэрихи не отступает. В храм на занятия почти совсем перестала ходить, а для нас у нее вообще уже ни минутки свободной нет!

— А нам приходится за нее всю работу выполнять! И на кухне, и в огороде! Глянь-ка, Иоля, какие у нее ручки. Прямо как у принцессы!

— Так уж жизнь устроена, — пропела Цири. — У кого есть немного ума — тому книги. А у кого сумбур в голове — тому метла!

— А ты на метле только летаешь, да? Чародейка фигова!

— Глупая!

— Сама ты глупая!

— А вот и нет!

— А вот и да! Пошли, Иоля, не обращай на нее внимания. Чародейки — компания не для нас.

— Конечно! — крикнула Цири и бросила на землю корзинку с зерном. — Куры — вот ваша компания!

Послушницы, задрав носы, отошли, окруженные шумливой ватагой птиц.

Цири громко чертыхнулась, повторив любимое выражение Весемира, значение которого было ей не вполне ясно. Потом добавила еще несколько слов, услышанных от Ярпена Зигрина, значение которых было для нее вообще полнейшей загадкой. Пинком разогнала клунь, рванувшихся было к рассыпавшемуся зерну. Подняла корзинку, повертела в руках, а потом закружилась в ведьмачьем пируэте и кинула ее словно диск через камышовые крыши курятников. Развернулась на пятках и припустила через храмовый парк.

Бежала она легко, умело управляя дыханием. У каждого второго дерева проделывала ловкий полуоборот с прыжком, изображая удар мечом

и сразу после этого выполняя выученный вольт и финт. Ловко перепрыгнула заборчик, уверенно и мягко опустилась на подогнутые ноги.

— Ярре! — Она задрала голову к оконцу, зияющему в каменной стене башни. — Ярре, ты там? Это я!

— Цири? — высунулся мальчик. — Ты что тут делаешь?

— К тебе можно?

— Сейчас? Хм... Ну пожалуйста. Прошу.

Она вихрем взмыла по лестнице, застав молодого послушника в тот момент, когда он, отвернувшись, поспешно поправлял одежду и прикрывал одними пергаментами другие, лежащие на столе. Ярре пятерней прошелся по волосам, закашлялся и неловко поклонился. Цири засунула большие пальцы за пояс, тряхнула пепельной головкой.

— Что это за война такая, о которой все болтают? — выпалила она. — Хочу знать!

— Пожалуйста, присядь.

Она осмотрелась. В комнате стояло четыре больших стола, заваленных книгами и свитками. Стул был всего один. И тоже заваленный.

— Война? — буркнул Ярре. — Да, идут такие разговоры... Тебя это интересует? Тебя, дев... Не садись на стол, прошу, я только-только привел в порядок материалы... Сядь на стул. Сейчас, погоди, книги сниму... А госпожа Йеннифэр знает, что ты здесь?

— Нет.

— Хм... А мать Нэннеке?

Цири поморщилась. Она понимала, о чем речь. Шестнадцатилетний Ярре был воспитанником первосвященницы, которого она готовила в жрецы и хроникеры. Он жил в Элландере, где работал писарем в городском суде, но в храме Мелитэле бывал чаще, чем в городке, целыми днями, а порой и ночами изучая, переписывая и снабжая виньетками книги из храмовой библиотеки. Цири никогда не слышала этого от Нэннеке, но было известно, что первосвященница категорически не желала, чтобы Ярре крутился вокруг юных послушниц. И наоборот. Послушницы, однако же, то и дело поглядывали на паренька и шушукались, обсуждая предполагаемые возможности, которые предоставляло им частое присутствие на территории храма существа, носящего брюки. Цири страшно удивлялась, ибо, по ее мнению, Ярре являл собою полнейшее отрицание всего того, что, как ей казалось, могло считаться признаками интересного мужчины. В Цинтре, как она помнила, интересным считался мужчина, если доставал головой до бревенчатого потолка, рычал, как буйвол, и от него за тридцать шагов несло лошадью, потом и пивом

независимо от времени суток. Мужчин, которые не соответствовали приведенному описанию, придворные дамы королевы Калантэ считали не заслуживающими вздохов и сплетен. Цири достаточно насмотрелась и на мужчин иного толка — умных и мягких друидов из Ангрена, степенных и хмурых поселенцев из Соддена, ведьмаков из Каэр Морхена. Ярре тоже был иным. Он был худ как палка, неуклюж, носил слишком просторную, заляпанную чернилами, пыльную одежду, у него были вечно жирные волосы, а на подбородке вместо щетины росло семь или восемь длинных волосков, половина которых торчала из большой бородавки. Цири действительно не понимала, что ее так влечет в башню Ярре. Она любила с ним беседовать, мальчик знал немало, от него можно было многому научиться. Но в последнее время, когда он смотрел на нее, его глаза становились какими-то рассеянными и маслянистыми.

— Ну, — нетерпеливо бросила она. — Скажешь наконец или нет?

— О чем говорить-то? Не будет никакой войны. Все это слухи.

— Ага! — фыркнула она. — Значит, князь рассылает гонцов исключительно ради забавы. Войска разгуливают по дорогам от скуки? Не крути, Ярре! Ты бываешь в городке и в замке, наверняка что-то знаешь!

— Почему ты не спросишь госпожу Йеннифэр?

— У госпожи Йеннифэр в голове дела посерьезнее, — фыркнула Цири, но тут же спохватилась, мило улыбнулась и затрепыхала ресницами. — Ох, Ярре, ну пожалуйста, скажи! Ты такой умный! Ты умеешь говорить так красиво и по-ученому, я могла бы слушать часами! Ну пожалуйста, Ярре!

Юноша покраснел, а глаза у него посмурнели еще больше. Цири украдкой вздохнула.

— Хм. — Ярре потоптался на месте, неуверенно пошевелил руками, явно не зная, что с ними делать. — Что я могу сказать? Верно, люди в городе болтают, их волнует то, что творится в Доле Ангрен... Но войны не будет. Наверняка. Можешь мне поверить.

— Конечно, могу! — вздохнула она. — Но хотелось бы знать, откуда такая уверенность? В Совете князя, насколько мне известно, ты не заседаешь. А если вчера тебя назначили комесом, похвались. Я поздравлю.

— Я изучал исторические трактаты, — покраснел Ярре, — из них можно узнать больше, чем сидя в Совете. Я читал «Историю войн», написанную маркизом Пеллиграмом, «Стратегию» дюка де Руйтера, «Преимущества легкой реданской кавалерии» Бронибора... А в нынешней политической ситуации разбираюсь достаточно, чтобы сделать выводы по аналогии. Ты знаешь, что такое аналогия?

— Конечно, — солгала Цири, вытаскивая стебель травы из застёжки ботинка.

— Если историю прежних войн, — мальчик уставился в потолок, — наложить на теперешнюю политическую географию, то легко понять, что мелкие пограничные инциденты, из тех, например, что были в Доль Ангре, случайны и не играют роли. Ты, изучая магию, знаешь, надеюсь, политическую географию?

Цири не ответила, задумчиво перебирая лежащие на столе пергаменты. Перевернула несколько страниц большой, оправленной в кожу книги.

— Оставь, не трогай, — заволновался Ярре. — Это ужасно ценное, уникальное произведение.

— Я не съем.

— У тебя грязные руки.

— Не грязнее твоих-то. Слушай, у тебя тут есть какие-нибудь карты?

— Есть, но они в сундуке, — быстро ответил юноша, однако, увидев гримасу Цири, вздохнул, сбросил с сундука свитки пергамента, поднял крышку, опустился на колени и начал копаться в содержимом. Цири, крутясь на стуле и размахивая ногами, продолжала листать книгу.

Между страниц вдруг выскользнул листок с картинкой, на которой была изображена женщина с завитыми в спиральные локоны волосами, совершенно нагая, страстно обнимающаяся с абсолютно голым бородатым мужчиной. Высунув язык, девочка долго крутила гравюру, не в состоянии сообразить, где верх, где низ. Наконец обнаружила самую существенную деталь картинки и расхохоталась. Ярре, подойдя с огромным рулоном под мышкой, сильно покраснел, молча взял у нее гравюру и спрятал под покрывающие стол материалы.

— Страшно ценное и уникальное произведение, — съехидничала Цири. — Так вот какие аналогии ты изучаешь! И много там подобных картинок? Интересно, книга называется «Лечение и оздоровление». Хотела бы я знать, какие же болезни лечат таким способом?

— Ты умеешь читать Старшие Руны? — удивился мальчик, озабоченно покашливая. — Не знал.

— Ты еще много чего не знаешь, — задрала она нос. — Ты что думаешь? Я тебе не какая-то послушница, которая только и умеет, что кур щупать... Я — чародейка. Ну, показывай свою карту!

Они опустили на колени, руками и ногами придерживая на полу непослушный лист, упорно стремящийся снова свернуться в рулон. Наконец Цири придавила один из углов ножкой стула, а Ярре прижал

другой тяжелой книгой, носящей название «Жизнь и деяния великого короля Радовида».

— Хм... Какая-то нечеткая твоя карта! Никак не могу в ней разобраться... Где мы? Где Элландер?

— Здесь, — указал он пальцем. — Тут Темерия. Здесь Вызима, столица нашего короля Фольтеста. Здесь, в долине Понтара, лежит княжество Элландер. А тут... Да, вот тут наш храм.

— А это что за озеро? У нас нет тут никаких озер.

— Это не озеро. Это клякса от чернил.

— Ага... А здесь? Здесь Цинтра, да?

— Да. К югу от Заречья и Соддена. Вот здесь протекает река Яруга, впадающая в море как раз в Цинтре. Эта страна, не знаю, известно ли тебе, сейчас захвачена нильфгаардцами...

— Знаю, — обрезала она, сжимая кулаки. — Очень даже хорошо знаю. А где сам Нильфгаард? Не вижу я тут такой страны. Не уместилась на карте, что ли? Дай другую, побольше!

— Хм. — Ярре почесал бородавку на подбородке. — Таких карт у меня нет... Но я знаю, что Нильфгаард где-то дальше, в южном направлении... Примерно вот там... Я думаю...

— Так далеко? — удивилась Цири, рассматривая то место на полу, на которое он указал. — Вон даже откуда появились? А по пути завоевали другие страны?

— Да, верно. Завоевали Метинну, Мехт, Назаир, Эббинг, все королевства к югу от гор Амелл. Королевства эти, как и Цинтра и Верхний Содден, нильфгаардцы теперь называют провинциями. Но Нижний Содден, Вердэн и Бругге им захватить не удалось. Здесь, у Яруги, войска Четырех Королевств задержали их, победив в бою...

— Знаю, я учила историю. — Цири хлопнула по карте раскрытой ладонью. — Ну, Ярре, говори о войне. Мы ползаем по политической географии. Давай вытягивай выводы из аналогий и из чего только хочешь. Я слушаю.

Мальчик фыркнул, покраснел и принялся толковать, указывая на соответствующие районы концом гусяного пера.

— Сейчас границу между нами и захваченным Нильфгаардом Югом образует, как видишь, река Яруга. Это практически непреодолимая преграда. Она почти никогда не замерзает, а в дождливые поры несет столько воды, что разливается почти на целую версту вширь. На длинном участке, вот тут, она течет между обрывистыми, недоступными берегами, среди скал Махакама...

— Страны краснолюдов и гномов?

— Да. Поэтому форсировать Яругу можно вот здесь, в нижнем течении, в Соддене, и здесь, в среднем, в Доль Ангре...

— И как раз в Доль Ангре был тот ици... Ициндент?

— Инцидент. Не торопись. Я тебе как раз объясняю, что реку Яругу ни одна армия сейчас форсировать не в состоянии. Обе доступные долины, по которым извечно двигались армии, сильно укреплены и защищены как нами, так и Нильфгаардом. Взгляни на карту. Смотри, сколько тут крепостей. Заметь: вот Вердэн, вот Острова Скеллиге...

— А это что такое? Большое белое пятно?

Ярре пододвинулся ближе, она почувствовала тепло его колени.

— Лес Брокилон. Это запретный район. Королевство лесных дриад. Брокилон тоже защищает наш фланг. Дриады не пропустят здесь никого, нильфгаардцев тоже.

— Хм... — Цири наклонилась над картой. — Это Аэдирн... И город Венгерберг... Ярре! Немедленно прекрати!

Мальчик быстро отдернул руку от ее волос и покраснел как пион.

— Я не желаю, чтобы ты так со мной...

— Цири, я...

— Я пришла к тебе по серьезному делу, как чародейка к ученому, — сказала она с прохладцей и достоинством, точно подражая тону Йеннифэр. — Так веди себя как следует!

Ученый смутился еще больше, а мина у него была такая глупая, что чародейка с трудом сдержала смех, снова склонившись к карте.

— Из всей твоей географии, — проговорила она, — ничего пока не ясно. Ты рассказываешь о реке Яруге, а ведь нильфгаардцы уже однажды переходили на другой берег. Что им помешает теперь?

— Тогда, — откашлялся Ярре, смахивая со лба обильный пот, — против них выступили только Бругге, Содден и Темерия. Сейчас мы объединились в союз. Как в битве под Содденом. Четыре Королевства. Темерия, Редания, Аэдирн и Каэдвен...

— Каэдвен... — важно сказала Цири. — Да, знаю, в чем этот союз состоит. Король Хенсельт из Каэдвена оказывает секретную специальную помощь королю Демавенду из Аэдирна. Эту помощь он возит в бочках. А когда король Демавенд подозревает, что кто-то оказывается предателем, он загружает в бочки камни. Устраивает ловушки...

Тут она осеклась, вспомнив, что Геральт запретил ей рассказывать о событиях в Каэдвене. Ярре подозрительно взглянул на нее.

— Правда? А откуда ты все это знаешь?

— Читала в книге маршала Пэликана, — фыркнула она, — и в других... аналогиях. Рассказывай, что случилось в Доль Ангре, или как там она называется. А сначала покажи, где это.

— Здесь. Доль Ангра — это широкая долина, дорога, ведущая с Юга к королевствам Лирии и Ривии, в Аэдирн, а дальше — в Доль Блатанна и Каэдвен... А через Долину Понтара — к нам, в Темерию.

— И что там случилось?

— Начались бои. Кажется. Я мало об этом знаю. Но так говорили в замке.

— Если начались бои, — нахмурилась Цири, — значит, идет война! Так что ты мне тут плетешь?

— Не впервой дело доходит до стычек, — пояснил Ярре, но девочка видела, что уверенность его понемногу идет на убыль. — На границе очень часто случаются инциденты. Но они не имеют значения.

— Это почему же?

— Равновесие сил. Ни мы, ни нильфгаардцы ничего не можем сделать. Ни одна сторона не может дать противнику повод к войне. Понимаешь? Поэтому вооруженные инциденты в Доль Ангре — наверняка случайные события, скорее всего разбойничьи нападения или столкновения с контрабандистами... Это ни в коем случае не могут быть действия регулярных войск, ни наших, ни нильфгаардских... Потому что это-то как раз и был бы такой повод.

— Ага. Слушай, Ярре, а скажи-ка мне... — Она осеклась. Подняла голову, быстро тронула пальцами висок, поморщилась. — Мне надо идти. Госпожа Йеннифэр вызывает.

— Ты можешь ее слышать? — заинтересовался мальчик. — На расстоянии? Каким образом...

— Мне надо идти, — повторила она, вставая и отряхивая с коленей пыль. — Послушай, Ярре. Мы с госпожой Йеннифэр выезжаем по очень важным делам. Не знаю, когда вернемся. Предупреждаю, речь идет о секретах, касающихся исключительно чародеек, поэтому не задавай вопросов.

Ярре тоже встал. Поправил одежду, но, как и раньше, не знал, куда девать руки. Глаза у него стали безобразно масляными.

— Цири...

— Что?

— Я... я...

— Не знаю, о чем ты, — нетерпеливо сказала она, тараща на него свои огромные изумрудные глаза. — Ты тоже явно не знаешь. Я пошла. Бывай,

Ярре.

— До свидания, Цири. Счастливого пути. Я буду... Я буду о тебе думать...

Цири вздохнула.

— Я здесь, госпожа Йеннифэр.

Цири влетела в комнату словно снаряд, пущенный из катапульты. Дверь, отворившаяся от удара, стукнулась о стену. О стоявший на пути табурет вполне можно было поломать ноги, но девочка ловко перепрыгнула через него, завертелась в грациозном пируэте и, рубанув воздух несуществующим мечом, радостно рассмеялась удачному выпад.

Несмотря на то что бежала она очень быстро, дыхание было в полной норме.

— Я здесь!

— Наконец-то! Раздевайся — и в бадью! Живо!

Чародейка не оглянулась, не отрываясь от стола, следя за отражением девочки в зеркале. Медленными движениями она расчесывала свои влажные черные локоны, распрямляющиеся под нажимом гребня, но тут же снова свертывающиеся в блестящие кольца.

Девочка мгновенно расстегнула застёжки ботинок, скинула обувь, сбросила одежду и с плеском прыгнула в бадью. Схватив мыло, принялась энергично намыливать предплечья.

Йеннифэр сидела неподвижно, глядя в окно и поигрывая гребнем. Цири фыркала, отдувалась, булькала и плевалась всякий раз, когда мыльная пена попадала ей в рот. Тряхнула головой, размышляя, существует ли такое заклинание, которое позволяло бы мыться, не используя воды, мыла и не теряя напрасно времени.

Чародейка отложила гребень, но по-прежнему задумчиво глядела в окно на тучи ворон, с непрекращающимся карканьем летевших на восток. На столе рядом с зеркалом и солидной батареей флаконов с притираниями и косметикой лежало несколько писем. Цири знала, что Йеннифэр ожидала их давно и от них зависело, когда они покинут храм. Вопреки тому, что девочка сказала Ярре, она понятия не имела, куда и зачем они едут. А в этих письмах...

Для отвода глаз шлепая по воде левой рукой, она сложила пальцы правой в Знак, сконцентрировалась на формуле, устоялась на письма и

выслала импульс.

— И не думай, не мечтай, — сказала Йеннифэр, не поворачиваясь.

— Я думала... — кашлянула девочка. — Я думала, одно из них от Геральта...

— Было б от Геральта, дала бы почитать. — Чародейка развернулась на стуле к ней лицом. — Долго ты еще намерена мылиться?

— Уже кончила.

— Пожалуйста, встань.

Цири встала. Йеннифэр слабо улыбнулась.

— Да. Детство кончилось. Ты округлилась где следует. Опустите руки. Твои локти меня не интересуют. Ну, ну, без фокусов, без ложного стыда. Это твое тело, самая естественная вещь под солнцем. То, что ты созреваешь, тоже вполне естественно. Если б твоя судьба сложилась иначе... Если б не война, ты уже давно была бы женой какого-нибудь князя или принца. Ты это понимаешь, верно? О проблемах, касающихся пола, мы беседовали достаточно часто и довольно подробно, чтоб ты поняла, что ты уже женщина. Физиологически, разумеется. Надеюсь, ты не забыла, о чем мы беседовали?

— Нет. Не забыла.

— Надеюсь также, что при посещениях Ярре тебя память тоже не подводит?

Цири опустила глаза, но только на мгновение. Йеннифэр не улыбалась.

— Оботрись и иди сюда, ко мне, — сказала она холодно. — Пожалуйста, не хлюпай.

Обернувшись полотенцем, Цири присела на табурет у коленей чародейки. Йеннифэр расчесывала ей волосы, время от времени срезая ножницами какую-нибудь непослушную прядку.

— Ты на меня сердишься? — неуверенно спросила девочка. — За то, что... я была в башне?

— Нет. Но Нэннеке этого не любит. Ты же знаешь.

— Но ведь я ничего... Этот Ярре меня вообще не интересуется. — Цири слегка зарумянилась. — Я только...

— Именно, — проворчала чародейка. — Ты только. Не строй из себя дитяtko, ты уже не ребенок, напоминаю. Мальчик, видя тебя, распускает слюни и начинает заикаться. Разве не видишь?

— Я не виновата. Что же мне делать?

Йеннифэр перестала ее расчесывать, взглянула на девочку глубоким фиалковым взглядом.

— Не играй им. Это нехорошо.

— Я вовсе и не играю! Просто разговариваю!

— Хотелось бы верить, — чародейка щелкнула ножничками, подрезая очередную прядку, которая никак не желала лечь как надо, — что во время ваших бесед ты помнишь о моей просьбе!

— Помню, помню!

— Ярре — умный и толковый паренек. Одно-два неосторожных слова могут навести его на верный путь, на проблемы, о которых ему знать не положено. О которых вообще никто знать не должен. Никто, абсолютно никто не должен догадаться, кто ты.

— Я помню, — повторила Цири. — Никому ни словечка не сказала, успокойся. Скажи, поэтому мы так спешим уехать? Ты боишься, что кто-то мог узнать, что я здесь? Поэтому?

— Нет. По другим причинам.

— Потому... что может быть война? Все говорят о новой войне! Все об этом говорят, госпожа Йеннифэр.

— Верно, — холодно подтвердила чародейка, щелкая ножницами над ухом Цири. — Это тема из числа так называемых вечных. О войнах говорили, говорят и будут говорить. И не без причин — войны были и будут. Наклони голову.

— Ярре сказал, что войны с Нильфгаардом не будет. Рассказывал о каких-то аналогиях... Показывал карту. Я уже и сама не знаю, что об этом думать. Не знаю, что такое эти аналогии, наверно, что-то ужасненько мудреное... Ярре читает разные ученые книги и умничает, но я думаю...

— Интересно было бы узнать, что ты думаешь.

— В Цинтре... Тогда... Госпожа Йеннифэр, моя бабушка была гораздо умнее Ярре. Король Эйст тоже был умный, плавал по морям, видел все, даже нарвала и морского змея, поспорю, что и аналогию видел не раз. Ну и что? Неожиданно пришли они, нильфгаардцы...

Цири подняла голову, голос у нее сорвался. Йеннифэр обняла ее, крепко прижала к себе.

— Увы, — сказала она. — Увы, ты права, утенок. Если б умение пользоваться опытом и делать выводы помогало, все давно бы забыли, что такое война. Но тех, кто жаждет войны, никогда не сдерживали и не сдержат ни опыт, ни аналогии.

— Значит, все-таки... Значит, правда. Война будет. Поэтому нам надо уезжать?

— Не будем об этом. Не нервничай раньше времени.

Цири потянула носом.

— Я уже видела войну, — шепнула она. — И не хочу ее больше

видеть. Никогда. Не хочу опять оставаться одна. Не хочу бояться. Не хочу снова потерять все, как тогда. Не хочу потерять Геральта... и тебя, госпожа Йеннифэр. Не хочу тебя потерять. Хочу быть с тобой. И с ним. Всегда.

— Будешь. — Голос чародейки слегка дрогнул. — И я буду с тобой, Цири. Всегда. Обещаю.

Цири снова засопела. Йеннифэр тихо кашлянула, отложила ножницы и гребень, встала, подошла к окну. Воронье продолжало каркать, направляясь к горам.

— Когда я сюда приехала, — заговорила вдруг чародейка своим обычным звучным, слегка насмешливым голосом, — когда мы встретились впервые... ты не любила меня.

Цири молчала.

«Наша первая встреча, — подумала она. — Помню. Я была с другими девочками в Гроте. Зарычка показывала нам растения и травы. Тут вошла Иоля Первая, что-то шепнула Зарычке на ухо. Монахиня поморщилась. А Иоля Первая подошла ко мне со странным выражением на лице. Собирайся, Цири, сказала, иди быстро в трапезную. Мать Нэннеке вызывает. Кто-то приехал.

Странные, многозначительные взгляды, волнение в глазах. И шепот. Йеннифэр. Чародейка Йеннифэр. Скорее, Цири, поторопись. Мать Нэннеке ждет. И она ждет тоже, чародейка.

Я тогда с первого мгновения знала, — подумала Цири, — что это она. Потому что я видела ее. Видела предыдущей ночью. В моем сне.

Она.

Тогда я не знала, как ее зовут. В моем сне она молчала. Только глядела на меня, а за ней во тьме я видела закрытые двери...»

Цири вздохнула. Йеннифэр повернулась, обсидиановая звезда на ее шее заискрилась тысячами бликов.

— Ты права, — серьезно согласилась девочка, глядя прямо в фиалковые глаза чародейки. — Я тебя не любила.

— Цири, — сказала Нэннеке, — подойди к нам. Это госпожа Йеннифэр из Венгерберга, магистр магии. Не бойся. Госпожа Йеннифэр знает, кто ты. Ей можно доверять.

Девочка поклонилась, сложив руки полным уважения жестом. Чародейка, шурша черным платьем, подошла, взяла ее за подбородок,

достаточно бесцеремонно подняла голову, повернула влево, вправо. Цири почувствовала злость и нарастающий бунт — она не привыкла, чтобы с ней так обращались. И в то же время ощутила укол обжигающей зависти. Йеннифэр была очень красива. По сравнению с нежной, бледной и вообще-то распространенной внешностью монахинь и послушниц, которых Цири видела ежедневно, чародейка блистала светской, прямо-таки вызывающей красотой, подчеркнутой каждой деталью. Ее локоны цвета воронова крыла, каскадом ниспадающие на плечи, блестели, отражая свет, почти как павлиньи перья, извивались и волновались при каждом движении. Цири вдруг устыдилась своих исцарапанных локтей, шершавых рук, поломанных ногтей, волос, сбившихся в серые сосульки. Неожиданно ей невероятно захотелось, чтобы у нее было все то, что было у Йеннифэр, — прекрасная длинная шея, а на ней прелестная черная бархотка и изумительно искрящаяся звезда. Ровные, подчеркнутые угольком брови и длинные ресницы. Гордые губы. И две округлости под черной тканью и белыми кружевами, вздымающиеся при каждом вздохе.

— Так вот она, знаменитая Неожданность. — Чародейка слегка скривила губы. — Посмотри-ка мне в глаза, девочка.

Цири вздрогнула и втянула голову в плечи. Нет, в одном она не завидовала Йеннифэр, одного предпочитала бы не иметь и даже не видеть. Этих глаз, фиолетовых, глубоких как бездонные озера, странно блестящих, бесстрастных и злых. Страшных.

Чародейка повернулась к первосвященнице. Звезда на ее шее загорелась отражениями солнца, проникающего в окна трапезной.

— Да, Нэннеке, — сказала она. — Несомненно. Достаточно взглянуть в эти зеленые глаза, чтобы понять, что в ней что-то есть. Высокий лоб, правильные дуги бровей, красиво расставленные глаза. Тонкие крылья носа. Длинные пальцы. Редкий цвет волос. Определенно кровь эльфов, хотя этой крови в ней немного. Прадед или прабабка — эльфы. Я угадала?

— Я не знаю ее родословной, — спокойно ответила первосвященница. — Меня это не интересовало.

— Высокая для своих лет, — продолжала чародейка, по-прежнему оценивая Цири взглядом. Девочка закипала от злости и возбуждения, боролась с непреодолимым желанием вызывающе крикнуть, взорваться сколько есть силы в легких, затопать ногами и убежать в парк, свалив по дороге вазу со стола и хлопнув дверью так, чтобы известка посыпалась с потолка.

— Неплохо развита. — Йеннифэр не спускала с нее глаз. — Она перенесла в детстве какие-нибудь заразные болезни? Вероятно, ты ее об

этом тоже не спрашивала. У тебя — не болела?

— Нет.

— Мигрени? Обмороки? Склонность к простуде? Менструальные боли?

— Нет. Только сны.

— Знаю. — Йеннифэр откинула волосы со щеки. — Он писал. Из его письма следует, что в Каэр Морхене с ней не проводили никаких... экспериментов. Хотелось бы верить, что это так.

— Это правда. Ей давали только натуральные стимуляторы.

— Стимуляторы никогда не бывают натуральными! — повысила голос чародейка. — Никогда! Именно стимуляторы и могли усилить у нее проявления... Холера, не думала, что он мог быть настолько безответственным!

— Успокойся. — Нэннеке взглянула на Йеннифэр холодно и как-то на удивление неуважительно. — Я сказала, это были натуральные, совершенно безвредные снадобья. Прости, дорогая, но в этом я разбираюсь лучше тебя. Конечно, для тебя существует только один-единственный авторитет — ты сама, но в данном случае я вынуждена тебя разочаровать. И давай больше к этому не возвращаться.

— Как хочешь. — Йеннифэр поджала губы. — Ну пошли, девочка. Времени у нас немного, грешно растрачивать его впустую.

Цири с трудом сдержала дрожь в руках, сглотнула, вопросительно взглянула на Нэннеке. У первосвященницы было серьезное и вроде бы опечаленное лицо, а улыбка, которой она ответила на немой вопрос, была очень искусственной.

— Сейчас ты пойдешь с госпожой Йеннифэр, — сказала она. — Некоторое время госпожа Йеннифэр будет тобой руководить.

Цири, стиснув зубы, опустила голову.

— Ты наверняка удивлена, — продолжала Нэннеке, — что тебя вдруг берет под свою опеку магистр магии. Но ты умная девочка, Цири. Догадываешься, в чем причина. Ты унаследовала от предков некоторые... свойства. Знаешь, о чем я. Ты приходила ко мне после тех снов, после ночных тревог в опочивальне. Я не могла тебе помочь. Но госпожа Йеннифэр...

— Госпожа Йеннифэр, — прервала чародейка, — сделает все, что надо. Пошли, девочка.

— Иди! — кивнула Нэннеке, тщетно пытаясь придать улыбке хотя бы видимость натуральности. — Иди, дитя мое. Помни, такой опекун, как госпожа Йеннифэр, — огромная честь. Не опозорь храм и нас, твоих

учителей. И будь послушна.

«Сбегу сегодня же ночью, — решила Цири. — Обратно, в Каэр Морхен. Уведу коня из конюшни, и только меня и видели. Сбегу!»

— Размечталась, — вполголоса сказала чародейка.

— Что? — подняла голову жрица. — Что ты сказала?

— Ничего, ничего, — улыбнулась Йеннифэр. — Тебе показалось. А может, показалось мне? Глянь-ка на свою подопечную, Нэннеке. Злая как кошка. Искры из глаз, того и гляди зашипит, а если б умела, наверняка и уши прижала. Ведьмачка! Придется как следует взять ее за шиворот, подпилить коготки!

— Будь снисходительной. — Черты лица первосвященницы ожесточились. — Пожалуйста, прояви к ней снисходительность и сердечность. Она действительно вовсе не та, за кого ты ее принимаешь.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Она тебе не соперница, Йеннифэр.

Несколько секунд они мерили друг друга взглядами, чародейка и жрица, а Цири почувствовала, как дрожит воздух и какая-то удивительная, страшная Сила застывает между ними. Так продолжалось долю секунды, потом Сила исчезла, а Йеннифэр рассмеялась, свободно и звонко.

— Я забыла, — сказала она, — ты всегда принимаешь его сторону, а Нэннеке? Всегда полна забот о нем. Как мать, которой у него никогда не было.

— А ты всегда против него, — зло усмехнулась жрица. — Как всегда, одаряешь его сильным чувством. И изо всех сил стараешься не называть этих чувств. Не называть их настоящим именем.

Цири снова почувствовала нарастающую где-то внизу живота ярость, пульсирующее в висках упрямство и бунт. Вспомнила, сколько раз и при каких обстоятельствах она слышала это имя — Йеннифэр. Имя, которое пробуждало беспокойство, имя, которое было символом какой-то грозной тайны. Она догадывалась, что это за тайна.

«Разговаривают при мне открыто, не смущаясь, — подумала она, чувствуя, как руки снова начинают дрожать от злости. — Совершенно со мной не считаются. Вообще не обращают на меня внимания. Словно я ребенок. Разговаривают о Геральте при мне, в моем присутствии, а ведь этого делать нельзя, потому что я... Я...

Кто я?»

— А ты, Нэннеке, — возразила чародейка, — как всегда, любишь анализировать чужие чувства и, словно этого мало, еще и интерпретировать по собственному усмотрению!

— И сую нос в чужие дела?

— Я не хотела этого сказать. — Йеннифэр трянула черными локонами, а локоны сверкнули и свернулись змеями. — Благодарю, что ты сделала это за меня. А теперь давай сменим тему. Потому что глупее этой не сыскать. Даже стыдно перед нашей юной послушницей. Что же касается снисходительности, о которой ты меня просишь... Я буду снисходительной. Вот с сердечностью могут возникнуть сложности, ведь все полагают, что у меня такого органа нет. Ну да ладно, как-нибудь управимся. Верно, Неожданность?

Она улыбнулась Цири, а Цири, наперекор себе, наперекор злости и раздражению, вынуждена была ответить улыбкой. Потому что улыбка чародейки оказалась неожиданно милой, доброжелательной и... сердечной. И очень красивой.

Цири выслушала речь Йеннифэр, демонстративно отвернувшись спиной и прикидываясь, будто все ее внимание поглощает шмель, гудящий в цветке одной из растущих у стены храма мальв.

— Никто меня об этом не спрашивал, — буркнула она.

— О чем не спрашивал?

Цири развернулась в полупируэте, зло ударила кулаком по мальве. Шмель улетел с раздраженным гудением.

— Никто меня не спрашивал, хочу ли я, чтобы ты меня учила!

Йеннифэр подбоченилась, сверкнула глазами и прошипела:

— Какое совпадение. Представь себе, меня тоже никто не спрашивал, хочу ли я тебя учить. Впрочем, желание тут ни при чем. Я не беру в ученики кого попало, а ты, вопреки всему, еще можешь оказаться именно «кем попало». Меня попросили проверить, что ты такое. Посмотреть, что в тебе сидит и как с тобой обстоят дела. А я, хоть и без особого желания, согласилась.

— Но я-то еще не согласилась!

Чародейка подняла руку, шевельнула пальцами. Цири почувствовала, как заколотилось в висках, а в ушах зашумело, как бывает, когда заглатываешь слюну, но гораздо сильнее. Почувствовала сонливость и обессиливающую слабость, утомление, из-за которого немеет шея, становятся ватными ноги.

Йеннифэр опустила руку, и все эти странности мгновенно

прекратились.

— Послушай меня внимательно, Неожданность, — сказала она. — Я запросто могу тебя заморозить, загипнотизировать или погрузить в транс. Могу парализовать, силой напоить эликсиром, раздеть донага, положить на стол и изучать несколько часов, с перерывами на обед, а ты будешь лежать и пялиться в потолок, не в состоянии пошевелить даже глазными яблоками. Я поступила бы так с любой соплячкой. С тобой не хочу, так как за версту видно, что ты девочка разумная и гордая, с характером. Я не хочу ни тебя, ни себя ставить в неловкое положение перед Геральтом. Потому что это он просил меня изучить твои способности. Помочь разобраться в них.

— Он просил тебя? Зачем? Он мне не говорил! Даже и не спрашивал...

— Ты упрямо твердишь одно по одному, — прервала чародейка. — Никто у тебя твоего мнения не спрашивал, никто не потрудился узнать, чего ты хочешь, чего не хочешь. Неужели тебе надо, чтобы тебя считали строптивой, упрямой малявкой, которой не стоит задавать таких вопросов? Но я все же рискну, задам вопрос, которого никто не задавал. Ты согласна на испытания?

— А что это будет? Что за испытания? И зачем...

— Я тебе уже объясняла. Если ты не поняла... Я не намерена отшлифовывать твои способности к восприятию или работать над повышением интеллекта. Мне одинаково легко испытывать и умную, и глупую.

— Я не глупая! Я все поняла!

— Тем лучше.

— Но я не гожусь в волшебницы! У меня нет никаких способностей. Я никогда не стану и не хочу быть чародейкой! Я предназначена Ге... Я предназначена быть ведьмачкой! Я приехала сюда ненадолго. Скоро вернусь в Каэр Морхен...

— Ты упорно таращишься на мое декольте, — холодно сказала Йеннифэр, щуря фиалковые глаза. — Видишь там что-то необычное, особенное, или в тебе говорит простая зависть?

— Звезда... — буркнула Цири. — Из чего она? Эти камушки шевелятся и так странно светятся...

— Пульсируют, — усмехнулась чародейка. — Это активные бриллианты, вплавленные в обсидиан. Хочешь взглянуть поближе? Прикоснуться?

— Да... Нет! — Цири попятилась, зло потрянула головой, стараясь отогнать легкий аромат сирени и крыжовника, идущий от Йеннифэр. — Не хочу! Зачем мне? Это меня не интересует! Ни чуточки! Я — ведьмачка! У

меня нет никаких способностей к магии! Я не гожусь в чародейки, это, кажется, ясно, потому что я... А вообще...

Чародейка присела на стоявшую у стены каменную скамейку и принялась сосредоточенно обстригать ногти.

— ...а вообще, — dokonчила Цири, — мне надо подумать.

— Иди сюда. Сядь.

— Мне нужно время, чтобы подумать, — неуверенно повторила Цири, присаживаясь рядом.

— Правильно. — Йеннифэр кивнула, продолжая заниматься ногтями. — Дело серьезное. Требует раздумий.

Некоторое время обе молчали. Прогуливающиеся по парку послушницы с любопытством посматривали на них, перешептывались, хихикали.

— Ну?

— Что... ну?

— Надумала?

Цири вскочила, фыркнула, топнула ножкой.

— Я... я... — засопела она, не в состоянии дыхнуть от ярости. — Насмехаешься? Мне нужно время! Я должна подумать! Дольше! Весь день... И ночь!

Йеннифэр посмотрела ей в глаза, и Цири суксилась под ее взглядом.

— Мудрость гласит, — медленно проговорила чародейка, — что утро вечера мудренее. Но в твоём случае, Неожданность, ночь может принести лишь очередной кошмар. Ты снова проснешься от крика и боли, вся в поту, снова будешь бояться, бояться того, что видела, бояться того, чего не сумеешь припомнить. И в эту ночь сон уже не вернется. Будет ужас. До самого рассвета. До утра.

Девочка задрожала, опустила голову.

— Поверь мне, Неожданность. — Голос Йеннифэр чуточку изменился.

Рука чародейки была теплой. Черный бархат так и манил прикоснуться к нему. Аромат сирени и крыжовника приятно щекотал ноздри. Объятие успокаивало и заставляло расслабиться, смягчало возбуждение, приглушало злобу и бунт.

— Ты поддашься испытаниям, Неожданность.

— Поддамся, — ответила Цири, понимая, что отвечать не было нужды. Потому что это вовсе не было вопросом.

— Я уже ничегошеньки не понимаю, — сказала Цири. — То ты говоришь, что у меня есть способности, потому что я вижу эти сны. То собираешься устраивать опыты и проверки... Так как же? Есть у меня способности или нет?

— На этот вопрос ответят испытания.

— Испытания, испытания, — скривилась Цири. — Нет у меня никаких способностей, говорю тебе. Если б были, я, надо думать, знала бы? Разве не так? Но... А если, ну совсем случайно, такие способности есть, то что?

— Существует две возможности, — равнодушно проговорила чародейка, раскрывая окно. — Их потребуется либо погасить, либо научить тебя управлять ими. Если ты обладаешь способностями и захочешь научиться, я попробую дать тебе немного элементарных знаний о магии.

— Что значит «элементарных»?

— Основных.

Они были одни в большой, расположенной рядом с библиотекой комнате, которую Нэннеке выделила чародейке в боковом нежилом крыле здания. Цири знала, что эту комнату обычно занимают гости. Знала, что Геральт, навещая храм, всякий раз жил именно здесь.

— Ты захочешь меня учить? — Цири присела на кровати, провела рукой по бархатному покрывалу. — Забрать отсюда, да? Никуда я с тобой не поеду!

— Значит, уеду одна, — холодно сказала Йеннифэр, развязывая ремни вьюков. — И ручаюсь, скучать не буду. Я ведь говорила, учить тебя стану только в том случае, если ты сама того захочешь. И могу делать это здесь, на месте.

— И долго ты собираешься меня... учить?

— Покуда будешь хотеть. — Чародейка наклонилась, раскрыла шкафчик, вытащила оттуда старую кожаную сумку, ремень, два отороченных мехом ботинка и глиняную, в ивовой оплетке, бутылку. Цири услышала, как она чертыхается под нос, одновременно усмехаясь, увидела, как снова убирает находки в шкафчик, и догадалась, кому они принадлежали. Кто их там оставил.

— Что значит — покуда буду хотеть? — спросила Цири. — Если мне наскучит или не понравится твоя наука...

— Тогда покончим с учебой. Достаточно, чтобы ты сказала. Или показала.

— Показала? Как?

— Если мы решимся на обучение, я потребую от тебя абсолютного послушания. Повторяю: абсолютного. Поэтому, если тебе учеба опостылеет, достаточно будет проявить непослушание. Тогда обучение незамедлительно прекратится. Ясно?

Цири кивнула, глянула на чародейку зеленым глазом.

— Во-вторых, — продолжала Йеннифэр, распаковывая баулы, — я потребую абсолютной искренности. Ты не должна от меня ничего скрывать. Ничего. Если же почувствуешь, что с тебя довольно, достаточно солгать, притвориться или замкнуться в себе. Если я о чем-то спрошу, а ты не ответишь искренне, это также будет означать немедленное окончание учебы. Ты меня поняла?

— Да, — проворчала Цири. — Но эта... искренность... Она... обязательна для обеих? Я смогу... задавать вопросы тебе?

Йеннифэр глянула на нее, и ее губы сложились в странную гримасу.

— Конечно, — немного помолчав, ответила она. — Само собой разумеется. На этом будет основываться учеба и опека. Искренность обязательна для обеих. Можешь спрашивать в любой момент. Я отвечу. Честно.

— На любой вопрос?

— На любой.

— С этой минуты?

— С этой минуты.

— Что... между тобой и Геральтом, госпожа Йеннифэр?

Цири чуть не потеряла сознание от собственной наглости, похолодела от тишины, наступившей после ее вопроса.

— Грусть, — ответила чародейка серьезно. — Тоска. Обида. Сожаление. Надежда. И страх. Да, похоже, я ничего не упустила. Ну теперь уж можно приступить к испытаниям, маленькая зеленоглазая змейка. Проверим, годишься ли ты. Хотя после твоего вопроса я очень бы удивилась, если б оказалось, что нет. Пошли, утенок.

— Почему ты меня так называешь? — нахохлилась Цири.

Йеннифэр усмехнулась уголками губ.

— Есть такая сказочка. О гадком утенке. Я обещала тебе быть откровенной.

Цири выпрямилась, возбужденная, нетерпеливо завертелась на стуле, жестком и натирающем попку после многих часов сидения.

— Ничего из этого не получится! — проворчала она, вытирая о стол испачканные угольком пальцы. — Ну ничего же... ничего у меня не выходит! Не гожусь я в волшебницы! Я знала с самого начала, но ты не хотела меня слушать. Вообще не обращала внимания!

Йеннифэр подняла брови.

— Не хотела слушать, говоришь? Интересно. Обычно я обращаю внимание на каждое произнесенное в моем присутствии слово и запоминаю его. Условие одно — в этом слове должна быть хоть крупца смысла.

— Все ехидничаешь. — Цири скрипнула зубами. — А я просто хотела сказать... Ну, об этих способностях. Понимаешь, там, в Каэр Морхене, в горах... Я не умела делать ни одного ведьмачьего Знака. Ни единого!

— Знаю.

— Знаешь?

— Знаю. Но это ни о чем не говорит.

— То есть? Но... Но это еще не все!

— Ну, ну...

— Я не гожусь. Ты что, не понимаешь? Я... слишком молодая.

— Я была моложе, когда начинала.

— Но, наверно, не была...

— О чем это ты, девочка? Перестань заикаться! Хотя бы одну полную фразу сказать можешь? Прошу тебя. Очень.

— Потому что... — Цири опустила голову, покраснела. — Потому что Иоля, Мирра, Эурнэйд и Катъе, когда мы обедали, смеялись надо мной и сказали, что чары ко мне не пристают и я не научусь никакой магии, потому что... потому что... я девица, то есть... это значит...

— Представь себе, я знаю, что это значит... — прервала ее чародейка. — Возможно, ты снова подумаешь, что я, как ты выразилась, ехидничаю, но я с сожалением отмечаю: ты плетешь чепуху. Продолжим испытания.

— Я — девица! — задиристо повторила Цири. — Зачем мне твои испытания? Девицы не могут... ну... волшебничать... волшебствовать...

— Да! Положение безвыходное. — Йеннифэр откинулась на спинку стула. — Иди и потеряй девичество, если оно тебе так мешает. Я подожду. Но поспеши, если можешь.

— Смеешься?

— Ты заметила? — Чародейка сладко улыбнулась. — Поздравляю.

Предварительное испытание на сообразительность ты выдержала. А теперь — испытание настоящее. Сосредоточься. Взгляни: на этой картинке нарисованы четыре сосенки с разным количеством веток. Нарисуй пятую, такую, которая соответствует этим четырем и стоит на этом пустом месте.

— Сосенки глупые, — вынесла свой приговор Цири, высовывая язык и рисуя угольком довольно худосочное деревце. — И скучные! Не понимаю, что общего у сосенок с магией? А? Госпожа Йеннифэр? Ты обещала отвечать на мои вопросы.

— Увы, — вздохнула чародейка, поднимая листок и критически рассматривая рисунок. — Похоже, придется пожалеть о своем обещании. Что общего у сосенок с магией? Ничего. Но нарисовала ты правильно и в срок. Нет, серьезно, для девицы очень даже хорошо.

— Опять смеешься?

— Нет. Я редко смеюсь. Нужен по-настоящему существенный повод, чтобы заставить меня смеяться. Сосредоточься на новом листке, Неожиданность. На нем нарисованы ряды из звездочек, колечек, крестиков и треугольников, в каждом ряду другое количество каждого из элементов. Подумай и ответь: сколько звездочек должно быть в последнем ряду?

— Звездочки глупые!

— Девочка! Сколько?

— Три!

Йеннифэр долго молчала, уставившись в только ей известную деталь на резных дверцах шкафчика. Зловредная ухмылочка начала понемногу сползать с губ Цири и наконец исчезла совершенно. Без следа.

— Тебя, наверно, интересовало, — очень медленно проговорила чародейка, не переставая любоваться шкафом, — что произойдет, если ты дашь бессмысленный и глупый ответ. Вероятно, решила, что я этого не замечу, так как твои ответы, дескать, меня вовсе и не интересуют? Напрасно! Или ты думала, что я молча соглашусь с тем, что ты неумная? Тоже напрасно! А может, тебе надоели испытания и ты для интереса решила испытать меня... Считаешь, удалось? Как бы там ни было, это испытание окончено. Отдай листок.

— Прости, госпожа Йеннифэр. — Девочка опустила голову. — Там, конечно, должна быть... одна звездочка. Прости, пожалуйста. Пожалуйста, не злись.

— Посмотри на меня, Цири.

Цири удивленно подняла глаза. Чародейка впервые назвала ее по имени.

— Цири, — сказала Йеннифэр. — Запомни, я, вопреки всему, злюсь

так же редко, как и смеюсь. Ты меня не разозлила. Но, извинившись, доказала, что я в тебе не ошиблась. А теперь возьми следующий листок. Видишь, на нем пять домиков? Нарисуй шестой...

— Опять? Но я действительно не понимаю, зачем...

— ...шестой домик. — Голос чародейки опасно изменился, а глаза полыхнули фиолетовым огнем. — Здесь, на пустом месте. Не заставляй меня повторять, прошу тебя.

После яблочек, сосенок, звездочек, рыбок и домиков пришла очередь лабиринтов, из которых следовало как можно скорее выбраться, волнообразных линий, клякс, напоминающих раздавленных тараканов, других странных изображений и мозаик, от которых глаза начинали косить, а голова кружиться. Потом был блестящий шарик на шнурке, в который надлежало долго всматриваться. Всматриваться было нудно до тошноты, при этом Цири постоянно засыпала. Йеннифэр, на удивление, это вовсе не расстраивало, хоть несколькими днями раньше она громко накричала на девочку за попытку подремать над одной из таракановых клякс.

От сидения над тестами у Цири разболелись шея и спина, и болели они с каждым днем все сильнее. Она затосковала по движению и свежему воздуху и, выполняя «договор об обязательной искренности», сразу же сказала об этом Йеннифэр. Чародейка восприняла ее слова так, словно давно их ожидала.

Два следующих дня они бегали по парку, перепрыгивали через канавы и заборы, сопровождаемые веселыми либо сочувственными взглядами жриц, монахинь и послушниц. Занимались гимнастикой, учились сохранять равновесие, шагая по заборчику, огораживающему сад и хозяйственные постройки. В отличие от тренировок в Каэр Морхене занятия с Йеннифэр всегда сопровождались теорией. Чародейка учила Цири правильному дыханию, управляя движениями груди и диафрагмы сильными нажатиями руки. Объясняла принципы движения, действия мускулов и костей, показывала, как отдыхать, расслабляться и разряжать психическое напряжение.

Во время одной из таких разрядок, растянувшись на траве и уставившись в небо, Цири задала давно занимавший ее вопрос:

— Госпожа Йеннифэр? Когда мы наконец покончим с испытаниями?

— Они тебе так надоели?

— Нет... Но хотелось бы уже знать, гожусь ли я в чародейки.
— Годишься.
— Ты уже знаешь?
— Я знала это с первой минуты. Мало кто может заметить активность моей звезды. Очень мало кто. Ты заметила сразу.
— А испытания?
— Окончены. Я знаю о тебе все, что хотела.
— Но некоторые задания... Не очень получались. Ты сама говорила, что... Ты действительно уверена? Не ошибаешься? Уверена, что у меня есть способности?
— Убеждена.
— Но...
— Цири. — Чародейка, казалось, развеселилась и в то же время как бы обеспокоилась. — С того момента, как мы разлеглись на лужайке, я разговаривала с тобой, не используя голоса. Это называется телепатия, запомни. И ты, думаю, заметила, что это не мешало нам общаться.

— Магия, — Йеннифэр, глядя в небо над холмами, оперлась руками о луку седла, — по мнению некоторых, представляет собою овеществление Хаоса. Она — ключ, способный отворять запертые двери. Двери, за которыми таятся кошмар, опасность и невообразимый ужас, враждебные, деструктивные силы, силы чистого Зла, которые в состоянии уничтожить весь мир, а не только того, кто двери раскроет. А поскольку любителей манипулировать этими дверями хватает, постольку кто-нибудь когда-нибудь да совершит ошибку, и тогда гибель мира будет предreshена и неизбежна. Следовательно, магия — это месть и оружие Хаоса. То, что после Сопряжения Сфер люди научились пользоваться магией, стало проклятием и погибелью мира. Гибелью человечества. Так оно и есть, Цири. Те, кто считает магию Хаосом, не ошибаются.

Вороной жеребец чародейки, почувствовав удар пятками, протяжно заржал и медленно двинулся через вересковые заросли. Цири подогнала лошадь, поравнялась с чародейкой. Вереск доходил до стремян.

— Магия, — немного погодя снова заговорила Йеннифэр, — по мнению некоторых, есть Искусство. Искусство могущественное, элитарное, способное творить произведения прекрасные и необычные. Магия — это дар, данный немногим избранным. Те, кто лишен дара, могут

лишь с изумлением и завистью взирать на результаты работы творцов, восхищаться созданными произведениями, одновременно чувствуя, что без этих произведений и этого таланта мир был бы беднее. То, что после Сопряжения Сфер некоторые избранные открыли в себе дар и магию, обнаружили в себе Искусство, есть благословение красоты. Так оно и есть. Те, кто считает магию Искусством, тоже правы.

На куполообразном лысом холме, выглядывающем из вереска будто спина притаившегося хищника, лежал огромный валун, покоящийся на нескольких камнях размером поменьше. Чародейка направила коня к нему, не прерывая лекции.

— Есть также такие, по мнению которых магия — Наука. Чтобы овладеть ею, мало одного дара и врожденных способностей. Необходимы годы упорных занятий и напряженного труда, необходима выдержка и самодисциплина. Так обретенная магия — это знание, это познание, границы которого постоянно расширяют светлые и живые умы путем опыта, эксперимента, практики. Так обретенная магия — это прогресс. Это плуг, ткацкий станок, водяная мельница, железоплавильный горн, рычаг и многошківный блок. Это прогресс, развитие, это — изменение. Это — постоянное движение. Наверх. К лучшему. К звездам. То, что после Сопряжения Сфер мы открыли магию, когда-нибудь позволит нам достичь звезд. Слезь с лошади, Цири.

Йеннифэр подошла к монолиту, положила ладонь на шершавую поверхность камня, осторожно смахнула с него пыль и засохшие листья.

— Те, кто считает магию Наукой, — проговорила она, — тоже правы. Запомни это, Цири. А теперь подойди ко мне.

Девочка сглотнула, подошла. Чародейка обняла ее.

— Запомни, — повторила она. — Магия — это Хаос, Искусство и Наука. Она — проклятие, благословение и прогресс. Все зависит от того, кто, как и с какой целью пользуется магией. А магия — всюду. Всюду вокруг нас. Легкодоступная. Достаточно протянуть руку. Взгляни. Я протягиваю руку.

Кромлех ощутимо задрожал. Цири услышала глухой, далекий, идущий из-под земли гул. Вереск заволновался, полег от вихря, неожиданно обрушившегося на холм. Небо резко потемнело, затянулось тучами, мчащимися с невероятной скоростью. Девочка почувствовала на лице капли дождя. Прищурила глаза, спасаясь от блеска молний, которыми вдруг запылал горизонт. Инстинктивно прижалась к чародейке, к ее пахнущим сиренью и крыжовником волосам.

— Земля, по которой мы ступаем; огонь, который не угасает в ее

недрах; вода, из которой вышла жизнь и без которой она была бы невозможна; воздух, которым мы дышим, — достаточно протянуть руку, чтобы овладеть ими, заставить подчиниться себе. Магия всюду. Она в воздухе, в воде, в земле, в огне. И она за дверьми, которое заперло от нас Сопряжение Сфер. Оттуда, из-за запертых дверей, магия порой протягивает руку к нам. Ты об этом знаешь, правда? Ты уже почувствовала прикосновение магии, прикосновение руки из-за закрытых дверей. Это прикосновение наполняет тебя страхом. Такое прикосновение переполняет страхом любого. Ибо в каждом из нас есть Хаос и Порядок, Добро и Зло. Но всем этим можно овладеть. Надо только научиться. И ты научишься, Цири. Для того я и привела тебя сюда, к камню, с незапамятных времен стоящему на перекрестье пульсирующих Силою жил. Коснись его.

Валун дрожал, а вместе с ним дрожал и вибрировал весь холм.

— Магия протягивает к тебе руки, Цири. К тебе, странная девочка, Ребенок-Неожиданность, Дитя Старшей Крови, Крови Эльфов. Странная девочка, вплетенная в Движение и Перемену, в Гибель и Возрождение. Предназначенная и являющаяся Предназначением. Магия протягивает к тебе руки из-за запертых дверей, к тебе, маленькая песчинка в колесах Механизма Судьбы. Протягивает к тебе свои когти Хаос, который все еще не уверен, станешь ли ты его орудием или же помехой в его планах. То, что Хаос является тебе в снах, и есть проявление его неуверенности. Хаос боится тебя, Дитя Предназначения. А хочет сделать так, чтобы страх чувствовала ты.

Сверкнула молния, протяжно гроыхнул гром. Цири дрожала от холода и изумления.

— Хаос не может показать тебе, что он такое в действительности. Поэтому показывает будущее, показывает то, что случится. Он хочет сделать так, чтобы ты боялась приближающихся дней, чтобы страх перед тем, что ждет тебя и твоих близких, начал управлять тобою, овладел тобою полностью. Поэтому Хаос насылает сны. Сейчас ты покажешь мне, что видишь в снах. И страх овладеет тобой. А потом ты забудешь и возьмешь верх над страхом. Взгляни на мою звезду, Цири. Не отрывай от нее глаз.

Что-то блеснуло. Загрохотало.

Кровь. Губы Йеннифэр, размозженные и разбитые, шевелятся беззвучно, кровоточат. Белые скалы мелькают в скачке. Ржет конь. Прыжок.

Пропась, бездна. Крик. Полет, бесконечный полет. Бездна...

В глубине бездны дым. Ступени, ведущие вниз.

Va'esse deireadh aep eigan... Что-то кончается. Что?

Elaine blath, Feainnewedd... Дитя Старшей Крови? Голос Йеннифэр долетает как будто издалека, глухо, он пробуждает эхо среди истекающих водой каменных стен...

— Говори!

Фиалковые глаза блестят, горят на исхудавшем, стянутом спазмой, почерневшем от мук лице, закрытом вихрем взлохмаченных, грязных черных волос. Темнота. Влага. Страх. Ужасающий холод каменных стен. Холод металла на запястьях рук, на щиколотках ног...

Бездна. Дым. Ступени, ведущие вниз... Ступени, по которым надо спуститься. Необходимо, ибо... ибо что-то кончается. Ибо наступает *Tedd Deireadh*, Час Конца, Час Волчьей Пурги, Час Белого Хлада и Белого Света...

Львенок должен умереть! Высшие государственные интересы!

Идем, — говорит Геральт. — *По ступеням вниз. Так надо. Мы должны. Другого пути нет. Только ступени. Вниз!*

Его губы не шевелятся. Они синие. Кровь, всюду кровь... Все ступени в крови... Только б не поскользнуться... Ведьмак спотыкается только один раз... Блеск клинка. Крик. Смерть. Вниз. По ступеням вниз.

Дым. Огонь. Ужасающая скачка, цокот копыт. Вокруг — пожар. *Держись, Львенок из Цинтры!*

Черный конь ржет. Встает на дыбы. *Держись!*

Черный конь пляшет. В прорези шлема, украшенного крыльями хищной птицы, блестят и горят безжалостные глаза.

Широкий меч, отражая блеск пожара, падает со свистом. *Вольт, Цири! Финт! Пируэт, выпад! Вольт! Вольт! Слишком медленно! Медленноооо!*

Удар вспышкой ослепляет глаза, сотрясает все тело, боль на мгновение парализует, отупляет, лишает чувствительности, потом вдруг вспыхивает с новой ужасающей силой, впивается в щеку чудовищными острыми клыками, рвет, пронизывает насквозь, отдается в шее, в затылке, в груди, в легких...

— Цири!

Она чувствовала спиной и затылком шероховатый, неприятно

неподвижный холод камня. Она не помнила, когда села. Йеннифэр на коленях стояла рядом. Нежно, но решительно распрямляла ей пальцы, оторвала руку от щеки. Щека пульсировала, пульсировала болью.

— Мама... — простонала Цири. — Мама... Как больно... Мамочка...

Чародейка коснулась ее лица. Рука была холодной как лед. Боль мгновенно прекратилась.

— Я видела... — шепнула девочка, прикрывая глаза. — То, что во сне... Черного рыцаря... Геральта... И еще... Тебя. Я видела тебя, госпожа Йеннифэр.

— Знаю.

— Я видела тебя... Видела, как...

— Никогда больше. Никогда больше ты этого не увидишь. Это тебе никогда больше не приснится. Я дам тебе Силу, которая отгонит от тебя эти кошмары. Для того я тебя сюда привела, Цири, чтобы эту Силу показать. Завтра я начну тебе ее давать.

Наступили тяжелые, заполненные трудами дни, дни напряженной учебы, изматывающей работы. Йеннифэр была решительной, требовательной, зачастую суровой, порой властно грозной. Но нудной — никогда. Если раньше Цири еле сдерживалась, чтобы не заснуть в храмовой школе, а случалось это иногда и во время урока под убаюкивающе монотонный голос Нэннеке, Иоли Первой, Зарычки или других учительниц-жриц, то с Йеннифэр это было невозможно. И не только из-за тембра голоса чародейки и не потому, что говорила она краткими, резко подчеркнутыми фразами. Гораздо важнее было содержание занятий. Учения о магии. Учения увлекающего, возбуждающего, поглощающего целиком.

Большую часть дня Цири проводила с Йеннифэр. В спальню возвращалась поздней ночью, колодой валилась на постель, засыпала мгновенно. Послушницы жаловались, что она страшно храпит, пытались ее будить. Впустую.

Цири спала крепко.

Без сновидений.

— О боги, — беспомощно вздохнула Йеннифэр, обеими руками растрепала черные локоны, опустила голову. — Это же так просто! Если ты не сумеешь овладеть этим движением, что же тогда делать с более сложными?

Цири отвернулась, проворчала что-то, фыркнула, растерла занемевшую руку. Чародейка снова вздохнула.

— Ну взгляни еще раз на гравюру, заметь, как должны быть расставлены пальцы. Обрати внимание на поясняющие стрелки и положение рук, определяющих жест, который следует выполнить.

— Я паялилась на нее уже тысячу раз! Руны я понимаю. Vort, caelme. Ys, veloe. От себя, медленно. Вниз быстро. Руку... О, так!

— А мизинец?

— Его невозможно так держать, если одновременно не согнуть безымянный палец.

— Дай сюда руку.

— О-о-ой!

— Тише. Нэннеке снова примчится, подумает, что я с тебя живьем кожу сдираю или варю в масле. Не меняй положения пальцев. А теперь сделай жест.оборот,оборот запястьем. Хорошо. Теперь тряхни ладонью, расслабь пальцы. И повтори. Ну нет! Знаешь, что ты сделала? Если б таким макаром бросила настоящее заклинание, то не меньше месяца нянчила бы руку в лубках! У тебя что, руки деревянные?

— Мои руки привыкли к мечу! В этом все дело!

— Глупости. Геральт всю жизнь размахивает мечом, а пальцы у него ловкие и... хм... очень нежные. Дальше, утенок, попробуй еще раз. Ну, видишь? Стоило захотеть. Постарайся. Еще раз. Хорошо. Тряхни кистью. И еще раз. Хорошо. Устала?

— Немножко...

— Дай-ка помассирую тебе руку и предплечье. Почему ты не пользуешься моей мазью? Лапки у тебя шершавые, как у баклана... А это что такое? След от колечка, да? Мне кажется, или я действительно запретила тебе носить украшения?

— Но я его выиграла у Мирры в волчок! И носила всего-то полдня...

— Ровно полдня лишних! Не носи больше, прошу.

— Не понимаю, почему мне нельзя...

— И не надо понимать, — отрезала чародейка, но в ее голосе не было зла. — Прошу, не носи никаких украшений такого типа. Хочешь, воткни цветок в волосы. Сплети венок. Но никакого металла, никаких кристаллов, никаких камушков. Это важно, Цири! В свое время я объясню почему. Пока

поверь на слово и выполни мою просьбу.

— Ты носишь звезду, серьги и перстни! А мне нельзя? Потому что я... девица?

— Утенок. — Йеннифэр улыбнулась, погладила ее по голове. — У тебя бзик на этом? Я тебе уже объясняла: не имеет никакого значения, девица ты или нет. Никакого. Завтра вымой волосы, пора, я вижу.

— Госпожа Йеннифэр?

— Слушаю.

— А можно... Мы ведь договорились об откровенности. Ты обещала... Можно тебя кое о чем спросить?

— Можно, только ради богов не о девственности.

Цири закусила губу и долго молчала.

— М-да... — вздохнула Йеннифэр. — Что делать. Спрашивай.

— Понимаешь... — Цири зарделась, облизнула губы. — Девочки в спальне постоянно сплетничают и рассказывают разные истории... О празднике Беллетэйн и тому подобное... А меня называют соплячкой, дитятком, потому что, мол, уже пора бы... Госпожа Йеннифэр, как же взаправду-то? Как узнать, что пришло время...

— Пойти с мужчиной в постель?

Цири стала пунцовой. Долго молчала, потом подняла глаза и кивнула.

— Очень просто, — легко сказала Йеннифэр. — Раз ты начала об этом думать, значит, время уже пришло.

— Но я вовсе не хочу!

— А совсем и не обязательно. Не хочешь — не идешь.

— Ага. — Цири снова прикусила губу. — А этот... Ну... Мужчина... Как узнать, что он и есть тот самый, с которым...

— ...можно пойти в постель?

— Угу.

— Если в принципе имеется выбор, — чародейка криво усмехнулась, — а опыта особого нет, то в первую очередь следует оценить не мужчину, а постель.

Изумрудные глаза Цири и формой, и размером превратились в плошки.

— То есть как... постель?

— А вот так. Тех, у которых постели вообще нет, следует исключить с ходу. Из оставшихся отбрасываешь владельцев грязных и неряшливых постелей. А когда останутся только те, у которых постели чистые и опрятные, выбираешь того, который тебе приглянулся больше других. К сожалению, способ этот не гарантирует стопроцентной уверенности. Можно чертовски ошибиться.

— Шутишь?

— Нет, не шучу. Цири, со следующей ночи будешь спать здесь, со мной. Перенесешь ко мне свои вещи. В опочивальне послушниц, похоже, на болтовню уходит слишком много времени, которое должно быть отдано отдыху и сну.

Освоив основные позиции рук, движения и жесты, Цири начала изучать заклинания и формулы. Формулы были легче. Записанные Старшей Речью, которой девочка пользовалась свободно, они легко запоминались. Применять иногда при их произношении достаточно сложную интонацию не составляло большого труда. Йеннифэр была явно довольна, со дня на день становилась все милее и симпатичнее. Все чаще делая перерывы в учебе, они болтали бог знает о чем, шутили, даже стали находить удовольствие в тонком подтрунивании над Нэннеке, которая частенько «забегала» на лекции и тренировки, колкая и распушившаяся как квочка, готовая в любой момент взять Цири под покровительственное крыло, защитить и спасти от ею же самую придуманной суровости чародейки и «нечеловеческих пыток» обучения.

Выполняя указания Йеннифэр, Цири перебралась в ее комнату. Теперь они были рядом не только днем, но и ночью. Иногда учеба проходила и по ночам: некоторые жесты, формулы и заклинания нельзя было применять при дневном свете.

Довольная успехами девочки, чародейка сбавила темпы обучения. У них появилось больше свободного времени. Вечера они проводили за чтением книг. Цири продралась сквозь «Диалоги о природе магии» Стаммельфорда, «Державы стихий» Джамбаттисты, «Естественную магию» Рихтера и Монка. Посмотрела — прочесть полностью она была не в состоянии! — такие произведения, как «Невидимый мир» Йана Беккера или «Тайна тайн» Агнес из Гланвилля. Заглядывала в древнейший пожелтевший «Codex Mirthe» и в «Ard Aercane» и даже в знаменитую, страшную «Dhu Dwimmermor», полную наводящих ужас гравюр.

Бралась и за другие, не относящиеся к магии труды. Почитывала «Историю мира» и «Трактат о жизни». Не упустила и более легких книжек из храмовой библиотеки. С румянцем на щеках проглотила «Забавы» маркиза Ла Креахма и «Королевские дамы» Анны Тиллер. Читала «Невзгоды любви» и «Час Луны» — сборники поэтических произведений

известного трубадура Лютика. Пустила слезу над нежными, с поволокой тайны балладами Эсси Давен, собранными в небольшой, изящно переплетенный томик, носящий название «Голубая жемчужина».

Частенько пользовалась предоставленным ей правом и задавала вопросы. И получала ответы. Однако все чаще ей доводилось отвечать на вопросы самой. Вначале Йеннифэр, казалось, вообще не интересовала ее судьба: ни детство в Цинтре, ни события более поздних, военных лет. Но потом вопросы становились все конкретнее. Цири вынуждена была отвечать — делала она это с большой неохотой, потому что каждый вопрос чародейки приоткрывал в ее памяти дверцы, которые она обещала себе никогда не отворять, хотела бы оставить закрытыми раз и навсегда. После встречи с Геральтом в Соддене она считала, что начала «новую жизнь» и все, что было в Цинтре, перечеркнуто окончательно и бесповоротно.

Ведьмаки в Каэр Морхене никогда ни о чем не спрашивали, а перед приездом в храм Геральт даже потребовал, чтобы она ни словечком не обмолвилась, кем была. Нэннеке, которая, конечно же, все знала, постаралась, чтобы для других жриц и послушниц Цири была самой обыкновенной внебрачной дочерью рыцаря и кметки, ребенком, которому не нашлось места ни в замке отца, ни в халупе матери. Половина послушниц в храме Мелитэле были именно такими детьми.

Йеннифэр тоже знала тайну. Она была из числа тех, кому можно доверять. Йеннифэр спрашивала. О том. О Цинтре.

— Как ты выбралась из города, Цири? Каким образом тебе удалось скрыться от нильфгаардцев?

Этого Цири не помнила. Все обрывалось, терялось во мраке и дыме. Она помнила осаду, прощание с королевой Калантэ, бабкой, помнила баронов и рыцарей, силой отрывающих ее от ложа, на котором лежала раненая, умирающая Львица из Цинтры. Помнила головокружительную скачку по пылающим улочкам, кровавый бой и падение с коня. Помнила черного наездника в шлеме, украшенном крыльями хищной птицы.

И ничего больше.

— Не помню. Я действительно не помню, госпожа Йеннифэр.

Йеннифэр не настаивала. Задавала другие вопросы. Делала это деликатно и тактично, а Цири становилась все раскованнее. Наконец начала говорить сама. Не ожидая вопросов, рассказывала о своих детских годах в Цинтре и на Островах Скеллиге. О том, как узнала о Праве Неожданности и о том, что приговор судьбы предназначил ее Геральту из Ривии, ведьмаку с белыми волосами. Рассказывала о войне. О бродяжничестве по лесам Заречья, о пребывании в деревне. О том, как Геральт нашел ее там и забрал

в Каэр Морхен, в Пристанище ведьмаков, открыв тем самым новую главу в ее короткой жизни.

Однажды вечером она по собственному почину, без всяких вопросов, свободно, весело и здорово приукрашивая, рассказала чародейке о своей первой встрече с ведьмаком в лесу Брокилон, среди дриад, которые похитили ее и хотели силой задержать, переделать в одну из своих.

— Да! — сказала Йеннифэр, выслушав рассказ. — Много бы дала, чтобы видеть это. Я говорю о Геральте. Пытаюсь представить себе его мину, тогда, в Брокилоне, когда он увидел, какую Неожданность подсунуло ему Предназначение! Думаю, у него было чудненькое выражение лица, когда он узнал, кто ты такая!

Цири расхохоталась, в ее изумрудных глазах заплясали дьявольские огоньки.

— Уж да! — прыснула она. — Мина была та еще! Еще какая! Хочешь взглянуть? Я тебе покажу. Глянь на меня.

Йеннифэр расхохоталась.

«Этот смех, — подумала Цири, глядя на летящие на восток тучи черных птиц, — этот смех по-настоящему сблизил нас. Ее и меня. Мы поняли, и она, и я, что можем вместе смеяться, говорить о нем, о Геральте. Мы вдруг стали близки друг другу, хотя я прекрасно знаю, что Геральт одновременно связывает нас и разделяет. И что так будет всегда.

Нас связал этот общий смех.

И то, что случилось двумя днями позже. В лесу, на холме. Тогда она показала мне, как отыскивать...»

— Не понимаю, зачем мне искать эти... Опять забыла, как они называются...

— Интерсекции, — подсказала Йеннифэр, выбирая репы, вцепившиеся в рукав, пока они продирались сквозь заросли. — Я тебе покажу, как их обнаруживать. Это места, из которых можно черпать Силу.

— Но я уже умею черпать Силу. А ты сама учила меня, что Сила — везде. Так зачем же мы лазаем по кустам? Ведь в храме полно энергии!

— Верно, ее там немало. Именно поэтому храм и построили в том, а не в каком-то другом месте. И потому же на территории храма тебе кажется, будто черпать энергию так легко.

— У меня уже ноги болят! Присядем на минутку, ладно?

— Ладно, утенок.

— Госпожа Йеннифэр?

— Да?

— Почему мы всегда черпаем Силу из водных жил? Ведь магическая энергия — везде. Есть в земле, правда? В воздухе, в огне?

— Правда.

— А земля... О, здесь вокруг полно земли. Под ногами. И всюду есть воздух! А если нам захочется огня, то ведь достаточно разжечь костер и...

— Ты еще слишком слаба, чтобы вытягивать энергию из земли. Еще слишком мало знаешь, чтобы тебе удалось добыть что-либо из воздуха. А играть с огнем я тебе категорически запрещаю! Я уже говорила: ни в коем случае нельзя касаться энергии огня!

— Не кричи. Я помню.

Они молча сидели на поваленном сухом стволе, слушая ветер, шумящий в кронах деревьев, и дятла, заядло долбившего где-то неподалеку. Цири хотелось есть, и слюна густела у нее от голода, но она знала, что жалобы ничего не дадут. Раньше, месяц назад, Йеннифэр реагировала на такое нытье сухой проповедью об искусстве обуздывать примитивные инстинкты, а позже просто отделялась пренебрежительным молчанием. Протестовать было так же бессмысленно, как и обижаться на прозвище «утенок». Результаты были одинаковыми. Никакими.

Чародейка выдернула из рукава последний репей.

«Сейчас она о чем-то спросит, — подумала Цири. — Я слышу, как она думает. Снова спросит о чем-то, чего я не помню. Либо помнить не хочу. И напрасно спросит! Я ей не отвечу. Все это — в прошлом, а в прошлое нет возврата. Она сама когда-то так сказала...»

— Расскажи о своих родителях, Цири.

— Я их не помню, госпожа Йеннифэр.

— Так вспомни, пожалуйста.

— Папы я действительно не помню, — сказала Цири тихо, подчиняясь приказу. — Ну... Почти совсем... Маму... Маму — да. У нее были длинные волосы, вот такие... И она всегда была грустной... Я помню... Нет, ничего не помню...

— Пожалуйста, припомни.

— Не помню!

— Посмотри на мою звезду.

...Кричали чайки, пикирующие в пробелы между рыбачьими лодками, где они хватали отходы и выбрасываемую из ящиков рыбью мелочь. Слабо полоскались на ветру паруса драккаров, над пристанью стелился пригнетаемый туманом дым. В порт входили триремы из Цинтры, блестели желтые львы на голубых стягах. Дядя Крах, который стоял рядом и держал на ее плече огромную, как у медведя, лапу, вдруг опустился на одно колено. Выстроившиеся в ряд воины принялись ритмично бить мечами по щитам.

По помосту шла королева Калантэ. Ее бабушка. Та, которую на Островах Скеллиге официально именовали Ard Rhena, Верховная Королева. Но дядя Крах ан Крайт, ярл Скеллиге, продолжая стоять на одном колене и опустив голову, приветствовал Львицу из Цинтры титулом менее официальным, однако считавшимся у островитян более почтительным:

— Будь здорова, Модрон.

— Княжна, — сказала Калантэ холодно и властно, вообще не глядя на ярла. — Иди сюда. Иди ко мне, Цири.

Рука бабушки была сильная и твердая, как рука мужчины, перстни на ней ледяные.

— Где Эйст?

— Король... — не сразу ответил Крах, — в море, Модрон. Ищет обломки... И тела. Со вчерашнего дня.

— Как ты позволил? — крикнула королева. — Как мог допустить? Как ты мог это допустить, Крах? Ты, ярл Скеллиге! Ни один драккар не имеет права выйти в море без твоего разрешения! Почему ты позволил, Крах?!

Дядя еще ниже опустил рыжую голову.

— Коней! — бросила Калантэ. — Мы едем в форт. А завтра на рассвете я отплываю. Забираю княжну в Цинтру. Никогда не разрешу ей сюда вернуться. А ты... У тебя передо мной крупный долг, Крах. Когда-нибудь я пожелаю, чтобы ты его вернул.

— Знаю, Модрон.

— Если я не сумею тебе напомнить, это сделает она. — Калантэ взглянула на Цири. — Ей вернешь свой долг, ярл. Ты знаешь как.

Крах ан Крайт встал, выпрямился, черты его загорелого лица ожесточились. Быстрым движением он выхватил из ничем не украшенных ножен прямой стальной меч, обнажил левое предплечье, покрытое

толстыми белесыми шрамами.

— Только без театральных жестов, — фыркнула королева. — Экономь кровь. Я сказала: когда-нибудь! Помни!

— Aen me Glaeddyv, zvaere a'Bloedgeas, Ard Rhena, Lions aep Xin'trea! — Крах ан Крайт, ярл Островов Скеллиге, поднял руку, потряс мечом. Воины рывкнули, колотя оружием по щитам.

— Клятву приняла. Проводи до форта, ярл.

Цири помнила возвращение короля Эйста, его окаменевшее, бледное лицо и молчание королевы. Помнила мрачный, страшный пир, на котором дикие бородатые морские волки из Скеллиге медленно упивались в мучительной тишине. Помнила шепоты. Geas Muire... Geas Muire!

Она помнила реки темного пива, выливаемые на пол, рога, растрескиваемые о каменные стены залы под взрывы отчаянного, бессильного, бессмысленного гнева. Geas Muire! Паветта!

Паветта, принцесса Цинтры, и ее муж, князь Дани. Родители Цири. Они пропали. Погибли. Их убило Geas Muire... Проклятие Моря. Их поглотил шторм, которого никто не предвидел. Шторм, которого не должно было быть...

Цири отвернулась, чтобы Йеннифэр не увидела слез, заполняющих ее глаза. «Зачем все это, — подумала она. — Зачем эти вопросы, эти воспоминания? В прошлое возврата нет. У меня уже не осталось никого. Ни папы, ни мамы, ни бабушки, той, которая была Ard Rhena, Львицей из Цинтры. Дядя Крах ан Крайт, вероятно, тоже погиб. У меня уже нет никого, и сама я — тоже другая. Возврата нет!..»

Чародейка молчала, задумавшись.

— Именно тогда начались твои сны? — неожиданно спросила она.

— Нет, — задумалась Цири. — Нет, не тогда. Позже.

— Когда?

Девочка поморщилась.

— Летом... За год до войны...

— Так. Значит, сны начались после встречи с Геральтом в Брокилоне?

Цири кивнула. «На следующие вопросы не отвечу», — решила она.

Но Йеннифэр больше вопросов не задавала. Быстро встала, глянула на солнце.

— Ну что ж. Хватит расслаиваться, утенок. Время уходит. Будем

продолжать поиски. Руку свободно вперед, не напрягай пальцев. Вперед.

— Куда идти?

— Безразлично.

— Жилы есть всюду?

— Почти. Ты научишься их обнаруживать, находить на местности, распознавать такие точки. Их помечают высохшие деревья, карликовые растения, эти места обходят стороной все животные. Кроме кошек.

— Кошек?

— Кошки любят спать и отдыхать на интерсекциях. Ходит масса рассказов о магических зверушках, но по правде-то кошка, если не считать дракона, единственное существо, умеющее поглощать Силу. Никто не знает, зачем кошке Сила и как она ею пользуется... Что с тобой?

— О-о-о! Там, в той стороне! Там, кажется, что-то есть! За тем вон деревом!

— Не фантазируй, Цири. Интерсекции можно почувствовать, стоя над ними... Хм... Интересно. Я бы сказала — невероятно. Ты действительно чувствуешь, как тянет?

— Да!

— Значит, пошли. Интересно, интересно... Ну уточняй. Покажи где.

— Здесь! В этом месте!

— Bravo! Изумительно. Ты чувствуешь, как сводит безымянный палец? Видишь, как он изгибается вниз? Запомни, это сигнал.

— Можно зачерпнуть?

— Погоди, я проверю.

— Госпожа Йеннифэр! Как оно получается, ну с этим черпанием? Если я наберу в себя Силу, то ведь ее может не хватать там, внизу. Разве так можно? Мать Нэннеке учила нас, что ничего нельзя брать просто так, ради каприза. Даже вишни следует оставлять на деревьях для птиц, и пусть ягоды сами упадут, если придет время.

Йеннифэр обняла ее, нежно поцеловала в волосы на виске.

— Хотелось бы, — промурлыкала она, — чтобы твои слова слышали другие. Вильгефорц, Франческа, Терранова... Те, кто считает, что обладает исключительными правами на Силу и может пользоваться ею без ограничений. Хотелось бы, чтобы они послушали маленького утенка из храма Мелитэле. Не бойся, Цири. Хорошо, что ты об этом думаешь, но поверь мне, Силы в природе предостаточно. Ты ей урона не нанесешь. Это все равно как сорвать в саду одну-единственную вишенку.

— Уже можно черпать?

— Погоди. Ого, это чертовски сильное гнездо. Мощная пульсация!

Осторожнее, утенок, очень осторожно, очень медленно.

— Я не боюсь! Па-па! Я ведьмачка! Ха! Я чувствую ее! Чувствую! О-о-о!!! Госпожа Йеннифэр... Йен... ни... фэ-е-е-ер...

— А, дьявольщина! Я же предупреждала! Голову выше! Выше, говорю! На, приложи к носу, иначе захлебнешься кровью! Спокойнее, спокойнее, малышка, только не теряй сознания. Я рядом. Я рядом... Дочурка. Держи платочек. Сейчас я начарую льда...

Из-за такой малой крови был колоссальный скандал. Йеннифэр и Нэннеке не разговаривали целую неделю.

Целую неделю Цири бездельничала, читала книги и скучала, потому что чародейка объявила перерыв в учебе. Девочка не видела ее круглыми днями — на рассвете Йеннифэр куда-то исчезала, возвращалась под вечер, глядела на нее странно и была странно неразговорчива.

Через неделю Цири не выдержала. Вечером, когда чародейка вернулась, она молча подошла к ней, крепко прижалась.

Йеннифэр молчала. Очень долго. Ей не надо было говорить. Ее пальцы, сжатые на плечах девочки, говорили за нее.

А еще через день после долгого многочасового разговора первосвященница и чародейка помирились.

И тогда, к огромной радости Цири, все вернулось на свои места.

— Гляди мне в глаза, Цири. Маленький огонек. Формула!

— Aine verseos!

— Хорошо. Смотри на мою руку. Такой же жест и распыли огонек в воздухе.

— Aine aep aenye!

— Прекрасно. А теперь какой жест? Да, именно такой. Очень хорошо. Усиль жест и зачерпни. Больше, больше, не прерывай!

— О-о-о-х...

— Спину прямо! Руки вдоль тела! Кисти расслабь, никаких ненужных движений пальцами, любое движение может во много раз усилить эффект, ты хочешь, чтобы здесь разгорелся пожар? Усиливай, чего ты ждешь?

— О-о-о-х, не могу... не могу...

— Расслабься и перестань трястись! Черпай! Что ты делаешь? Ну теперь лучше... Не ослабляй воли! Слишком быстро. Слишком резко прерываешь... И излишне разогреваешься! Медленнее, утенок, спокойнее. Я знаю, это неприятно. Привыкнешь.

— Больно... В животе... Вот тут...

— Ты женщина, это типичная реакция. Со временем закалишься. Но чтобы иммунизироваться, тебе надо будет тренироваться без противоболевой блокады. Это совершенно необходимо. Ничего не бойся, я слежу, экранирую тебя. Ничего с тобой случиться не может. Но боль ты должна перетерпеть. Дыши спокойнее. Соберись. Жест! Прекрасно. И бери Силу, черпай, втягивай... Хорошо, хорошо. Еще немного...

— О... о-о-ох!

— Ну видишь? Можешь, если захочешь. Теперь смотри на мою руку. Внимательно. Сделай точно такой же жест. Пальцы! Пальцы, Цири! Гляди на мою руку, а не на потолок. Теперь хорошо, да, очень хорошо. Связывай! А теперь разверни, обрати жест и выдай Силу в виде яркого света.

— И-и-и! И-и-и...

— Перестань выть! Возьми себя в руки! Это спазм! Сейчас пройдет. Пальцы шире, пригаси, выдай это из себя! Медленнее, черт побери, не то лопнут кровеносные сосуды!

— И-и-и-к!

— Слишком бурно, утенок, все еще слишком бурно. Знаю, Сила вырывается наружу, но ты должна научиться ею управлять. Нельзя допускать таких взрывов, как только что. Если б я тебя не экранировала, ты натворила бы тут черт знает что... Ну еще разок. С самого начала. Жест и формула!

— Нет! Хватит! Я больше не могу!

— Дыши медленнее, перестань дрожать, сконцентрируйся и начинай.

— Нет, ну пожалуйста, госпожа Йеннифэр... Мне больно... Мне нехорошо...

— Только без слез, Цири. Нет ничего отвратительнее, чем ревущая чародейка. Ничто не вызывает большей жалости. Запомни! Никогда об этом не забывай. Еще раз, сначала. Заклинание и жест. Нет, нет, теперь без подсказки. Сделай сама. Ну напряги память!

— Aine verseos... Aine aen aenue... О-о-о-х!

— Скверно! Слишком быстро.

Магия, словно железный дротик с крюком, засела в ней. Ранила глубоко. Болела. И причиняла боль. Ту странную боль, которая удивительным образом сочетается с блаженством.

Для разрядки они снова бегали по парку. Йеннифэр убедила Нэннеке выдать из хранилища меч Цири, разрешила девочке тренироваться в выпадах, вольтах и финтах. Разумеется, так, чтобы другие жрицы и послушницы этого не видели. Но магия присутствовала во всем и всегда. Цири училась простыми заклинаниями и концентрацией воли расслаблять мускулы, снимать спазмы, контролировать адреналин, управлять лабиринтом внутреннего уха и блуждающим нервом, ускорять либо замедлять пульс, недолго обходиться без кислорода.

Чародейка удивительно много знала о мече и ведьмачьем «танце». Знала массу всякой всячины о секретах Каэр Морхена. Она, несомненно, бывала в Замке. Знала Весемира и Эскеля. Ламберта и Койона не знала.

Йеннифэр бывала в Каэр Морхене, Цири догадывалась о причинах того, почему во время бесед о Замке глаза чародейки становились теплее, утрачивали злой блеск и холодную, равнодушную, мудрую глубину. Если б эти слова годились для Йеннифэр, Цири назвала бы ее в такие минуты размечтавшейся, вслушивающейся в воспоминания.

О причинах Цири догадывалась. Да.

Была тема, затрагивать которую девочка интуитивно и старательно избегала. Но однажды разогналась и разболталась. О Трисс Меригольд. Йеннифэр как бы неохотно, как бы равнодушно, как бы банальными, тщательно дозируемыми вопросами вытянула из Цири все до конца. Глаза у нее при этом были жесткие и непроницаемые.

О причинах Цири догадывалась. Но, о диво, уже не чувствовала раздражения. Магия успокаивала.

— Так называемый Знак Аард, Цири, это очень простое заклинание из

разряда психокинетических чар, основывающееся на направлении энергии в требуемую сторону. Мощность броска зависит от концентрации воли излучающего и выданной им Силы. Она может быть значительной. Ведьмаки освоили это заклинание, воспользовавшись тем, что оно не требует знания магической формулы — достаточно концентрации и жеста. Поэтому они называли его Знаком. Откуда они взяли название, не знаю, возможно, из Старшей Речи. Слово «ard» означает, как известно, «верх», «верхний», «высочайший». Если так, то название это очень обманчиво, потому что трудно найти более легкое психокинетическое заклинание. Мы, разумеется, не станем терять времени и энергии на такой примитив, как ведьмачий Знак. Мы будем изучать истинный психокинез. Ну-ка потренируемся. На той вон корзинке, что лежит под яблоней. Сконцентрируйся.

— Готово.

— Слишком быстро. Напоминаю: контролируй истечение Силы. Выдать ты можешь лишь столько, сколько взяла. Если выдашь хотя бы на малую толику больше, то это пойдет за счет твоего собственного организма. Такое усилие может лишить тебя сознания и даже убить. Если же ты выдашь все, что взяла, то потеряешь возможность повторить, придется черпать еще раз, а ты уже знаешь, как это трудно и небезболезненно.

— О, знаю!

— Нельзя ослаблять концентрацию и позволять энергии вырываться из тебя самой. Моя учительница любила говорить, что выдавать Силу следует так, как будто ты — прости! — пукаешь в бальном зале: нежно, экономно и под контролем. И так, чтобы посторонние не догадались, что это твоя работа. Понимаешь?

— Понимаю!

— Выпрямись и перестань хихикать. Напоминаю: заклинание — дело серьезное. Его бросают в грациозной, но и гордой в то же время позе. Жесты проделывают плавно, сдержанно. С достоинством. Не строят глупых мин, не морщатся, не высовывают языка. Ты оперируешь силами природы, так прояви к природе уважение.

— Хорошо, госпожа Йеннифэр.

— Будь внимательнее, на этот раз я тебя не экранирую. Ты самостоятельная чародейка. Это твой дебют, утенок. Видела бутылку с вином на шкафчике? Если дебют пройдет хорошо, твоя учительница выпьет сегодня вечером.

— Одна?

— Ученикам пить вино разрешают только после сдачи экзаменов на подмастерье. Придется подождать. Ты понятливая, так что осталось всего годков десять, не больше. Ну, начинаем. Сложи пальцы. А левая рука? Ишь, размахалась! Опусть свободно или упрись в бок. Пальцы! Хорошо. Ну, выдавай!

— А-а-а-х!

— Я не просила издавать звуки! Выдай энергию. Молча.

— Ха-а-а! Ха! Подскочила! Корзинка подскочила! Ты видела?

— Едва-едва дрогнула. Цири, экономно не значит слабо. Психокинез используют с определенной целью. Ведьмаки применяют Знак Аард, чтобы сбить противника с ног. Энергия, которую ты выдала, не собьет у противника даже шапки! Еще раз! Немного сильнее. Смелее!

— Ха! Поплыла! Теперь было хорошо? Правда? Госпожа Йеннифэр?

— Хм... Потом сбегашь на кухню, стащишь немного сыра к нашему вину... Было почти хорошо. Почти. Еще сильнее, утенок, не бойся. Подними корзинку с земли и как следует ударь ею о стену вон того сарайчика, так, чтобы перья полетели. Не сутулься. Голову выше! Грациозно, но гордо! Смелее, смелее! О черт!

— Ой-ёй! Прости, госпожа Йеннифэр... Кажется... я выдала чуточку многовато...

— Совсем капельку. Не нервничай. Иди сюда. Ну маленькая...

— А сарайчик?

— Это случается. Не переживай. Дебют в принципе следует оценить положительно. А сарайчик? Это был не такой уж красивый сарайчик. Так, сараюшка какая-то. Не думаю, чтобы кому-то его очень уж доставало в ландшафте. Но-но, милые дамы! Спокойно, спокойно, к чему такой шум и гам, ничего же не случилось! Без нервов, Нэннеке! Ничего не случилось, повторяю. Просто надо собрать доски. Пригодятся для печки.

В теплые безветренные вечера воздух густел от аромата цветов и трав, дышал покоем и тишиной, прерываемой брэнчанием пчел и жужжанием больших жуков. В такие часы Йеннифэр выносила в сад ивовое кресло Нэннеке, усаживалась, вытянув ноги далеко вперед. Она часами изучала книги, часами читала письма, которые получала через странных посланцев, в основном — птиц. Иногда просто сидела, уставившись вдаль. Одной рукой задумчиво теребила свои черные блестящие локоны, другой гладила

по голове Цири, которая сидела на траве, пристроившись к теплому упругому бедру чародейки.

— Госпожа Йеннифэр?

— Я здесь, утенок.

— Скажи, с помощью магии можно сделать все-все?

— Нет.

— Но многое, верно?

— Верно. — Чародейка на минуту прикрыла глаза, коснулась пальцами век. — Очень многое.

— Что-нибудь действительно огромное... Что-то страшное! Очень страшное?

— Порой значительно более страшное, чем хотелось бы.

— Хм... А я... Когда-нибудь я сумею сделать что-нибудь такое?

— Не знаю. Может быть, никогда. Лучше б никогда.

Тишина. Молчание. Жара. Аромат цветов и трав.

— Госпожа Йеннифэр?

— Что еще, утенок?

— Сколько тебе было лет, когда ты стала чародейкой?

— Хм... Когда сдала вступительные экзамены? Тринадцать.

— О! Как и мне! А сколько... сколько тебе было лет, когда... Ну об этом не спрошу...

— Шестнадцать.

— Ага... — Цири слегка покраснела, изобразила неожиданный интерес к облаку удивительной формы, висящему высоко над храмовыми башнями. — А сколько тебе было лет... когда ты познакомилась с Геральтом?

— Больше, утенок, намного больше.

— Ты все время называешь меня утенком! Ведь знаешь же, как я этого не люблю. Почему ты так делаешь?

— Потому что я ехидная. Чародейки всегда бывают ехидными.

— Но я не хочу быть утенком... гадким, как в той сказке. Хочу стать красивой. По-настоящему красивой, как ты, госпожа Йеннифэр. Благодаря магии я когда-нибудь смогу быть такой же красивой?

— Ты... К счастью, тебе этого делать не надо... Тебе для этого магия не нужна. Ты сама не знаешь, какое это счастье.

— Но я хочу быть действительно красивой!

— Ты действительно красива. Ты действительно красивый... утенок. Мой красивый утенок. Мой прекрасный лебеденок... Лебеденок...

— О, госпожа Йеннифэр!

— Цири, ты наделаешь мне синяков.
— Госпожа Йеннифэр?
— Слушаю.
— На что ты так смотришь?
— На то вон дерево. Это липа.
— А что в ней такого интересного?
— Ничего. Просто мне приятно ее видеть. Меня радует, что я... я могу ее видеть.

— Не понимаю.
— Это хорошо.
Тишина. Молчание. Душно.
— Госпожа Йеннифэр?
— Что еще?
— К твоей ноге ползет паук. Смотри, какой противный.
— Паук как паук.
— Убей его!
— Мне не хочется наклоняться.
— Тогда убей заклинанием!
— На территории храма Мелитэле? Чтобы Нэннеке вытурила нас в шею? Нет уж, благодарю. А теперь сиди смирно. Мне надо подумать.

— А над чем ты так раздумываешь? Ну, ну, все. Молчу.
— Не нахожу слов от радости. А я уже начала было опасаться, что ты задашь один из своих несравненных вопросов.

— Почему бы и нет? Я люблю твои несравненные ответы!
— Наглеешь, утенок.
— Я — чародейка. А чародейки ехидны и наглы.

Молчание. В воздухе неподвижность. Душно, как перед грозой. И тишина. На этот раз прерываемая только далеким карканьем воронья.

— Их все больше, — задрала Цири голову. — Летят и летят... Как осенью. Отвратные птицы... Жрицы говорят, что это плохой знак... Знамя... Нет. Знамение или как-то так. Что такое знамение, госпожа Йеннифэр?

— Прочитай в «Dhu Dwimmermorс». Там целая глава посвящена этому.
Молчание.
— Госпожа Йеннифэр?
— А, черт! Ну что там еще?
— Почему Геральт так долго... Почему он не приезжает?
— Наверно, забыл о тебе, утенок. Нашел себе девочку покрасивее.
— Ох, нет! Знаю, что не забыл! Не мог! Знаю, знаю наверняка,

госпожа Йеннифэр!

— Прекрасно, что знаешь. Счастливый ты... утенок.

— Я тебя не любила, — повторила Цири.

Йеннифэр не взглянула на нее, по-прежнему стояла, отвернувшись, у окна и глядела в сторону темнеющих на востоке холмов. Над холмами небо было черным от воронья.

«Сейчас спросит, — подумала Цири, — почему я ее не любила. Нет, она слишком умна для таких вопросов. Сухо обратит внимание на грамматическую форму и спросит, с каких пор я начала употреблять прошедшее время. И я скажу. Я буду такая же сухая, как она, повторю ее тон, пусть знает, что я тоже умею притворяться холодной, бесчувственной и равнодушной, стыдящейся чувств и эмоций. Я ей все скажу. Хочу, должна все сказать. Хочу, чтобы она обо всем знала, прежде чем мы покинем храм Мелитэле. Прежде чем выедем, чтобы наконец встретиться с тем, по которому я тоскую. С тем, по которому тоскует она. С тем, кто наверняка тоскует по нам обеим. Хочу сказать ей, что...

Я скажу ей это. Только бы она спросила».

Чародейка отвернулась от окна, улыбнулась. И не спросила ни о чем.

Они выехали на следующее утро на заре. В мужских дорожных одеждах, в плащах, шапочках и капюшонах, прикрывающих волосы. Обе вооруженные.

Провожала их только Нэннеке. Они с Йеннифэр долго и тихо разговаривали, потом обе, чародейка и первосвященница, крепко, по-мужски пожали друг другу руки. Цири, держа поводья своей серой в яблоках лошади, хотела попрощаться так же, но Нэннеке не позволила. Обняла ее, прижала, поцеловала. В глазах у нее стояли слезы. У Цири тоже.

— Ну, — наконец сказала первосвященница, вытирая глаза рукавом. — Отправляйтесь. Пусть Великая Мелитэле хранит вас в пути, дорогие мои. Но у богини и без вас множество дел, так что сами тоже не плошайте. Смотри за ней, Йеннифэр. Береги ее как зеницу ока.

— Надеюсь, — едва заметно усмехнулась чародейка, — что смогу

уберечь гораздо лучше.

По небу в сторону Долины Понтара летели стаи ворон, громко каркая. Нэннеке не смотрела на них.

— Берегите себя, — повторила она. — Грядут тяжелые времена. Может оказаться, что Ithlinne аер Aevenien знала, что предрекает. Грядет Час Меча и Топора. Час Презрения и Волчьей Пурги. Береги ее, Йеннифэр. Не позволяй никому обижать ее.

— Я вернусь сюда, матушка, — сказала Цири, запрыгивая в седло. — Обязательно вернусь! Скоро!

Ей было невдомек, как сильно она ошибалась.